

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОБЩИНА

и СОЦИАЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ
У НАРОДОВ
ВОСТОЧНОЙ
и ЮГО-ВОСТОЧНОЙ

АЗИИ

Ответственный редактор
Р. Ф. Итс

1-6-2

66-67—67 (I пол.)

Предисловие

Наша эпоха ознаменована выходом на историческую арену многих народов бывших колоний и полуколоний. Современные исследования их социальных отношений способствовали возрастанию объема фактических сведений о докапиталистических и даже доклассовых обществах. Накопление научной информации привело к необходимости широкого обмена мнениями в среде историков, этнографов и философов по различным вопросам истории человечества.

Азия в самом широком смысле этого слова (включающая и генетически связанные с ней тихоокеанские области) дает примеры сохранения архаичных социальных институтов. Если в XIX в. наука располагала относительно достоверными данными только по формам социальной организации у народов Индии, то в настоящее время, чтобы быть во всеоружии при оценке прошлых этапов развития общества, необходимо ввести в научный оборот накопленные к середине XX в. разнообразные материалы по азиатскому региону.

Предлагаемый читателю сборник статей как раз и преследует цель познакомить специалистов с частью таких новых данных. Авторский коллектив считает это тем более необходимым, ибо, как показывает заключительная статья сборника (в ней особое внимание обращено на институты Древнего Востока), этнография, изучая архаичные живые общества, дает аналогии для понимания древних этапов социальной истории.

Значительное внимание в среде исследователей-марксистов в настоящее время уделяется проблеме «азиатского способа производства».¹ И, несмотря на то что дискуссия еще не завершена, в ходе ее выявились два направления: географическое, объединяющее ученых, считающих, что под термином «азиатский» Карл Маркс имел в виду явления, специфические только для стран Востока, и стадияльное, сторонники которого утверждают

---

¹ Обзор современного состояния дискуссии см.: Ю. М. Гарушянц. Об азиатском способе производства. *Вопр. ист.*, 1966, № 2, стр. 83—100; Л. В. Данилова. Дискуссия по важной проблеме. *Вопр. филос.*, 1965, № 12, стр. 149—156.

существование на заре классового общества особого способа производства, имевшего всеобщий характер. Сколь бы ни была справедлива последняя концепция, трудно полностью отказаться от необходимости учитывать и географический аспект.

В настоящем издании впервые достаточно полно на русском языке, а в ряде случаев и впервые в мировой науке рассматриваются некоторые общества, которые стадияльно могут быть сопоставлены с эпохой сложения классов и государства, т. е. с периодом, считающимся отдельными историками-марксистами временем существования «азиатского способа производства». И, хотя материал сборника географически совпадает с азиатским районом, авторский коллектив надеется, что читатель обратит внимание на главное: всеобщность последовательной смены форм общины — важнейшей социальной ячейки доклассового, раннеклассового и классового обществ.

Именно в общине доклассовой эпохи находит свое выражение необходимость коллективного производства и потребления, а также естественное равенство людей, связанных родственными узами. Постепенный прогресс производительных сил ведет к эволюции как самого общества, так и общины. Теперь община уже отражает две тенденции: свойственный человеку коллективизм и обусловленное социально-экономическими причинами стремление к индивидуальному присвоению. Последняя форма общины знаменует собой конец эпохи первобытного коммунизма и начале классового общества.

Маркс называл первую форму общины первобытной, или архаической, вторую земледельческой, или сельской.² В советской этнографической науке первую еще называют родовой. Родовая, или архаическая, община целиком связана с эпохой доклассового общества — самым длительным периодом в истории человечества. Вторая, возникая в недрах первой, в ряде случаев доживает до капитализма и империализма. Учитывая сложность и неоднородность условий общественного развития, вполне допустимо наличие переходной формы общины, которую авторы сборника называют семейно-родовой или соседско-большесемейной. По своему содержанию (дуализму собственности — коллективной и частной отдельных семей) такая община не отличается от сельской, но в ее структуре и главное в составе ее членов родственные связи еще преобладают над связями территориальными.

В социальной структуре доклассовых и раннеклассовых обществ народов Восточной и Юго-Восточной Азии еще в недалеком прошлом велико было значение общинных институтов. Во многом их роль существенна и по сей день. В этой связи следует напомнить, что в ряде политических деклараций лидеров народов Азии и Африки общинным традициям отводится важное место в со-

---

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 401—407.

циальном переустройстве их стран. Следовательно, исследование общины актуально, так как, с одной стороны, оно связано с проблемой общественно-экономической формации, с другой — с политической жизнью современных народов.

Вместе с тем теоретическое изучение общины и ее места в современном мире практически только начинается. Некоторые положения в статьях сборника, очевидно, дискуссионны, однако значение сборника, как публикации первичного научного материала и разнообразных этнографических данных, несомненно.

Настоящий сборник выходит в свет в год пятидесятилетнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции.

Всемирно-исторический поворот человечества от капитализма к коммунизму, начатый полвека назад, явился неизбежным результатом развития общества, объективные законы которого были открыты классиками марксизма-ленинизма. В их теоретическом наследии учение об общественно-экономических формациях является стержнем исторической концепции.

Создавая свою историческую концепцию, ставшую неотъемлемой частью политической программы коммунистических и рабочих партий современного мира, классики марксизма-ленинизма опирались на огромный фактический материал различных отраслей науки. За каждым их выводом, за каждым политическим прогнозом, за каждым положением стратегии и тактики стоит колоссальная исследовательская работа и итог философских обобщений. Только опираясь на подлинные научные знания, рабочий класс и его партия могли совершить революцию, преобразившую социальную структуру мира, и только познав объективные законы развития природы и общества, социалистическое общество способно завершить построение коммунизма. Замена этих важнейших принципов волюнтаризмом, волевыми решениями вредит делу рабочего класса, делу освобождения трудящихся всей земли. В современную эпоху, когда свергнувшая иго колониализма и империализма часть человечества дает чрезвычайно разнообразную социальную и историческую картину, в значительной степени возрастает роль глубокого освоения теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма коммунистическими и рабочими партиями, идущими в авангарде освобожденных народов.

Сегодня, когда в нашей стране закладываются экономические основы коммунистического, т. е. бесклассового, общества, следует обозреть путь, пройденный человечеством. Эпоха существования антагонистических классов и их инструмента — государства, эпоха господства частной собственности как результата угнетения большинства меньшинством была тяжелой, но исторически необходимой. В эту эпоху закалялся человеческий разум и зрело сознание неизбежного возвращения людей к коллективизму, но уже не стихийно необходимому, как было пять тысячелетий назад, а к сознательно необходимому. Пройдя через период угнетения и бес-

правления, люди вновь, но уже на высшей стадии (не путем уравниловки, вызванной экономической слабостью, а путем полного удовлетворения своих материальных и духовных потребностей), возвращаются к тому, что свойственно человеку, — к обществу свободы, равенства и братства.

Исследование ранних форм социальной организации и общины у различных народов мира полностью подтверждает, что институты, именуемые буржуазной наукой «вечными», — частная собственность, государство, семья — суть порождение того переходного периода между доклассовым и бесклассовым обществами, которому было отведено ничтожно малое время в сравнении со всей прошлой историей человечества, измеряемой миллионами лет, и всей бесконечностью грядущей.

Р. Ф. Итс

Община у горных народов Ассама

Индия с ее многомиллионным населением, этнически очень разнородным по составу, дает пример многообразия форм общинной организации, некоторые из которых никак не укладываются в принятое понятие «индийской общины». Так, исключительным своеобразием отмечена социальная организация народов горного Ассама, далекая от классического индийского образца.¹

Крайний северо-восточный штат Индии Ассам (из состава которого в 1960 г. был выделен новый штат Нагаленд), расположенный у границ Китая и Бирмы, очень сложен по этническому составу. Обширную долину Брахмапутры и ее притоков занимают ассамцы и бенгальцы — земледельцы, говорящие на языках индоевропейской семьи; горные же области, обрамляющие эту долину с юга и востока, населяют многочисленные мелкие народности и племена, образующие особую этническую группу среди многоязычных народов Индии. Предками их явились давние переселенцы из Восточной Азии, которые, распространяясь из при-тибетских районов по Юго-Восточной Азии, заняли и крайние области Восточной Индии.

Каждый последующий пласт переселенцев, южных монголоидов по своей расовой принадлежности, оттеснял своих предшественников с плодородных речных долин в окружающие горы, частично ассимилируя отдельные их слои. Наиболее ранние из мигрантов — мон-кхмерские народы, пришедшие на территорию современных Бирмы и Ассама, — смешались с древнейшим аборигенным населением, скорее всего австралоидным, а затем были в свою очередь поглощены волнами тибето-бирманских переселенцев, на рубеже нашей эры начавших заселение рассматриваемого района. Пути их миграций, продолжавшихся на протяжении многих столетий, были очень сложны. Впоследствии и эти последние переселенцы вынуждены были уступить наиболее удобные для земледелия равнинные земли завоевателям ахомам — тайязыч-

---

¹ Предварительные выводы об общине у горных народов Ассама были изложены в докладе на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, состоявшемся в Москве в августе 1964 г. (С. А. Маретина. Община у малых народов Ассама. М., 1964).

ным выходцам из Бирмы (XIII в. н. э.). Ахомы, смешавшись с индоевропейскими народами, которые на протяжении многих веков просачивались из северной и северо-западной Индии, составили основное ядро ассамской народности.

В результате всех этих переселений потомки старых мон-кхмерских и тибето-бирманских завоевателей оказались оттесненными в труднодоступные горные области, где они сохранили многие своеобразные черты своей социальной организации и культуры; группы их, оставшиеся на равнине, растворились (за редкими исключениями) в окружающем земледельческом населении.

В настоящее время горные области Ассама, а также связанных с ним штата Нагаленд и бывших княжеств Манипур и Трипура населяют несколько десятков племен и пародностей, говорящих на различных языках тибето-бирманской группы (ассамо-бирманская ветвь) и мон-кхмерской семьи; общая их численность около 2 млн чел.² Распределяются они следующим образом: Ассамо-Бирманское нагорье, пересекающее Ассам в широтном направлении вдоль южного берега Брахмапутры, населяют (с запада на восток) гаро, кхаси — единственные в Индии представители мон-кхмеров — и микиры; далее на востоке лежит труднодоступная область гор Нага (теперь штат Нагаленд), которую занимают различные народности и племена нага — ангами, лхота, ао, сема, ренгма, коньяк и др. В южной и юго-восточной части Ассама, Манипуре и Трипуре в горных областях живут отдельные группы куки-чин (горные куки — чиру, аймоль, пурум; чины — лушей, тхадю, лакхеры и др.), а в Манипуре — и некоторые группы нага (так называемые манипурские нага). В западном Ассаме, на северном берегу Брахмапутры, имеются деревни равнинных бара (из группы бодо, к которой принадлежат и упоминавшиеся выше гаро). Однако население этих деревень, как и немногочисленные группы некоторых других горных пародностей, живущие у подножия своих гор, в большей степени поддается влиянию окружающих индустских народов и отказывается от своих старых обычаев.

В результате многовекового проживания в изолированных горно-лесных районах у большинства малых пародов Ассама сложился тип общины, сходный для всех них в основных чертах. Вместе с тем у отдельных народов имеются и вариации такого типа, связанные с уровнем их развития, влиянием соседей и т. д. На характере горных ассамских общин сказались также последствия политической изоляции, в которой они оказались в период британского владычества: они вошли в состав так называемых исключенных округов, остававшихся за пределами политических и социальных преобразований в стране. Следствием этой политики явилась не только экономическая и культурная отсталость горных

² Общую этнографическую характеристику этих народов см.: Народы Южной Азии. М., 1963, стр. 483—507.

народов, но также сохранение в их социальной организации многих пережитков первобытнообщинных отношений и связанных с ними институтов.

Землевладение и землепользование

Горные и лесные условия определили характер экономической базы ассамских общин. Основу их хозяйства составляет подсечно-огневое земледелие, обозначаемое здесь термином *джхум*. Другие формы земледелия, о которых речь пойдет ниже, значительно более позднего происхождения.

Особенностью системы джхум является то, что она связана с периодической сменой обрабатываемых участков. Этот способ, при котором не применяются никакие удобрения, кроме золы от сожженного леса, приводит к быстрому истощению почвы: после двух-трех лет эксплуатации участка его приходится оставлять лет на 15—20 (сроки колеблются в зависимости от высеваемых культур).

Еще в конце прошлого века, когда в горах Ассамы было много свободных земель, земледелие у ряда народов носило, по существу, полукочевой характер, и вслед за сменяемым полем часто переносилось и поселение.³ Однако постепенно, по мере сокращения ничейных земель, пригодных для земледелия, деревни приобретают более стабильный характер, период «отдыха земли» начинает сокращаться, поля меняют уже не в произвольно выбранных местах, а в определенном районе, так как большая часть территории оказывается распределенной между отдельными племенами и общинами.

Более длительная эксплуатация одного участка и сокращение периода отдыха земли приводит к еще большему истощению почвы. Эти обстоятельства, а также естественный рост населения являются причиной того, что в Ассаме, где еще несколько десятилетий тому назад не знали обычного для Индии земельного кризиса, недостаток земли начинает давать себя чувствовать все острее. Так, в последние годы в периодической печати Индийской Республики все чаще появляются тревожные сигналы по поводу растущего безземелья в горах Лушей или у некоторых народностей горной части Манипура.⁴ Однако в целом положение с землей в горном Ассаме сравнительно более благополучно, чем в равнинных областях страны.

Разрушительные последствия джхума приводят к тому, что целые массивы высокоствольных лесов уступают место бамбуковым зарослям, которые не могут быть использованы под пашню. Поэтому все большую важность приобретают другие способы об-

³ T. Das. The Purums: an Old Kuki Tribe of Manipur. Calcutta, 1945, p. 13.

⁴ См. «People's Age» и «New Age» за 1950—1960-е годы.

работки почвы, связанные с постоянным земледелием. Еще в конце прошлого века многие народности были знакомы с заливным земледелием: Таковы ангами, ренгма нага, кхаси и др.; орошаемое земледелие у них выступало в форме террасного земледелия, обычно того же палочно-мотыжного типа, что и джхум.⁵ В настоящее время заливные поля начинают появляться и у других народов, что всячески поощряется индийской администрацией. Была создана специальная правительственная комиссия, занимающаяся изучением вопроса о внедрении террасного и иных видов заливного земледелия с целью сохранения плодородия почв.⁶ Следует отметить, что типы заливного рисосеяния различны. Так, у нага это, как правило, система небольших террас, обрабатываемых вручную и разбиваемых по склонам гор Нага, у гаро (где этот вид является сравнительно недавним) заливные поля никогда не выступают в виде террас, а занимают углубления и долины в горах Гаро (для обработки этих полей используется скот).⁷

Наряду с заливным земледелием у всех народов продолжает сохраняться и подсечно-огневое, так как даже в тех редких случаях, когда орошаемые поля дают достаточное количество риса, один рис не может удовлетворить потребности ассамских племен, и поля джхум по-прежнему необходимы для выращивания проса, кукурузы, хлопка и других культур. Появление заливного земледелия оказывает самое непосредственное воздействие на ход развития общины у горных народов: с ним связано начало разложения общины.

Наконец, следует упомянуть еще об одной форме земледелия — плужном, практикуемом пока в отдельных случаях, преимущественно некоторыми горными племенами Манипура. Оно распространено на арендованных у мейтхеев (основной народности Манипура) полях у подножия гор. Появление полей, обрабатываемых плугом, — явление наиболее позднее; оно не вытекает из развития общинной экономики, а является одним из следствий контактов с равнинным населением.

Плантационные хозяйства капиталистического типа (в частности, знаменитые ассамские чайные плантации) на территории рассматриваемых народов не распространились; однако их косвенное влияние дает себя знать, особенно в последние годы, вызывая развитие отходничества, к которому начинают прибегать и некоторые ассамские народности.

Именно земледелие определяет экономику горных народов Ассама. Животноводство в качестве самостоятельной отрасли сель-

---

⁵ B. B. Verma. Agriculture and Land Ownership System among the Primitive People of Assam. Delhi, 1956, p. 16.

⁶ B. C. Gohain. Shifting Cultivation among the Abors. Report of the Second Conference for Tribes and Tribal Areas, Delhi, 1954, p. 257.

⁷ R. Burling. Rengsanggrî: Family and Kinship in a Garo Village. Philadelphia, 1963, p. 302.

ского хозяйства развития не получило и носит подсобный характер. Молока горные народы Ассама не пьют, скот как тягло стали использовать лишь в последние годы, и то пока в единичных случаях; поэтому главное его назначение — служить источником мяса (для питания и жертвоприношений) и быть предметом обмена. В этой последней роли особенно часто выступает митхен — вид быка-гаяла, являющегося у ряда народов расчетной единицей при обмене и различных сделках (плата за жену, за выкуп раба и т. д.).⁸

Подсобные занятия представлены охотой и рыболовством, роль последнего колеблется в зависимости от местоположения деревни (близость к реке, наличие в ней рыбы, близость базара и т. д.). Именно в этих древнейших видах занятий в наибольшей степени сохраняются порядки общинного коллективизма. В некоторых лесных общинах при наличии земледелия сохраняется собирательство.

Ремесло развито преимущественно домашнее, типичное для натурального хозяйства, специализация наблюдается лишь в некоторых его видах (например, в кузнечестве). Излишки ремесленного производства могут быть обменены, однако производство специально для обмена не налажено.

В то же время обмен уже издавна получил значительное развитие в горах Ассама, ибо далеко не все потребности отдельных племен (в отношении продуктов питания и предметов ремесла) могли быть удовлетворены собственными силами. Тем не менее хозяйство оставалось в основе своей натуральным: на базар выносили лишь излишки собственного производства и там приобретали недостающее, а специальных товарных культур не производили. Сочетание натурального хозяйства с сильно развитыми обменными отношениями составляет одну из характерных черт экономики горных народов Ассама. Обмен в денежной и натуральной форме был развит как между отдельными ассамскими деревнями, так и с жителями равнин — бенгальцами, ассамцами. С утверждением английской администрации деньги понадобились для уплаты налогов. Однако обменные операции внутри деревни или даже между деревнями и теперь часто обходятся без них. Торговля с жителями равнин требует денежной оплаты,⁹ ибо покупателями продуктов ассамских гор часто являются различные перекупщики или даже представители дальних торговых фирм (например, среди скупщиков хлопка можно встретить представителей бомбейских фирм¹⁰). Сейчас жизнь горных народов невозможно представить без постоянной связи с рынком. Существуют регулярные базары. За последние годы очень увеличился ассорти-

⁸ C. A. Soppit. An Historical and Descriptive Account of the Kachari Tribes in the North Cachar Hills. Shillong, 1885, p. 25.

⁹ R. B u r l i n g. Rengsanggri..., p. 272.

¹⁰ Там же, стр. 280.

мент товаров: горцы теперь покупают множество промышленных товаров, без которых раньше вполне обходились — зеркала, пуговицы, лезвия бритв, карандаши и др. Большая специализация ремесел активизирует обмен и привычными товарами: тканями, предметами кузнечества и т. д.

Главное же, что свидетельствует о глубокой трещине в натуральном хозяйстве и начале его разложения, — это появление у ряда народов культур, предназначенных специально на продажу. Развитие экспортных культур — свидетельство начавшейся замены натурального хозяйства денежным (хотя подобный процесс у многих народов еще только намечается). Примером таких культур являются хлопок у гаро (выращиваемый у некоторых групп даже в ущерб рису — основе их питания), апельсины у одной из групп кхаси — вар-кхаси, отдающих свою продукцию скупщикам-мусульманам.¹¹ В то же время недостающий в неурожайные годы рис обычно предпочитают покупать не на рынке, а у тех соплеменников, у которых урожай был более удачен.¹²

Таковы особенности хозяйства горных народов Ассама, определившие многие черты общины у ассамских народностей. В настоящее время эта община переживает сложный период, когда общинные институты находятся в состоянии изменения под влиянием самых противоречивых факторов.

Пережитки родовой организации, составляющие специфику социальной структуры многих ассамских малых народов, сосуществуют с развивающимися товарно-денежными отношениями. В наши дни традиционная организация в большинстве общин еще сохраняется, но процессы изменения и разложения в первую очередь родовых, а затем и сельских институтов идут очень интенсивно. Многие из этих процессов начались еще на рубеже нашего века, другие только начинаются. Следует иметь в виду и то, что речь идет о нескольких десятках народов, имевших неодинаковые темпы исторического развития. У одних народов (гаро, нага, микиры, горные куки) никогда не было раннегосударственных образований, жили они изолированными общинами и не знали верховной власти. Другие (кхаси, многие чины) имели свои «княжества» (чаще всего не превышавшие пределов одной деревни), где протекали процессы постепенной феодализации общины. Наконец, у народов группы бодо (качари, коччи, чхуття, типшера) в XIII—XVI вв. существовали раннеклассовые государственные образования, распространившиеся на значительную часть территории современного Ассама.

С течением времени наиболее культурная и политически активная часть этих народов была поглощена последующими завое-

¹¹ P. K. D. Gupta. A Note of Inter-Ethnic Relationship and Certain Changes in the Life of the War-Khasi of Shella. Vanyajati, v. IX, 1961, № 3, pp. 104-115.

¹² R. B u r l i n g. Rengsanggrī. . . , p. 286.

вателями, в то время как более изолированные группы сохранили старые общинные институты. Наличие в прошлом своих государств, степень участия в политических событиях средневекового Ассама, существование исторических контактов с более развитыми народами сказались на развитии общины, на степени сохранности родовых институтов в настоящее время.

В наши дни община у всех малых народов Ассама принадлежит к соседскому типу, хотя в пределах данного типа у разных народов можно наблюдать различные этапы развития сельской общины. У нага и гаро родовые группы продолжают оставаться основой социальной жизни общины, нередко сохраняется расселение по родовому признаку, в то время как у некоторых групп чин роль родовых связей ничтожна. Вместе с тем и у тех, и у других основу производственных отношений составляют не старые родовые связи, а отношения, характерные для соседской общины. Каждый житель деревни — не только член своего рода, но и прежде всего член всей общины, в состав которой входят различные родовые группы. Община дает ему определенные земельные права, перед общиной он ответствен за выполнение обязанностей общинника.

Тип общины (соотношение отдельных кровнородственных и территориальных групп в ее пределах) наиболее отчетливо дает себя знать в принципах распределения земли и в формах земельной собственности. Для общины в горах Ассама, как и вообще для соседской общины, характерно сосуществование различных форм собственности на землю. Каждой общине (а община, как правило, совпадает с деревней) принадлежат окружающие земли джхум. Границы земельных владений отдельных племен и общин были установлены в период британского владычества, в основном в том же виде они продолжают сохраняться и в наши дни.

Ведущей формой собственности на землю джхум (или ведущей в недавнем прошлом) остается общинное землевладение при индивидуальном землепользовании. При этом общинное землевладение постепенно принимает все более формальный характер, хотя и определяет специфику современных земельных отношений у ассамских горцев. Обработка земли, потребление урожая уже давно носят индивидуальный характер; больше того, земля передается по наследству традиционному наследнику — сыну или дочери, в зависимости от линейности. При подсечно-огневом земледелии у большинства народов (об исключениях будет сказано ниже) семья даже по прошествии многих лет (пока земля отдыхает и зарастает вторичным лесом) сохраняет права на свой участок.¹³ Таким образом, недавнее право индивидуальных семей на пользование участками общинной земли сейчас превращается в право владения ими. Право же общины на землю джхум прак-

¹³ W. C. Smith. The Ao Naga Tribe of Assam. London, 1925, p. 59.

тически заключается в необходимости ее согласия на продажу надела; в настоящее время эта традиция соблюдается в основном в тех случаях, когда речь идет о продаже земли на сторону, в чужую деревню.

У некоторых народов община сохраняет более или менее реальный контроль за разделенной между семьями землей. Она, если чей-либо участок не обрабатывается, может изъять его в общинный фонд или передать другому лицу, но это обычно делается с согласия хозяина участка. Вместе с тем сам характер подсечно-огневой системы джхум способствует сохранению у общины контроля за деревенской землей. Как правило, при введении в оборот новой площади первичного леса распределение участков производится коллективно всей общиной, земля не задерживается в одних руках дольше двух-трех лет, что способствует сохранению ее общественного характера. Однако в последние годы чаще приходится обращаться к уже бывшим в обработке участкам, в результате чего распределение джхума все в большей мере становится семейным делом, а права всей общины на такие земли становятся все более формальными.

У разных народов горного Ассама различно соотношение прав общины и малых семей на земли джхум. Примером общины, сохранившей и поныне активную позицию в отношении обрабатываемой под пашню земли, является соседская община у горных куки из Манипура (пурум, чиру). Когда община осваивает новую площадь леса, каждая семья сама выбирает себе участок, который еще не занят другим общинником, и расчищает его. По прошествии определенного времени участки поступают в общинный фонд и после многолетнего периода отдыха разбираются семьями без учета прежнего распределения полей.¹⁴ Земля, пока она находится под обработкой, может быть передана по наследству или в благодарность другому лицу, но обязательно из той же деревни.

Иное положение у гаро. Внешне создается впечатление, что большая часть их земель джхум сосредоточена у главы деревни — *нокмы* — и других наиболее зажиточных представителей; действительно, для *нокмы* и разбогатевших общинников покупка «прав на землю» является вопросом престижа. Деревенский джхум делится на ряд участков (*акингов*), более крупных, чем наделы. Права на *акинги* покупаются у представителей старейших родов, владевших ими ранее, или у *нокмы* соседней деревни.¹⁵ Однако это «право на *акинг*» никаких реальных преимуществ владельцу не дает. Каждый *акинг* разделяется на наделы, находящиеся во владении малых семей, без согласия которых «владелец» *акинга* ничего не может с ним делать. Практически джхумом у гаро рас-

¹⁴ J. Ch. Das, Some Notes on the Economic and Agricultural Life of a Little Known Tribe on the Eastern Frontier of India. *Anthropos*, Bd. XXXII, 1937, II, 3—4, 88, 440—450.

¹⁵ R. B. Burling, *Rengsanggr...*, pp. 225—226.

поряжаются общинники. Они же решают, сохраняется ли право данной малой семьи на вторично расчищаемый участок или требуется известное перераспределение; пойма, хотя и является формальным владельцем значительной части земли, играет при решении подобных дел самую пассивную роль.¹⁶

В то же время у ряда групп пага (например, ангами) и кхаси сосредоточение земли в руках отдельных малых семей является настолько полным, что практически большая часть джхума не подконтрольна другим общинникам (отмечаются даже случаи продажи падела в другую деревню — факт, еще недавно немыслимый).¹⁷ Причем у ассамских народов это закрепление общинных наделов за отдельными семьями обнаруживает определенную связь с растущим малоземельем. Такое положение, когда сокращение земельных наделов наносит удар общинному землевладению, характерно именно для данного района.

Имея избыток пригодных к подсечно-огневому земледелию лесных массивов, горные народы не испытывали необходимости в выработке четких правил общинного землевладения, которые и при сокращении земельных площадей могли бы обеспечить контроль общины за распределением наделов.

Если сокращение земельных массивов, с одной стороны, и естественный рост населения, с другой, вызывает стремление отдельных семей закрепить за собой свой участок, то в свою очередь это присвоение семьями общинных земель и изъятие их тем самым из общинного фонда приводит к появлению безземельных крестьян. Семьи растут, дробятся. Не у всех народов есть возможность наделить землей новые семьи. Семейный участок либо эксплуатируется разросшейся семьей сообща, либо переходит в наследство к сыну или дочери, а остальные члены семьи вынуждены работать по найму. Процесс обезземеливания отчетливо дает себя знать у многих народов.¹⁸ Несомненно, что перспектива обезземеливания при сохранении данного способа хозяйствования грозит всем горцам Ассама.

По мере сокращения фондов посевных площадей постепенно исчезают и земли джхум, находящиеся в общем владении. Существовало три категории таких общественных земель.

1. Земля общины — непахотные земли. Чаще всего — это небольшие участки леса, используемые для общественных нужд (лес для постройки общинных зданий, для ритуала и т. д.). У некоторых народов землей общины являются небольшие выгоны для скота, расположенные на неудобных землях.

2. Земля рода — остатки родовой земли, право на которую сохраняют члены рода-первоначальника. Следует отметить, что

---

¹⁶ Там же, стр. 228.

¹⁷ J. H. Hutton. The Angami Nagas. London, 1921, p. 141.

¹⁸ J. P. Mills. The Lhota Nagas. London. 1922, p. 97.

Этот вид земель встречается не у всех народов и неодинаково сохранился. В настоящее время бывшие роды представлены локальными родовыми группами (у большей части нага, гаро, кхаси). Они-то и выступают в качестве коллективных собственников родовой земли. Иногда родовая земля носит чисто символический характер, сохраняясь как признак единства рода. Каждый год землю делят члены родовой группы или, что бывает чаще, пользуются ею поочередно. Постепенно и земля рода переходит в ведение отдельных малых семей.¹⁹ По традиции земля рода, даже в пределах своей деревни, не может быть отчуждена.

3. Земля дома холостяков — обычно пахотная земля, обрабатываемая рабочими группами мужского дома. Это — единственный вид земель, где еще нередко сохраняются древние общинные традиции: молодежь вместе трудится и коллективно использует плоды труда (правда, в основном на различные церемонии, связанные с их пребыванием в доме холостяков). Теперь земля дома холостяков все чаще поступает в общинный фонд и делится между семьями, а молодежные группы за определенное вознаграждение работают на полях своих односельчан.

Если и при подсечно-огневом земледелии у малых народов Ассамы отчетливо дает себя знать тенденция постепенного перехода общинной собственности на землю в индивидуальное владение, а затем и в частную собственность, то появление орошаемых полей целиком связано с правом одной семьи; община никаких прав на эти земли не имеет. Поле — террасное у нага или долинное у гаро — расчищается и орошается целиком по инициативе и силами одной семьи; это процесс новый для горцев, трудоемкий и не сразу себя окупающий. За такое поле хозяин платит ренту администрации данного округа (владельцы джхума за землю ничего не платят, на них наложен только налог с дома). Тот, кто расчистил землю под заливное поле, по прошествии определенного срока и после некоторых формальностей (сперва он считается «временным владельцем», т. е. не может продавать землю, так как местные власти могут ее забрать, если потребуются построить дорогу и т. д.²⁰) становится полным собственником данной земли, с правом передачи или продажи ее любому лицу. Как правило, владелец орошаемого поля продолжает сохранять и причитающийся ему в качестве члена своей общины падел джхума, за который он в известной степени ответствен перед деревней. Однако зависимость его от общины значительно ослабевает, ибо обладание собственным рисовым полем дает возможность самостоятельного хозяйствования.

С появлением орошаемых полей в общине растет неравенство, поскольку их владельцы могут в той или иной форме использовать

¹⁹ Ch. Fürer Haimendorf. Staat und Gesellschaft bei den Naga. Zeitschr. für Ethnol., Bd. 63, 1932, H. 4-3, S. 40.

²⁰ R. Burling. Rengsanggr., p. 305.

на своих участках труд малоимущих однообщинников; иногда эти поля у гаро сдаются в аренду нуждающимся в земле соседям по деревне.²¹ Вместе с тем необходимо заметить: сила общинных связей еще такова, что, во-первых, разбогатевший общинник, владелец заливного поля, всегда сам работает на земле и сдает другим только ту ее часть, которую не может обработать своими силами; во-вторых, положение зажиточного общинника (во всяком случае до последнего времени) внешне мало чем отличается от жизни его менее имущих односельчан. Конечно, по мере роста площадей орошаемых полей начинающийся процесс общественного расслоения общины развивается более интенсивно.

К категории частных земель относятся также упомянутые выше поля у подножья гор, обрабатываемые плугом. Такие пашни наряду с подсечно-огневыми наделами встречаются у некоторых манипурских куки. Обычно они составляют собственность меитхеев, у которых уже давно сложились феодальные отношения. Отдельные разбогатевшие куки приобретают себе поле на равнине путем аренды или покупки у помещика-меитхея или у государства; за эти земли, как и за орошаемые поля в горах, владелец — собственник либо арендатор — платит определенную земельную ренту (соответственно государству или феодалу).

Таким образом, в общине у большинства горных народов Ассама наблюдается сосуществование общинных и частнособственных форм владений землей с тенденцией к усилению последних. Причем, если орошаемые поля с самого своего появления рассматриваются как частное владение, а в дальнейшем — и собственность, то земли джхум частично сохраняют свой общественный характер, хотя и они все больше переходят к малым семьям. Здесь действует еще и та закономерность, что в общинах, где наряду с подсечно-огневыми имеются и орошаемые поля, джхум в основном сохраняется как элемент коллективной собственности. В тех же случаях, когда джхум является единственной формой владения, участки его становятся частным владением, как например у групп восточных нага.²²

Говоря о правилах землевладения в горах Ассама, мы не упомянули о группе народов, чья общественная структура имеет свои особенности. Речь идет о народностях чин из группы куки-чин (лушей, лакхеры, тхадю), а также о некоторых группах нага (сема, отчасти коньяк и чанг). Отличительной чертой данных народов в недавнем прошлом (сейчас положение несколько меняется) было наличие влиятельных наследственных вождей, считавшихся собственниками деревенской земли. Их права на землю связаны с характерным для всех этих народов обычаем так называемой колонизации²³ — т. е. переселением на новые, незанятые

²¹ Там же, стр. 306.

²² J. H. Hutton. The Angami Nagas, p. 141.

²³ Ch. F ü r e r - H a i m e n d o r f. Staat und Gesellschaft. . . , S. 22.

территории, на которых сын вождя (сын-ненаследник) с отрядом товарищей основывал новую деревню. Молодой вождь считался владельцем окружающих земель и наделял спутников «своей землей». Однако, несмотря на сходство обычая переселения, отношение к фактической собственности на землю у данных народов было разным. Так, у сема нага вождь, считавшийся владельцем земли, на деле оставлял себе лишь такой участок, который он мог обработать силами своей семьи.²⁴ По сути, это напоминает положение в общине гаро, где покма считается собственником целого акшига, фактически же земля находится в распоряжении общинников. Ведущей формой землевладения и у сема оставалась земля малых семей.

Иначе обстояло дело у лакхеров или лушеев. Здесь вождь действительно осуществлял свои права на землю и нередко распоряжался ею бесконтрольно. Многочисленные налоги и повинности в пользу вождя носили феодальный характер. Отношения землевладельца и общинников напоминали отношения помещика и крепостных, с тем отличием, что помещик продолжал считаться членом общины. Это не мешало ему пользоваться безвозмездным трудом обрабатывавших его землю односельчан. И у лакхеров, и у лушеев вождь иногда продолжал работать сам, но львиная доля труда приходилась на зависимых от него людей.²⁵

Таким образом, у народов чин мы видим дальнейшее развитие того процесса, который только намечен у нага или гаро. Земледельцы еще окончательно не прикреплены к земле, они могут при желании покинуть свою деревню и перейти к другому вождю, однако тем самым они лишаются земли; отношения эксплуатации здесь скрываются под видом взаимопомощи. При всем этом классовый характер общества очевиден. В среде родственников и приближенных вождя время от времени выделяются отдельные землевладельцы (*фаланг* у лакхеров), но при сильном вожде они обычно находятся в зависимости от него.²⁶ Подобное положение с землевладением в общинах некоторых рано феодализовавшихся народов горного Ассамы было характерно для конца XIX—начала XX в. В настоящее время у всех групп, в том числе и у чинов, наблюдаются новые процессы: например, дробление земли и превращение ее в частную собственность; имущественное расслоение, не всегда совпадающее со старым сословным или родовым делением. Традиционные переселения на новые земли, составлявшие особенность чинов и части нага, прекратились из-за нехватки пустошей.

Судьба земель вождя была различной. Где вождь достаточно силен, он превращается в полноправного помещика-феодала.

²⁴ Б. А. Калягин. Формы собственности племен нага. Народы Азии и Африки, 1965, № 1, стр. 90.

²⁵ N. E. Pargy. The Lakhers. London, 1932, pp. 227, 249, 252.

²⁶ Там же, стр. 250—251.

Таково положение во многих деревнях лушеев. Там вожди, принадлежащие к могущественному роду Сайло, постепенно сосредоточили в своих руках основную часть пахотных земель в горах Лушей.²⁷ (С начала 50-х годов не прекращается борьба обезземеленных масс лушеев за землю).²⁸ Где вожди оказались менее могущественными, в качестве новых землевладельцев выступают бывшие рядовые общинники, благодаря торговле или каким-либо иным обстоятельствам получившие возможность увеличить свои земельные фонды за счет земель слабейшего вождя. Осуществляется своеобразная перестановка сил внутри общины. Здесь сословное и классовое расслоение принимает более резкие формы, чем у тех горных народностей, у которых разложение общинного землевладения происходит на наших глазах. Это как бы следующая стадия разложения соседской общины, более поздний этап единого пути.

Структура общины

С распределением земли и правами собственности на нее связана вся внутренняя структура общины, принципы управления и взаимоотношения ее отдельных слоев. Постепенный переход земли в частную собственность — основной процесс, влекущий за собой разложение и других общинных институтов. С ростом социального расслоения сама община начинает терять свое значение единого авторитетного коллектива. Изменения касаются прежде всего общин с демократической структурой управления, однако затрагиваются и те общины, в которых давал себя знать автократический принцип (у тех народностей, где вождь являлся владельцем земли). Наличие этих форм управления общины (демократической и автократической) позволяет выделить две группы народов Ассама.²⁹

Для народов, выделенных нами в первую группу, характерно сохранение коллективного авторитета общины, что ощущается уже в формальном признании ее прав на распределение земли (о чем шла речь выше). Обычно, характеризуя такие народы, подчеркивают принцип выборности вождя в качестве их отличительной особенности. Принцип выборности не отрицал возможности передачи должности главы общины (вождя) по наследству; напротив, чаще всего титул вождя переходит традиционному наследнику (у нага — сыну, у гаро — мужу дочери-наследницы и т. д.) или (если таковой отсутствует или по каким-либо причинам

²⁷ J. Shakespeare. The Lushai Kuki Clans. London, 1912, pp. 43—46.

²⁸ Об этом можно судить по многочисленным газетным публикациям последних лет (в том числе в «Нью Эйдж»).

²⁹ J. H. Hutton. 1) The Angami Nagas, p. 358; 2) [Предисловие]. В кн.: J. P. Mills. The Lhota Nagas, p. XXXIII; 3) The Mixed Culture of the Naga Tribes. The Journ. of the RAS of Gr. Br. and Ir., v. 95, 1965, pp. 22—23.

непригоден для исполнения связанных с этой должностью функций) прежний вождь назначает себе заместителя (как правило, из своего же рода — старейшего или одного из старейших в общине).³⁰ Выборность вождя, следовательно, надо понимать лишь в том смысле, что негодный глава всегда мог быть по желанию общинников смещен, либо его попросту игнорировали.

В общем можно говорить об очень слабом развитии личной светской власти у народов рассматриваемой группы. Это обращало на себя внимание еще первых европейских исследователей,³¹ недоумевавших, каким образом может существовать общество при столь полном отсутствии какой-либо дисциплинирующей власти. Однако отсутствие (или очень слабое развитие) личного правления, характерное и сейчас для многих горных общин, вовсе не означает отсутствие внутренней дисциплины и четких, выработанных давней традицией правил поведения. Контроль же за соблюдением правил осуществляет не столько одно выборное или наследственное лицо, сколько вся община в целом.

Вот несколько конкретных примеров того, как строится управление у отдельных народов. Вождь ангами нага — *пехума* — обладал наиболее реальной властью во время войн, в мирное же время с его волей считались лишь в тех случаях, когда она совпала с решением общины. По словам Хаттона, в лучшем случае его можно было назвать «первым среди равных».³² При вожде имелся совет. В него входили старейшие представители родов данной деревни. При решении различных тяжб, во время суда над общинником, совершившим проступок, самое активное участие и теперь продолжают принимать члены родовой группы обвиняемого или заинтересованного лица. Сохраняются коллективная ответственность и коллективное возмещение убытков. В основе этого коллективизма лежат кровнородственные отношения. Едва ли не большим влиянием, чем пехума, пользуется у ангами в мирное время *кемово* — верховный жрец, должность которого наследственна среди старейших членов одной семьи,³³ принадлежащей к роду-первонаселеннику. На кемово лежит руководство всей религиозной жизнью общины, что обеспечивает ему уважение со стороны односельчан; его авторитет признается и при решении деревенских дел, не связанных непосредственно с ритуалом.

Организация управления, очень близкая к вышеописанной, существовала в прошлом у другой крупной группы нага — лхота нага. Однако еще в период британского владычества должность вождя у них вообще исчезла, уступив место совету старейшин,

---

³⁰ R. Burling. Rengsanggrī..., p. 223.

³¹ E. Dalton. Descriptive Ethnology of Bengal. Calcutta, 1872, p. 48.

³² J. H. Hutton. The Angami Nagas, p. 142.

³³ Там же, стр. 187.

состоявшему из двух частей (или «классов») — низшей и высшей.³⁴ Глава совета назначался английским комиссаром и не являлся сколько-нибудь авторитетной фигурой. Вообще глава общины у нага, как и у остальных горных народов Ассама, при английском господстве стал осуществлять функции посредника между общиной и представителями английской администрации. Эти главы-посредники, назначаемые английским чиновником, но обычно при консультации и по рекомендации старейшего рода, у нага получили название *гаонбура*. Они ответственны за сбор налога с дома и пользуются определенным процентом с него, но в силу общинных традиций причитающееся им от правительства вознаграждение тратят на свою же общину или на свой род: на угощение общинников, организацию праздничных церемоний и т. д.³⁵ Функции гаонбура в основном административные, примерно в той же роли они сохранились и в Индийской Республике, а в решении внутриобщинных дел по-прежнему господствует коллективное мнение родовых групп.

Наиболее полно коллективизм управления сохранился у ао нага. Все члены их общины делятся на ряд возрастных классов, каждый со своими правами и обязанностями. У отдельных локальных подразделений ао существуют некоторые расхождения в количестве «классов», сроках пребывания в них и т. д. Лица, участвующие в управлении общиной, составляют «класс вождей» — *татаров*, входящих в деревенский совет. Татары — наиболее достойные представители основных родов деревни, принадлежащие к определенному возрастному классу.³⁶ В совете от каждого рода присутствует по несколько сородичей, так что число татаров может достигать 25—30 человек. У чанги ао срок пребывания в классе вождей составляет три года, а два смежных возрастных класса имеют совещательный голос; у монгли ао срок затягивается до 20—25 лет и т. д. Разложение общинного землевладения, имущественное размежевание внутри общины приводит постепенно к изменению и этой структуры. Почетная должность татара начинает превращаться в доходное место. Члены данного возрастного класса, даже отслужив свой срок, не хотят покидать должность вождя. В свою очередь следующее поколение претендует на роль татаров, отсюда — борьба за место, далеко ушедшая от старого уважения, еще недавно окружавшего положение татара.³⁷

Много общего с нага в системе управления у матрилинейных гаро. Их нокма должен быть прежде всего представителем одной из старейших семей деревни — «дома с длинной генеалогией».³⁸

³⁴ J. P. Mills. The Lhota Nagas, pp. 96—97.

³⁵ W. C. Smith. The Ao Naga..., p. 51.

³⁶ Ch. Fürer-Haimendorf. Staat und Gesellschaft..., SS. 30—31.

³⁷ Там же, стр. 31.

³⁸ R. Burling. Rengsanggr. ..., p. 228.

Последующий нокма выбирается из того же рода непосредственно предыдущим; община в целом, как правило, не принимает участия в этой процедуре. Роль нокмы в управлении общиной незначительна. Наиболее важным считается его руководство основными деревенскими церемониями, связанными с сельскохозяйственным и жизненным циклами, участие в жертвоприношениях, обильное угощение односельчан во время праздников. Все это обязанности в высшей степени разорительные, что не всегда уравнивается социальным престижем; поэтому желающих стать нокмой не столь много.³⁹

Практически же у гаро, как и у нага, решающий голос при разборе различных дел принадлежит родовой группе, в данном случае матрилинейной, принимающей на себя коллективную ответственность или выдвигающей коллективное обвинение. В наиболее серьезных делах прибегают к решению *ласкаров* — так называют глав округов, назначаемых правительством по рекомендации собрания нокм ряда деревень, входящих в данный округ.⁴⁰ Первоначально ласкары были лишь чисто формальными ставленниками правительства из числа местных жителей, которые должны были собирать налог с дома и организовывать население на общественные работы, предпринимаемые правительством (проведение дорог и т. п.). Однако за последние годы контролирующая роль ласкаров и их участие в решении многих юридических казусов значительно укрепились; присутствуя на деревенском разбирательстве очередного дела, ласкар в случае необходимости руководит общественным мнением и как бы санкционирует принятое общинниками и сородичами решение.

Итак, у большинства нага и у гаро, т. е. у тех народов горного Ассамы, где в наибольшей степени сохранились родовые черты, особенности управления и организации общины можно сформулировать следующим образом: широкое участие массы общинников в решении всех дел, касающихся как общины в целом, так и отдельных ее членов; преобладание коллективного авторитета общины над волей отдельных ее представителей, даже наделенных формально правами вождя; тесное переплетение родовых и сельских институтов при осуществлении правосудия и активная роль родовых групп в регулировании общинных дел; наконец, важность религиозного момента в управлении — именно руководство ритуалом — вызывает наибольшее уважение однообщинников и дает право на привилегированное положение.

Некоторым своеобразием отличается система управления у горных куки, также принадлежащих к выделенной нами группе народов с демократической системой управления. В прошлом для них была характерна простота в выборе должностных лиц, име-

³⁹ Там же, стр. 229.

⁴⁰ Там же, стр. 244—245.

лись вождь и выборный совет, действия которых всегда согласовывались с волей общинников. Однако впоследствии произошли существенные изменения. Сейчас у горных куки (во всяком случае у пурумов, чиру и др.) налицо целая лестница выборных должностных лиц, образующих своеобразный бюрократический аппарат, являющийся чуждым в условиях большого демократизма этих народов и действующих еще традиций, ибо целостность общинного землевладения здесь нередко сохраняется лучше, чем у некоторых нага. Так, у пурум куки имеется 8 должностных лиц. Первое место среди них занимает староста — *кхуллакпа*.⁴¹ Очень своеобразна система замещения этих должностей. Они передаются по наследству, и, когда один из деревенских чиновников умирает, его место занимает нижестоящий. В результате происходит общая передвижка по бюрократической лестнице. Сын же или другой наследник умершего оказывается на восьмом месте.⁴² Эта система, чье функционирование теперь нарушается, нигде за пределами Манипура не встречается, но зато имеет самые ближайшие аналогии у мейтхеев, и даже названия должностных лиц у пурум куки — мейтхейские. Представляется вполне вероятным предположение Таракчандры Даса о введении системы деревенского управления у пурумов и других горных куки мейтхееми.⁴³ В пользу такого предположения говорит и то обстоятельство, что в условиях общины горных куки подобная система никак не оправдана, должности не связаны с какой-либо реальной властью и не пользуются ни популярностью, ни уважением. В таком важном деле, как распределение земли, выборные представители никак не участвуют. В отличие от нага и гаро у горных куки общинная структура не впитала в себя родовые институты, которые, по-видимому, отмерли давно, и их влияние в современной сельской общине почти не ощутимо.

От народов с демократической системой принципиально отличаются народности с так называемыми наследственными вождями. Институт наследственных вождей (обычно наследственных в пределах генеалогической группы) определяет существенно иную по сравнению с первой группой структуру общины; для этих народов характерна иерархия социальных групп, разложение или видоизменение многих общинных институтов, почти полное исчезновение родовых пережитков. Вождь у них обладает вполне реальной властью, что связано с его земельными правами, дающими ему имущественные привилегии. Вождь у чинов или сема нага коренным образом отличается от нокмы у гаро или пехумы у ангами, где положение главы общины дает исключительно социальные привилегии, а расходы, связанные с этой должностью, превышают возможные доходы. Экономическая зависи-

⁴¹ Т. Д а s. The Purums. . . , p. 157 ff.

⁴² Там же, стр. 172.

⁴³ Там же.

мость общинников от вождя непоколебимо утверждает его приоритет в деревне.

Положение наследственных вождей у отдельных народов имеет свои особенности. У сема нага в отношениях между вождем и другими общинниками в наибольшей степени присутствует элемент патриархальности: вождь сам работает на земле и его права землевладельца имеют в значительной степени формальный характер. Нам представляется, что наследственный, сильный вождь у сема по существу своему недалеко ушел от покмы у гаро, ведь покма тоже имеет права на акинг. Правда, у вождя сема права на землю (в силу обычая переселения) более реальны, но и он использует их далеко не полностью. Функции вождя у сема можно рассматривать в качестве дальнейшего развития роли покмы у гаро. Поэтому вряд ли стоит, подобно ряду исследователей,⁴⁴ резко выделять сема из числа остальных нага и искать для них особый путь развития.

Своеобразна организация управления у коньяк нага. Вообще эта крайняя северо-восточная группа нага имеет свою специфику, позволяющую, с одной стороны, сближать ее с полинезийским миром, а с другой, обнаруживать в ней черты наиболее древней традиционной культуры нага.⁴⁵ В ряде деревень коньяков управление не отличается от демократической организации, свойственной большинству нага. В то же время в части деревень этой группы имеются сильные наследственные вожди — *анг*, принадлежащие к одной определенной группе (бывшему роду). Здесь обращает на себя внимание исключительно сильное противопоставление вождя остальным членам общины. Личность вождя считается священной: он окружен почестями, воздаваемыми богам. Пиетет в отношении вождя превалирует над его реальной политической властью. Очень строго оберегается чистота крови вождя анга, для чего стремятся избежать смешения с менее благородными. В итоге род вождя превратился в эндогамную группу.

Не совсем ясна картина с земельными правами вождя. Во всяком случае большая часть общинной земли находилась у малых семей; специально вопрос о земле вождя в имеющихся в нашем распоряжении исследованиях о коньяках не ставится.⁴⁶ Вокруг вождя у коньяков сложилась и своя «аристократия», т. е. возникло сословное членение общества, свойственное народам выделенной нами второй группы. Известные аналогии с общинами коньяков отмечены у манипурских нага: выделение аристократической прослойки, большое влияние в общинных делах религиозного главы общины — кхуллакпы (то же название дано главе деревни у нурум куки).

⁴⁴ Например, Дж. Хартон и др.

⁴⁵ V. Elvin, *The Muria and their Ghotul*. Bombay, 1947, p. 283.

⁴⁶ Ch. F. Furer-Haimendorf, 1) *The Naked Nagas*. London, 1939;

2) *Staat und Gesellschaft*.

В значительно большей степени феодальный характер вождя проявляется у народов группы чин — лусеев, лакхеров и др. Все вожди у лусеев связаны родственными отношениями: они принадлежат к одному роду — Сайло, — являющемуся генеалогическим родом (в этом отношении род Сайло можно сравнить с родом Анг у коньяк нага), в результате чего между ними существуют узы взаимопомощи и солидарности.⁴⁷ Эта солидарность родственных вождей у лусеев усиливала положение каждого из них и помогла роду в целом занять господствующее положение в горах Лусеи. В общине лусеев сочетаются сохраняющиеся общинно-патриархальные отношения со складывающимися (а отчасти и сложившимися) чисто феодальными чертами. Так, например, общественное мнение настолько сильно, что вождь, при всем своем могуществе, должен с ним считаться, если не хочет лишиться поддержки своих односельчан; экономическая зависимость общинников от вождя (в основе ее лежит земельная монополия последнего) прикрыта отношениями взаимопомощи. В то же время вождь лусеев в форме взаимопомощи фактически безвозмездно пользуется трудом однообщинников для обработки своей земли; только вождь имеет зависимых — так называемых *бави*,⁴⁸ не являющихся рабами, но отрабатывающих вождю полученную от него помощь (в виде ссуды, земли и т. д.). Как уже упоминалось выше, расслоение в общине лусеев достигло особой остроты в последние годы, когда вожди из рода Сайло окончательно стали единоличными землевладельцами, сосредоточившими все земли односельчан в своих руках и по существу превратившими их в безземельных батраков.

Наибольшее развитие процессы феодализации общества получили у лакхеров. Здесь мы видим вполне сложившуюся авторитарную организацию, где все общество (в пределах общины) подразделяется на социально неравноправные сословия. На вершине стоит вождь — *абей*; высшее аристократическое сословие составляют так называемые *пхансанг*; простые общинники обозначаются термином *мачги*.⁴⁹ Продолжается дальнейшее расслоение внутри групп. Так, в сословии пхансанг выделился особый слой высшей аристократии — *куэй*: потомки лиц, оказавших в свое время вождю (или его предку) помощь (во время войны, при организации приема соседнего вождя и т. д.) и получивших за это особые привилегии, передающиеся по наследству. При вожде существует совет старейшин — *мачас*, члены его обычно принадлежат к благородному сословию, однако такая принадлежность необязательна, что свидетельствует о сохранении элементов былого демократизма. По сравнению с лусеями у лакхеров взаимоотношения вождя с другими членами общины в мень-

⁴⁷ N. E. Parry. The Lakhers, p. 249.

⁴⁸ Там же, стр. 227.

⁴⁹ Там же, стр. 245.

шей степени имеют форму взаимопомощи и скорее напоминают отношения помещика и зависимых крестьян. Здесь нет единого рода вождей, подобного Сайло у лусеев; вождь в каждой общине принадлежит к своему роду и является не только землевладельцем, но и военачальником, судьей, посредником между общинами и представителями правительства.

Таким образом, управление у народов второй группы имеет существенные отличия от управления у народностей первой группы. Вместе с тем как в вопросах, связанных с землевладением, так и в области управления в последние десятилетия у всех народов происходят сходные процессы, направленные к исчезновению старых традиций общинного коллективизма и демократизма и выделению новых социальных и сословных групп.

У всех народов происходит постепенное обособление и выделение из общины отдельных разбогатевших семей. Но у народов первой группы такими семьями оказываются чаще всего те, которые в силу определенных экономических условий (например, обладание дополнительным орошаемым полем, участие в торговле и т. д.) оказались в привилегированном по сравнению с другими положении. Первоначально это имущественное возвышение не влекло еще за собой право на особое положение в общине. Чтобы получить санкцию общины на достижение социального престижа, людям, достигшим достаточного материального благосостояния, надлежит пройти через особые традиционные социальные церемонии типа *поглача*: такова церемония *гана-нокма* у гаро, многочисленные обряды у нага и ряда горных куки. Эти церемонии (с незначительными местными вариантами) заключаются в совершении ряда установленных обычаем жертвоприношений и в обильном угощении однообщинников, продолжающемся несколько дней и осуществляемом по разработанному канону.⁵⁰

На первых порах, а в ряде случаев и в настоящее время именно социальный престиж и был для человека основным смыслом его имущественного достатка, а лишние средства тратились в той или иной форме на общинников. Явление того же порядка мы уже видели у гаро, где разбогатевшие земледельцы стремились приобрести право на землю-акинг, что давало социальные преимущества, но не реальное право владения купленной землей. Однако постепенно чисто общественные привилегии, явившиеся результатом появления материальных излишков, в свою очередь неизбежно становятся одним из средств дальнейшего увеличения имущественного достатка. Лишние средства идут уже не только на то, чтобы получить право на украшение дома рогами митхеса и на пошение особого тюрбана,⁵¹ но и на паем молодежной рабо-

---

⁵⁰ J. K. Bose. The Gana Nokma Ceremony of the Garos of Assam. *Man in India*, v. XV, 1935, № 4, pp. 260—262.

⁵¹ Там же.

чей группы, помогающей справиться с обработкой земли. Следующий этап — излишки средств идут на приобретение нового орошаемого участка и тем самым на усиление имущественного неравенства отдельных членов общины.

У народов первой группы среди людей, выделяющихся в пределах общин, нередко можно встретить членов деревенских советов (например, татаров у ао нага), имевших некоторые льготы и добавочные источники дохода по сравнению с рядовыми общинниками. Но в силу описанного выше демократизма общественного устройства этих народов далеко не всегда именно участие в выборных органах является основанием для накопления богатства у данного лица; в гораздо большей степени накоплению содействуют экономические факторы: расчистка леса под орошаемое поле, торговые операции и т. д.

Что касается народов с автократическим правлением, то у них из-за давнего социального расслоения по мере развития товарно-денежных отношений легче всего достичь богатства оказывается тем представителям аристократической верхушки, которые уже раньше были держателями значительной части общинной собственности. В первую очередь это относится к самим вождям, ибо у них нередко наряду со старыми феодальными чертами проявляются черты капиталистического предпринимателя, помогающие им активнее приобщаться к новым условиям. Примеры такого рода дают уже упоминавшиеся выше вожди Сайло у лушесов.⁵² Вместе с тем, как и у народов первой группы, здесь в ряде случаев происходит перестановка сил внутри общины, связанная с особенностями хозяйственной жизни данной общины, данного народа. В результате экономически более сильными могут стать недавние рядовые общинники, а наследственные вожди отойдут на второй план. Так иногда складываются обстоятельства у сема нага, чьи вожди никогда не были настоящими феодалами, даже такими, как у лушеев или лакхеров. В целом же можно сказать, что социальное расслоение у всех народов в связи с общинными процессами, происходящими в горах Ассама (проникновение товарно-денежных отношений, превращение земли в товарную величину), протекает в одном направлении, свидетельствуя тем самым об известной унификации путей развития отдельных народов, между которыми в недавнем прошлом были достаточно четкие различия.

Эволюция родовых институтов

Характеристика современной общины у народов Ассама будет далеко не полной, если мы не остановимся на судьбе родовых институтов внутри отдельных общин. Пережитки родового

⁵² J. Shakespeare. The Lushai. ., p. 5.

стройка сохранились здесь очень неравномерно: в целом (при неизбежных отдельных исключениях) у народов первой группы родовые черты еще настолько сильны, что отражаются на жизни всей общины, тогда как у большинства народов второй группы родовые институты исчезли почти полностью и в современной общине не играют сколько-нибудь заметной роли. В то же время эти отжившие формы могут представить для нас интерес с точки зрения судеб рода (и родовых групп, на которые распался род).

Из родов, сохраняющих и сейчас в ограниченной сфере некоторые родовые институты, прежде всего следует отметить патрилинейных пага и матрилинейных гаро и кхаси. Когда речь идет о пережитках родовой организации, то обычно имеют в виду сохранение пережитков родов, наличие определенной линейности и локальности брака.

Понятие «род» встречается во всех исследованиях, касающихся современной общины у рассматриваемых народов. В советской же литературе наряду с термином «род» иногда в аналогичном смысле употребляют термин «родовая группа». В данной статье за отсутствием более точных также употребляются оба эти термина. Следует оговорить, что современный род утратил многие свойства, характерные для первобытнообщинного строя; данный род поздний, рассредоточенный, хотя отдельные его части в пределах одной деревни имеют территориальное единство, а у некоторых народов сохраняется даже тотемистический характер рода.

Говоря о системе родов и их подразделений у современных горных народов Ассама, прежде всего важно отметить однотипность общей структурной схемы родов и их подгрупп. Эта однотипность проявляется, несмотря на то что у многих народов одни подразделения отмирают, а другие так и не успевают полностью развиться, несмотря на большую пестроту и на невыясненность природы изначальных групп, несмотря на ярко выраженную матрилинейность одних групп и патрилинейность других. Градация родовых подразделений может быть кратко выражена следующим образом: три легендарных первичных рода (по мнению многих исследователей, они представляют результат дробления древней дуальной организации), роды (результат дробления трех первичных родов) и подроды.

До сих пор является нерешенным вопрос о том, что лежит в основе родового деления горных народов Ассама — дуальная организация или трехродовой союз.⁵³ Непосредственно все существующие роды возводят себя к одному из трех первоначальных родов, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что

⁵³ J. H. Hutton. The mixed culture..., p. 20. Теоретические проблемы, связанные с трехродовым союзом, на материале Юго-Восточной Азии рассмотрены в статье Д. А. Ольдерогге «Трехродовой союз в Юго-Восточной Азии» (Сов. этногр., 1946, № 4.).

каждый первоначальный род выделился из одной древнейшей фратрии. Причем эта картина с удивительной точностью воспроизводится у ряда народов. Приведем примеры.

У ангами нага две фратрии — *кельху* — носили названия *капезома* и *кепепфума*; капезома (старшая ветвь) дала начало двум изначальным родам — *гхевома* и *сатсима*, кепепфума — одному — *гхекронома*. Для двух фратрий характерны некоторые диалектальные различия (они есть не только у ангами, но и у других нага), в частности варианты в обращении к матери.⁵⁴ У лхота нага две изначальные группы, различающиеся терминами в обращении к матери, делятся: первая (высшая) на два древних рода — *мурипви* и *нгулипви*, вторая (низшая) дает начало одному роду — *чхамипви* (сейчас у них есть другие названия — *мипонгсандри*, *изумонтсурре* и *гомшиактзерре*).⁵⁵ У ао нага существуют две фратрии — *монгсен* и *чонгли* (отличаются особенностями диалекта); от них происходят три *кидонга*: *понген*, *лангкам* и *чхами*.⁵⁶ Подобную же организацию можно обнаружить даже у коньяк нага, несмотря на то что она подверглась значительным изменениям и уже давно превратилась в сословную систему. Две их фратрии — *гхенду* и *гхенкох* — были подразделены на три изначальных рода, обычно именуемых классами, так как действительно их родовая сущность уже давно уступила место классовой.⁵⁷ То что мы видели у патрилинейных нага, имеет прямую аналогию у матрилинейных гаро. У гаро родовое деление восходит к трем изначальным родам — *сангма*, *марак* и *момин*; причем деление на сангма и марак проходит через все группы гаро, момин же имеет столь локальное распространение, что представляется вполне вероятным позднейшее создание его на основе одного из двух первоначальных родов.⁵⁸

Первоначальные роды функционально в настоящее время нигде не сохранились; принадлежность к ним существует в памяти и передается из поколения в поколение в качестве одной из основных традиций; члены их разбросаны по всей территории расселения народа; чаще всего утрачена (во всяком случае практически) и их экзогамная сущность. Первичные роды подразделены на большее или меньшее количество родовых групп (вторичные роды), к которым перешли их основные признаки и функции. Родовая организация — живой организм, постоянно изменяющийся вместе с развитием общества, поэтому наблюдается дальнейшее дробление родовых групп на более мелкие, обладающие частью признаков бывших родов. Такой процесс отчасти продолжается и в настоящее время, когда происходит разложение и

⁵⁴ J. H. Hutton. The Angami Nagas, p. 109.

⁵⁵ Там же, стр. 366.

⁵⁶ Там же, стр. 372.

⁵⁷ Там же, стр. 385.

⁵⁸ R. Burling. Rengsanggri..., p. 22.

пчезновение родовых институтов в целом. В дальнейшем под термином «род» и «родовая группа» мы будем понимать именно вторичные роды, явившиеся результатом деления трех древних родов.

Современные роды являются важной социальной ячейкой общества у нага, гаро, кхаси. Они утратили свое экономическое значение и не представляют собой хозяйственного единства, но в общественной жизни и особенно в семейно-брачной сфере часто продолжают играть самую действительную роль. Роды наших дней — крупные группировки; с ростом населения они достигают численности в несколько тысяч человек (например, у гаро⁵⁹). Поэтому невозможно говорить о территориальном единстве такого рода в целом, тем более что за века пребывания в данной области обитания происходили крупные перемещения населения и переселения родов. Однако у большинства нага и у гаро еще можно говорить о локализации (во всяком случае о передккой локализации) частей родов в рамках одной деревни. Обычно в деревне-общине проживают локализованные части нескольких родов,⁶⁰ иногда одного-двух, но так бывает в тех случаях, когда основные функции рода, в том числе и экзогамность, перешли к подроду.

Таковыми родами у ангами являются *тхино*, подразделяемые на большее или меньшее число *путса*, превращающихся в основную экзогамную единицу.⁶¹ Этот процесс протекает очень неровно, потому что одновременно с ним ведущей тенденцией является распад всех пережиточных институтов родового общества. Показателем сложности современного положения в родовой структуре ангами нага является присутствие у них группы *сайех*, которая при одних обстоятельствах может быть отождествлена с *путса*, а при иных оказывается более крупной организацией.⁶² В среднем в деревне ангами живет от двух до восьми родов, т. е. локализованных родовых групп, занимающих определенные кварталы. По словам Хаттона, род у ангами является «деревней в деревне».⁶³

У лхота нага существует несколько десятков родов — *чхибо*, — постепенно уступающих свои функции более мелким подразделениям — *мхитсо*,⁶⁴ у ао нага род, как уже указывалось, носит название *кидонг*,⁶⁵ у сема нага насчитывают 22 рода⁶⁶ и т. д.

---

⁵⁹ Там же, стр. 238.

⁶⁰ Там же, стр. 239; J. H. Hutton. The Angami Nagas, p. 109.

⁶¹ J. H. Hutton. The Angami Nagas, pp. 109—110.

⁶² Там же.

⁶³ Там же, стр. 109.

⁶⁴ J. P. Mills. The Lhota Nagas, p. 87.

⁶⁵ W. C. Smith. The Ao Naga..., p. 49.

⁶⁶ Ch. Fürer-Haimendorf. Staat und Gesellschaft..., S. 21.

Если говорить о матрилинейных народах, то у гаро мы знаем несколько сот родовых названий.⁶⁷ Большая часть родов гаро — *махари* — состоит из локализованных в ряде деревень частей, так что в каждой деревне-общине оказывается несколько (обычно четыре-шесть) родовых групп, каждая из которых принадлежит к определенному роду. У другого матрилинейного народа ассамских гор — кхаси — основным экзогамным подразделением является *кур* — крупная экзогамная группа; все члены ее ведут свое происхождение от общей праматери. Куры делятся на более мелкие генеалогические группы, называемые *кпox*; их три-четыре в *куре*.⁶⁸ Члены *кпox* осознают свое общее происхождение, однако роль *кпox* у кхаси более ограничена рамками религиозных и узко семейных дел, чем роль подрода у нага или гаро.

Все вышеназванные группы не являются однолинейными. Они состоят из семей, так что только часть их членов принадлежит к данному роду, остальные же (жены у патрилинейных народов, мужья у матрилинейных) являются пришлыми и принадлежат к другому роду. Поэтому следует всегда четко различать разные стороны современных родов: когда речь идет о локализованной родовой группе, то сюда включается и пришлая половина, ведь локализована семья в целом. В данном смысле правильнее было бы говорить не о пережитках рода, а о пережитках архаической общины. В то же время, если имеется в виду филиация, то в пределах каждого рода различаются две линии. Так, у гаро существуют два разных термина для определения рода: род в качестве локализованного пережитка родовой общины называется *махари*, а род как филиация — *мачонг* (*мачонг* — матрилиния, объединяющая потомков одной общей праматери; поэтому *мачонг* не может состоять из семей).

Эти два аспекта проявляются при различных обстоятельствах. Когда речь идет об использовании остатков родовой земли, о взаимопомощи членов одного рода, о родовом расселении по кварталам, об остатках межродовой борьбы (функции, которые в прошлом лежали на родовой общине), то имеется в виду род как группа, состоящая из семей. Когда же встает вопрос о передаче, например, должности *нокмы* в пределах рода или о роли членов родовой группы при разборе какого-либо конфликта (о чем уже говорилось в разделе, касающемся управления), или об экзогамных функциях рода, то здесь предстает другой аспект рода — род как однолинейная группа, восходящая по происхождению к одному предку (мужскому или женскому, в зависимости от филиации). Вполне вероятно, что и у других народов, в частности нага, имеются особые названия (типа *махари* и *ма-*

⁶⁷ R. Burling. Rengsangri..., p. 238.

⁶⁸ B. Mukherjee. Social Groupings among the Khasis of Assam. Man in India, v. XXXVIII, 1958, pp. 207—212.

чонг) для рода как филиации и локальной родовой группы, но нам, к сожалению, они неизвестны.

Говоря о родах, хочется упомянуть одну очень своеобразную категорию родовых групп, встречающуюся только у нага (ангами, лхота, ао, сема) и до сих пор лишь отмеченную исследователями, но не получившую должного объяснения. Это категория так называемых соответственных родов. Суть понятия «соответственный род» заключается в следующем: роду одного из перечисленных народов нага соответствует определенный род другого народа; например, роду чхаму у лхота соответствует род чхамира у ао и род непотхоми у сема и т. д.⁶⁹ «Соответственный род» считается родным. Поэтому, переселяясь на земли другого племени, человек, естественно, входит в состав данного рода; попадая в чужую деревню, он останавливается у представителей рода, соответствующего его роду, и, даже если он их видит в первый раз, чувствует себя как дома. Вместе с тем нага, очевидно, не связывают с «соответственными родами» общего происхождения, так как они не запрещают браки в них. Правда, возможно, что в прошлом такие запреты существовали. Может быть, след этого (недопущение браков между членами «соответственных родов») есть у чанг нага. Но постепенно дальность расстояния, разделяющего отдельные роды, сняла препятствия к браку. Дальнейшее исследование вопроса о «соответственных родах» связано с углублением в историю нага, с изучением связей между отдельными племенами, характера и направлений местных миграций в районах их расселения.

Наряду с остатками родов к пережиткам первобытнообщинного строя следует отнести наличие определенной локальности брака и той или иной линейности. В целом можно сказать, что оба понятия проявляются уже не в рамках рода, а в рамках малой семьи; сплошь и рядом не принадлежность к роду диктует место поселения после брака и даже передачу имущества, а определенные экономические обстоятельства, соображения удобства, взаимоотношения в семье. Поэтому данный вопрос нам представляется более целесообразным разбирать ниже в связи с взаимоотношениями рода и малой семьи в пределах общины у горных народов Ассама.

Как уже отмечалось, характерной чертой современной общины у малых народов ассамских гор является распад родовой организации, процесс, убыстряющийся по мере усиления товарных отношений. Распад рода идет разными путями. У народов, о которых речь шла выше (т. е. у народов, до настоящего времени сохраняющих многие институты родового общества), происходит постепенный переход функций отмирающего рода к соседской, территориальной, общине и к ее хозяйственной ячейке (тоже

⁶⁹ J. P. Mills. The Lhota Nagas, p. 92.

по существу территориальной) — малой семье. Родовая земля исчезает (она сохранилась далеко не у всех народов первой группы) и превращается в землю общины, а чаще переходит во владение малых семей, родовая взаимопомощь уступает место соседской и общинной; таким образом, родовые группы теряют остатки своих прежних прав. Основные хозяйственные функции (контроль над землей деревни, сохранение категории земель общины, организация общеобщинных мероприятий, например коллективной охоты или лова рыбы путем отравления водоема, и т. д.) делят между собой община в целом и малая семья, причем последняя все в большей степени становится центральной экономической ячейкой общества. Характер труда становится все более индивидуальным, а там, где требуется объединение усилий, все чаще сама семья заботится о получении необходимой помощи, в то время как раньше родовая или общинная организация под-разумевала обмен такой помощью.

Род теряет свои позиции и в сфере общественной жизни общины. Правда, родовые группы в лице кровных родственников лиц, замешанных в тяжбах, и сейчас в ряде случаев играют активную роль в правосудии, а в общинных советах заседают представители основных родов, проживающих в деревне. Но и здесь картина меняется на глазах. Старые общинные советы все больше теряют свое влияние. В судебных делах усиливается роль правительственных представителей — ласкаров и гаонбура. Авторитет родовых групп все больше ограничивается вопросами, связанными с браком и наследованием имущества, но сейчас и эти вопросы контролируются преимущественно самими малыми семьями.

Процесс постепенного исчезновения родовых институтов у народов рассматриваемой группы происходит по одним принципам: сначала род утрачивает важнейшую экономическую и политическую роль, затем начинает все более сокращаться его влияние в сферах в первую очередь общественной, а в дальнейшем и семейно-брачной жизни; одновременно происходит переход экзогамности от рода к последовательно сужающимся подгруппам (что является продолжением процесса, начавшегося с возникновения родовой организации, ибо уже тогда шло выделение из фратрий родов с экзогамными функциями). Случается, что последней экзогамной единицей оказывается уже не родовая, а вторичная по происхождению группа — объединение малых семей, отпочковавшихся от бывшей большой семьи (или подрода), ставших экономически вполне самостоятельными, но поддерживающих некоторые родственные связи друг с другом и сохраняющих последний признак рода — экзогамию.⁷⁰

⁷⁰ T. Das. The Purums..., p. 119. Очевидно, такое объединение родственных малых семей является остатком и конечным результатом разложения родовых организаций, возможно, через большую семью, не обла-

В конечном счете род как форма общественной организации полностью исчезает. При этом сохранение патрилинейности или матрилинейности не влияет сколько-нибудь существенно на общее направление развития общества.

Постепенное растворение рода в составе общины и семьи — один из путей разложения родовой организации у горных народов Ассама. Наряду с ним у некоторых народов мы сталкиваемся с другими примерами трансформации и перерождения старых родовых групп. В основном это касается народов второй по нашему делению группы, хотя к ним примыкают и некоторые народы первой группы (горные куки, некоторые бодо).

В целом о данных народах можно сказать, что категории родового общества у них давно уже утратили какое-либо значение и в ряде случаев не сохранились даже в пережитках. Однако в тех случаях, когда мы располагаем системой родовых названий (в современной жизни они часто полностью забыты), можно заключить, что отличительной особенностью обозначаемых этими названиями групп является их социальная неравноценность, наличие определенной иерархии. Понятия «старшая» и «младшая» ветвь вообще свойственны народам с родовой организацией. Например, у нага те две первоначальные фратрии, которые лежат в основе их организации, обычно возводятся одна к старшему, другая к младшему брату; у ао нага род понген считался выше двух других из трех изначальных родов.⁷¹ Но признание старшинства одной из половин или одного из ранних родов не влекло за собой никаких особых привилегий для членов и потомков старшей ветви. Лишь иногда можно встретить указание, что вождем был представитель старшей ветви, что, однако, не являлось обязательным условием; к тому же, принимая во внимание неавторитетность вождя у нага, данная традиция не отражалась на общественном весе обеих ветвей. У народов же, где процессы ранней феодализации общества начались уже несколько столетий тому назад, в силу особенностей исторического развития эволюция старшей и младшей линий привела к усилению социальной неправомерности одной из этих линий, а в дальнейшем легла в основу сословного расслоения общества.

Зачаточные явления того же порядка можно наблюдать у некоторых горных куки. По особенностям своей общественной структуры они определенно примыкают к народам с демократическим укладом, но по степени сохранности родовых институтов сближаются с народами группы чин. Видимо, ранняя история

дающую, однако, полным хозяйственным единством. К сожалению, у нас нет полных данных относительно того, в каких последовательных конкретных формах произошла эволюция общины (от родовой к сельской) у горных народов Ассама и существовала ли там большая семья как универсальное явление.

⁷¹ J. H. Hutton. The Angami Nagas, p. 385.

родственных народов, образующих единую группу куки-чин, на каком-то этапе была общей, отсюда — раннее разложение родовой организации. Возможно, тут сыграло роль влияние соседних мейтхеев — народности, у которой феодальные отношения получили развитие значительно раньше. В дальнейшем чины пошли по пути создания малых княжеств раннефеодального типа (не выходящих за границы одной деревни), куки же сохранили демократический, общинный характер своей организации. Причины таких расхождений из-за недостатка материалов остаются пока не выясненными.

У пурумов насчитывается пять экзогамных родов — *маррим*, *макан*, *кхьянг*, *тхао* и *парпа*,⁷² подразделенных на множество подродов (известно 14 подродов). По словам Т. Даса, подрод следует рассматривать как переходную группировку от рода к семье.⁷³ Сейчас роды у пурумов не имеют никакой общей собственности и не играют заметной роли ни в экономической, ни в социальной жизни общины; единственная их функция — регулирование брака, но и экзогамность в значительной степени перешла к подроду. В таком смысле роды и подроды пурумов ничем не выделяются среди соответствующих родовых групп других народов Ассама. Однако для нас представляет интерес тот факт, что раньше, по сохранившимся сведениям,⁷⁴ роды пурумов в социальном отношении были неравноправны и располагались по четкой иерархической лестнице. Вершину ее занимал род маррим, затем шли макан, кхьянг, тхао и парпа. Сейчас, с утратой родом большинства своих функций, эта градация практически не имеет значения. Не создалось в то же время условий, необходимых для превращения этих родов в сословные группы.

Отчетливо выраженная иерархия родов имеет место у чинов из группы куки-чин. Так, имеющиеся у лакхеров несколько десятков родов располагаются на различных социальных уровнях, соответствующих основным сословным делениям общества. Исследователи отмечают у них 6 так называемых царских родов, 17 аристократических (*пхангсанг*) и множество простых (*мачли*).⁷⁵ Между этими категориями родов наблюдаются резкие социальные и имущественные различия. Вероятно, некогда у лакхеров существовала развитая экзогамная организация. Об этом свидетельствуют слабые пережитки экзогамности родовых групп (практически браки заключаются независимо от родовой принадлежности, но с учетом социального и имущественного положения заинтересованных лиц), а также следы тотемистического происхождения, которые можно обнаружить в четырех из ныне существующих родов (первый род восходит к тигру, два других —

⁷² T. Das. The Purums..., p. 106.

⁷³ Там же, стр. 117.

⁷⁴ Там же, стр. 139.

⁷⁵ N. E. Parry. The Lakhers, p. 220.

к питону, четвертый — к птице-носорогу). По-видимому, по мере феодализации общества чин на базе старых родов постепенно произошло возникновение сословий, древние родовые институты дали начало первым классовым группировкам.

Высшая и низшая половины фратрии, подразделяющиеся каждая на два экзогамных рода с последующим более мелким дроблением, имеются в группе куки-чин у аймоль.⁷⁶ Внешне схема их родовых подразделений напоминает систему, существующую у нага, тем более что обычно упоминаются не четыре, а три первоначальных рода. Вместе с тем от нага их отличает социальная неравноправность родов, принадлежащих к разным половинам, у которых даже религиозные функции различны. Здесь не просто передаваемое из поколения в поколение воспоминание о принадлежности к старшей или младшей ветви, как у нага: у аймоль роды, входящие в состав высшей половины, обладают вполне реальными привилегиями. Вождь общины, его помощник, главный жрец всегда должны принадлежать только к высшей половине старейшего рода; повысить свой социальный статус могут только члены высшей половины. Как отмечает Дж. Боз, свидетельством сохранения высшей половиной своего привилегированного положения является то обстоятельство, что в христианство обращаются исключительно люди из низшей половины, тогда как члены высших родов дорожат своим положением и не желают его терять.⁷⁷

Такой же путь развития мы видим и у лусеев, хотя у них в силу конкретных исторических обстоятельств произошло выделение одного рода, оказавшегося настолько выше остальных, что социальное расслоение среди прочих родов не достигло заметной остроты. Мы имеем в виду род Сайло — род, к которому принадлежат вожди всех общин лусеев. Действительно, первоначально род Сайло только поставлял вождей (аналогичные правила существовали и у других народов, несмотря на то что монополия на выдвижение вождей принадлежала высшей, или старшей, ветви, а не одному роду). Постепенно, по мере того как эта монополия закрепилась за родом Сайло, сам род стал приобретать все больший вес и превратился в привилегированное сословие, а затем — в класс помещиков-землевладельцев.

Возникновение сословных групп на базе эволюционировавших родов произошло также у ряда народов группы бодо — создателей раннеклассовых объединений в средневековом Ассаме. Так, у качари в период становления раннефеодального государства (примерно XIII в.) существовало 7 родов, которые уже в тот период

---

⁷⁶ J. K. Bose. Social Organisation of the Aimol Kukis. Journ. of the Depart. of Letters, v. XXV, Calcutta, 1934, p. 4.

⁷⁷ Там же.

представляли собой формирующиеся сословия.⁷⁸ В первую очередь выделились привилегированные роды (царский, род царских родичей и др.), превратившиеся в целую иерархию сословно-профессиональных групп кастового типа; в дальнейшем появился род наследственных царских рыбаков, род прачек, род слуг, рабов и др. Такой путь, когда к ранее выделившимся привилегированным сословиям присоединяются новые социальные группы, объединяющие людей более низких и «нечистых» профессий, свойствен процессу кастообразования. Аналогии с кастами средневековой Индии вызывают профессиональная замкнутость и социальная неравноценность групп. Эволюция родовых групп бодо в касты относится к отдаленным временам, последующего развития и завершения она не получила в силу раннего распада средневекового государства качари. В настоящее время у народов бодо, живущих в отдельных разбросанных общинах, не сохранилось ни родов, ни выросших из них сословий.⁷⁹

Трансформация рода в замкнутую сословную группировку кастового типа имеет место и у коньяк нага. По происхождению их родовая организация существенно не отличается от системы экзогамных единиц у других нага. Несмотря на ограниченность материалов, можно говорить о наличии двух первоначальных родов — *тхенду* и *тхенкох* — с их более мелкими подразделениями; сведения о числе их и соотношении между ними расходятся.⁸⁰ Одним из основных родов коньяков является, как указывалось выше, род Анг, который, как и род Сайло у лусеев, является родом всех вождей коньяков: вожди любой общины должны к нему принадлежать. Но у коньяков выделение привилегированной группы, связанной с монополией на выдвижение вождя, происходит в еще более узких рамках, чем у лусеев. Должность вождя у них является наследственной не просто в роде Анг, а в пределах одного из подразделений этого рода — так называемого рода великого анга,⁸¹ по существу являющегося подродом. По мнению Х. Фюрер-Хаймендорфа, «род великого анга» давно уже перестал быть родом, т. е. экзогамной единицей, и превратился в замкнутую эндогамную группу.⁸²

Интересно, что у коньяков выделение все более узких замкнутых групп, стремящихся избежать контакта с другими, нижестоящими, продолжается и в пределах уже достаточно узкого «рода великого анга»: и в нем не все его члены, являющиеся вождями в различных деревнях, считаются одинаково высокопоставленными и, следовательно, имеющими право вступать в брак.

---

⁷⁸ J. H. Cassel. The Hill Kacharis. Census of India. Calcutta, 1931, pt. B (раздел о социальной организации).

⁷⁹ Подробнее об этом см.: S. Endle. The Cacharis. London, 1911.

⁸⁰ J. H. Hutton. The Angami Nagas, p. 385.

⁸¹ Ch. Furer-Haimendorf. The Naked Nagas, p. 111.

⁸² Там же.

Такое постепенное обособление все более мелких социальных групп с четким определением их социальных взаимоотношений характерно для формирования кастовой организации. Таким образом, у коньяков, как и у некоторых бодо в прошлом, имеется явная тенденция появления каст на основе старой родовой организации, но с различными оттенками: у бодо с кастовой замкнутостью сочетается в первую очередь профессиональная специализация, в то время как у коньяков при той же обязательности кастовой социальной неравноправности особое внимание уделяется эндогамности обособляющихся групп, пресечению их контактов с нижестоящими.

Постепенное исчезновение родовых групп по мере перехода их функций к общине и малой семье, сложение сословных делений (впоследствии и классов) на базе старых родов, превращение привилегированного рода (или родов) в замкнутые группы кастового типа — таковы основные тенденции, которые прослеживаются у отдельных народов. Вместе с тем не следует преувеличивать степень распада родовых институтов. Как выше отмечалось, у ряда народов они и сейчас продолжают быть активной силой в общине, несмотря на то что процессы разложения идут повсеместно.

Род и малая семья

При всем многообразии процесса разложения рода основная тенденция его едина: от рода к малой семье. В настоящее время род все более теряет свои позиции и в семейно-брачной сфере деятельности, где его влияние имело наиболее глубокие корни. Мы уже говорили о том, что такие признаки рода, как определенная локальность брака и линейность его, теперь все более проявляются в рамках малой семьи. Остановимся подробнее на этих вопросах, связанных с взаимоотношениями рода и семьи в общине горных народов Ассамы на современном этапе развития.

В настоящее время локальность брака имеет обычно переходный характер. По мере выделения малых семей и активизации переселения локальность становится все более произвольной. Нарушение родовой экзогамии также приводит к изменению традиционных правил поселения молодой семьи. В целом можно сказать, что если (при ряде исключений) в отношении деревни соблюдается матри- или патрилокальность (в зависимости от линейности народа), то по отношению к дому большая часть браков может быть названа неолокальной. Действительно, теперь в большинстве случаев молодая пара после брака селится отдельным домом (иногда непосредственно сразу после свадьбы, иногда по прошествии определенного срока), хотя часто этот дом находится неподалеку от дома родителей мужа (при патрилокальности

брака) или жены (при матрилокальности). Неолокальность большинства браков явилась естественным результатом утверждения малой семьи почти у всех горных народов Ассама (неразделенные семьи — и то в виде исключения — можно встретить у отдельных групп куки⁸³). В доме родителей остается жить только один из детей — сын или дочь (в зависимости от линейности), — который и выступает в качестве наследника дома и надела родителей. Для семьи наследника (или наследницы) локальность еще может быть определена, для всех же остальных детей, отделяющихся после брака, она имеет значение только в отношении деревни, так как сам дом одинаково нов для обоих супругов. А если принять во внимание, что в последнее время все более обычным становится положение, когда и муж и жена происходят из одной деревни (это возможно и при соблюдении родовой экзогамности, ибо в одной деревне, как правило, проживает несколько родов), то в этих случаях неолокальность становится основным принципом.

Говоря о локальности, хочется отметить следующее обстоятельство. Даже в условиях, когда родовая структура сохраняла большую целостность и брак строго регулировался согласно родовым предписаниям, нельзя возникшую форму локальности принимать за абсолютную. Всегда какое-то число браков (в зависимости от конкретной ситуации в деревне или семье) совершалось и совершается с последующим поселением, не совпадающим с традиционной для данного народа локальностью. Например, у некоторых патрилинейных народов отмечаются случаи, позволяющие жениху, не имеющему средств заплатить нужную сумму за невесту, переходить жить в дом ее отца (например, у микиров⁸⁴). Такая же ситуация может возникнуть в доме, не имеющем сыновей, где зять становится наследником имущества семьи. Последний факт свидетельствует о нарушении норм патрилинейного наследования, согласно которым при отсутствии сыновей должен наследовать брат; однако подобные нарушения имели место и в пору существования развитого родового строя, если в недрах его происходило усиление малой семьи. Результатом являлись отдельные случаи матрилокального брака при общей строгой патрилокальности.

В наибольшей степени оговорки относительно твердой локальности брака касаются матрилокальных народов. Особенно нагляден в этом отношении пример гаро. Для гаро, как и для патрилинейных народов, основной формой является неолокальность, во всяком случае в отношении дома; семья дочери-наследницы имеет матрилокальное поселение. Однако можно ли признать матрилокальность гаро всеобъемлющей, будь то матрилокальность в отношении только деревни для семей дочерей-ненаслед-

⁸³ T. Das. The Purums. . . , p. 111.

⁸⁴ E. Stack. The Mikirs. London, 1908, p. 19.

ниц или матрилокальность в отношении и деревни, и дома для семьи дочери-наследницы? Нам уже случалось выражать по этому поводу известные сомнения.⁸⁵ Вряд ли универсальность матрилокальности была возможна и в прошлом. Ведь трудно представить себе, чтобы все взрослые мужчины данного рода уходили в другую деревню, тем более что во всех исследованиях по гаро, включая самые последние, постоянно подчеркивается ведущая роль мужчин в роде их матерей. Именно мужчины данного рода составляют *чратанг* — совет, ведающий семейными и имущественными делами каждого махари, совет, пользующийся значительным авторитетом. Причем *чратанг* — традиционный институт гаро, сохранившийся до нашего времени, а не новообразованный орган периода разлагающегося первобытнообщинного строя. Следовательно, определенная часть мужчин рода должна была и после брака оставаться в своем роде.

Полное подтверждение этому предположению дала книга Р. Берлинга «Ренгсанггри. Семья и отношения родства в одной из деревень гаро», первое крупное исследование, посвященное социальной организации гаро и построенное на материалах, собранных в 1950-х—начале 1960-х годов.⁸⁶ Берлинг утверждает следующее: «Хотя мужчины обычно при браке покидают дом своих родителей, не все они уходят в другую деревню. На деле некоторое количество мужчин остается в деревне своей матери и своего рода, а некоторые из этих мужчин даже приводят себе жен из другой деревни и вместе с ними основывают новые дома в своей деревне. Причиной этого является то, что мужчины занимают ведущие посты и принимают большую часть важных решений».⁸⁷ Больше того, Берлинг приводит любопытное высказывание гаро: «Ни одна женщина не захочет жить в деревне, если в ней не живет хотя бы один из ее братьев или дядей».⁸⁸ Поэтому всегда в данной деревне есть определенное количество лиц обоего пола, принадлежащих к данному роду, с преобладанием одного из полов, в зависимости от линейности. Это не значит, что мужчины сознательно, из вышеприведенных соображений, остаются в своей деревне. Каждый раз действуют какие-то конкретные поводы: одни хотят остаться со своими сородичами, другие не желают бросать привычных занятий, не получивших распространения в деревне жены (например, выращивание хлопка) и т. д. Но в результате таких, на первый взгляд случайных, поводов регулируется вполне закономерный процесс нужного распределения членов одного рода между различными деревнями. В целом же положение с локальностью у всех малых народов Ассама (и пат-

⁸⁵ С. А. Болдырева (Маретина). Черты материнско-родовой организации у гаро и кхаси (Ассам). Индийск. этногр. сб., М., 1961, стр. 189.

⁸⁶ R. B u r l i n g. Rengsanggrī..., pp. 167—173.

⁸⁷ Там же, стр. 167.

⁸⁸ Там же.

рилинейных, и матрилинейных) определяется сохранением преобладающей локальности относительно деревни с неолокальностью внутри деревни по мере усиления малых семей и освобождения их от влияния родовых групп.

У многих народов родовая принадлежность продолжает прослеживаться по одной линии, и сейчас этот признак реально сохраняется в рамках малой семьи. Линейность семьи совпадает с линейностью рода. Однако можно указать отдельные примеры того, как родовая матрилинейность уступает место патрилинейности, но уже в рамках малой семьи. Такой случай отмечен у одной из локальных групп гаро, так называемых далу-гаро (район Майменсинга). В конце прошлого века им еще была свойственна матрилинейность, а уже в начале XX в. счет происхождения и наследование у них стали идти по отцовской линии.⁸⁹ Подобная смена линейности у матрилинейных народов Ассама при переходе к малой семье как основной форме социальной организации отмечена лишь в единичных случаях.

Вместе с тем в самой семье, где сохраняется передача родового имени по материнской линии, происходят некоторые изменения, неизвестные патрилинейным народам. Внутри семьи постепенно наблюдается перестановка сил, изменение влияния отдельных ее членов и связанных с ней родственников. В частности, меняется роль брата матери — самого влиятельного из сородичей, чей голос считается решающим при разборе различных дел всей родовой группы. Иногда дядя по матери до сих пор является большим авторитетом, чем отец: ведь отец, когда его сын вступает в брак и уходит из дома, теряет всякое влияние на эмансипировавшегося сына; дядя же по матери остается на всю жизнь выразителем мнения родовой группы во всех вопросах, требующих ее вмешательства. Но в то же время для семьи в целом, конечно, гораздо ближе отец, который осуществляет не просто традиционные юридические права, а живет в семье, работает на нее, с детства заботится о своих детях. По словам Берлинга: «Мужчина выполняет свой долг в отношении своей сестры, но проводит свою жизнь с женой».⁹⁰ С дальнейшим укреплением семьи и ее самостоятельности позиции отца усиливаются, а влияние брата по матери неуклонно падает.

В настоящее время противоречия между родом и малой семьей продолжают наиболее остро ощущаться в вопросах, связанных с наследованием имущества, особенно по мере повышения ценности земли. Если раньше (когда в горах Ассама было достаточно свободных земель и каждая отделившаяся новая семья могла свободно получить от общины необходимый ей надел) дети не были слишком заинтересованы в наследовании имущества родителей, так как положение наследника накладывало

⁸⁹ Census of India, 1911, v. I, pt. I. Calcutta, 1913, pp. 237—238.

⁹⁰ R. Burling. Rengsangri..., p. 170.

на него ряд обязанностей, перевешивавших приобретенные выгоды, то теперь все чаще дети стремятся получить долю наследства. В результате усиливается тенденция, направленная к нарушению обычного права, по которому в качестве наследника выступал один из детей — сын или дочь (в зависимости от линейности). При всем внешнем несходстве традиций у патрилинейных и матрилинейных народов их сущность сводится к одному общему положению обычного права: имущество и контроль за ним должны быть сохранены в пределах рода. Причем не имеет принципиального значения, по мужской (в отцовском роде) или по женской (в материнском роде) линии передается имущество.

Завещание, нарушающее этот обязательный закон рода, считается выступлением против традиций.

В настоящее время может показаться беспредметным вопрос о контроле рода над имуществом семьи, ибо в экономическом отношении малая семья уже стала достаточно независимой, пользование и распоряжение семейной собственностью у всех горных народов носит полностью индивидуальный характер, все продукты труда потребляются внутри семьи. Однако проблема контроля над имуществом своих членов является для родовой группы вопросом сохранения ее влияния в целом, ее существования как авторитетной организации. Умножение числа наследников, пусть даже с соблюдением традиционной линейности (т. е. тоже принадлежащих к одной родовой группе), приводит к распыленности имущества и тем самым затрудняет наблюдение за ним со стороны других членов рода.

Нарушение обычного права в наши дни чаще всего идет по линии привлечения к разделу наследства большего количества детей. Так, у некоторых нага (ангами, лхота и др.) отец обычно сам при жизни оделяет имуществом каждого сына и помогает ему построить дом.⁹¹ Основная же часть имущества, в том числе и дом родителей, после смерти отца остается младшему сыну, выступающему в качестве главного наследника. Наиболее обычным объяснением такого положения является то, что старшие братья, как правило, встают на собственные ноги при жизни и при помощи отца, младший же сын часто к моменту смерти отца еще неженат, и ему предстоят большие расходы по внесению брачной платы за невесту, по постройке собственного дома и т. д.⁹² В последние десятилетия исследователи отмечают, что устное распоряжение отца может изменить принятый порядок, и сыновья обязаны с этим считаться.⁹³

Особенно обостряется вопрос о наследовании у групп, владеющих орошаемыми полями, составляющими полную собственность данной семьи. Такие поля могут быть проданы и пред-

⁹¹ J. H. Hutton. *The Angami Nagas*, pp. 136—137.

⁹² J. P. Mills. *The Lhota Nagas*, p. 95.

⁹³ W. C. Smith. *The Ao Naga...*, p. 288.

ставляют реальную ценность для всех детей-наследников. Поэтому все чаще раздаются голоса в пользу того, что имущество должно быть разделено между детьми, но только или между сыновьями, или между дочерьми (т. е. здесь линейность соблюдается) при сохранении некоторых преимуществ «законного» с точки зрения обычного права наследника.

Так, например, у пурум куки наследником дома и земли является тот сын, который остается жить с родителями, — обычно младший. На самом деле здесь зависимость обратная: он живет с родителями потому, что он наследник, а не потому, что проживание в родительском доме дает права на имущество. В последние десятилетия участились случаи, когда, стремясь получить наследство, другие сыновья также отказываются покидать родительский дом, тем самым претендуя на равные с наследником доли собственности.⁹⁴ В результате семейное имущество действительно делится между всеми сыновьями. Совместное проживание взрослых сыновей с родителями имеет видимость неразделенной семьи; однако это принципиально иная социальная группа недавнего происхождения, связанная с изменившимися экономическими условиями.

Сходные процессы имеют место у матрилинейных гаро. Законы наследования у гаро отличаются значительным своеобразием, получившим наиболее полное выражение в так называемой системе *нокром* (нокром — муж дочери-наследницы). Мы уже подробно останавливались на данном институте — порождении матрилинейной структуры гаро,⁹⁵ — поэтому ограничимся самыми краткими дополнениями. Согласно системе нокром муж дочери-наследницы должен обязательно принадлежать к тому же роду, что и ее отец. В результате складывается и поддерживается из поколения в поколение связь двух родов — рода отца и рода матери, совместно осуществляющих контроль над семейным имуществом. Род матери считается владельцем этого имущества, род отца закрепляет (благодаря системе нокром) за собой определенные права контроля над ним. Такой контроль над собственностью, осуществляемый двумя родами, отличает гаро от других народов Ассама, у которых только одна родовая группа (группа мужа или жены) предъявляет права на имущество. Допуская подобный компромисс, нарушающий принцип однолинейности, свойственный роду, система нокром в то же время стоит на страже интересов рода (вернее родов) при столкновении последних с интересами малой семьи. Становление новых отношений собственности среди гаро выражается в нарушении данной системы. Как и у патрилинейных народов, нарушение заключается в приобщении к наследованию и других дочерей. Молодежь под-

⁹⁴ T. D a s. The Purums. . . , p. 169.

⁹⁵ С. А. Болдырева (Маретина). Черты материнско-родовой организации. . . , стр. 192—193.

нимают этот вопрос в отдельных деревнях гаро,⁹⁶ — видимо, там, где имеются орошаемые частнособственнические поля.

Таким образом, вместо одного наследника (сына или дочери), через которого имущество сохранялось в пределах рода, появляется много наследников, что означает переход от коллективной собственности рода к индивидуальной собственности отдельных мелких владельцев.

Если говорить в целом о положении малой семьи в общине у рассматриваемых народов, то следует подчеркнуть все большее обособление ее и усиление хозяйственной самостоятельности. Переход экономических функций рода к малой семье совершился, в настоящее время происходит дальнейшее укрепление индивидуальной инициативы семьи уже в пределах общины, чему способствует закрепление общинных наделов за малыми семьями и особенно появление независимых от общины орошаемых полей. Одновременно происходит усиление самостоятельности семьи в сфере социальной, где, как было показано выше, авторитет родовой группы вынужден постепенно сдавать свои позиции. Члены одной семейной ячейки, объединенные совместным проживанием, общим трудом, все в большей степени обособляются от своих сородичей и образуют наиболее сплоченный коллектив внутри общины. В то же время (при всей определенности отмеченных тенденций) семья еще многими нитями связана с теми кровнородственными и территориальными коллективами, в которые она (или ее часть) входит.

Дома холостяков

Одним из звеньев, связывающих семью с общиной, остается дом холостяков, или мужской дом, существующий у большинства горных народов Ассама, но особенно значительную роль играющий у ряда народностей группы нага. В настоящее время идет эволюция функций данных домов, как и прочих общинных институтов. Дом холостяков теперь уже перестал быть цитаделью коллективного авторитета, силой, противостоящей вождю и всегда стоящей на страже общественного мнения. Отмирание этих его функций наблюдается даже у коньяк и ао нага, где он имел наибольшее распространение.

Коньяк нага являются представителями наиболее архаичной культуры нага, поэтому можно считать, что и дом холостяков является институтом, свойственным в прошлом всему народу.⁹⁷ Дом холостяков играет видную общественную роль и в тех деревнях коньяков, где правят могущественные наследственные вожди; там он, по-видимому, сложился именно как сила, ограничиваю-

⁹⁶ G. Bertrand. Secret Lands where Women Reign. London, 1958 pp. 61—64.

⁹⁷ V. Elvin. The Muria..., p. 283.

щая авторитет вождя в общинных делах. У коньяков эти дома занимают самые большие и красивые здания; церемониал вступления в них разработан очень тщательно. Политическая роль дома холостяков здесь сохранилась полнее, чем у других групп нага, как в результате лучшего развития данного института, так и в силу большей сохранности архаичного уклада у этой крайней северо-восточной группы нага, оторванной в значительной степени от внешних влияний.

У ао дом холостяков был тесно связан с упоминавшимися выше возрастными классами и играл некогда очень заметную роль в жизни общины,⁹⁸ сейчас он по-прежнему регламентирует жизнь молодежи, но его общественный вес упал.

Своеобразную эволюцию претерпели общественно-политические функции дома холостяков у феодализованных сема нага: у них члены данного дома по существу превратились из силы, противостоящей вождю, в его личную гвардию, и теперь помещением для сборов молодежи оказывается дом самого вождя.⁹⁹

Из былых многочисленных функций дом холостяков в настоящее время продолжает сохранять роль центра воспитания молодежи в духе старых общинных традиций. Однако в последнее время все чаще назначение дома холостяков сводится к месту ночлега молодых людей до их вступления в брак; даже у коньяков юноша большую часть времени проводит в своей семье, отправляясь в него лишь на ночь. Тем не менее дом холостяков способствует поддержанию связей между отдельными представителями молодого поколения; правда, изолирующее влияние обособляющихся малых семей постепенно стирает следы общинного коллективизма.

Одним из важных аспектов деятельности домов холостяков является их роль в хозяйственной жизни общины. Они выступают в качестве организатора труда юношей, являющихся их членами, и определяют степень участия молодежи в земледельческих работах общины. Первоначально каждый дом холостяков имел свою землю, которую обрабатывали его члены и плоды которой шли на общественные нужды дома — различные праздники, церемонии и т. д. У ряда народов остатки подобной земли и сейчас находятся в распоряжении дома холостяков (например, у лхота, ао и некоторых других нага).¹⁰⁰

Такой совместный труд на общей земле, сопровождаемый коллективным потреблением плодов этого труда, встречается у горных народов Ассама лишь в качестве пережиточного явления и все больше уступает место другим формам труда, возникающим на базе того же дома холостяков. Мы имеем в виду многочисленные (у разных народов можно наблюдать разные ва-

⁹⁸ Ch. F ü r e r - H e i m e n d o r f. Staat und Gesellschaft. ., S. 30.

⁹⁹ Там же, стр. 23.

¹⁰⁰ H. E. K a u f f m a n n. Landwirtschaft bei den Bergvölkern von Assam und Nord Burma. Zeitschr. für Ethnol., Bd. 66, 1934, H. 1—3, S. 81.

рианты) рабочие молодежные группы, центром организации которых является дом холостяков. Причем следует отметить, что не все молодежные трудовые организации в общине обязательно связаны с этими домами: например, как подчеркивает Дж. Миллз, у лхота нага рабочие группы — так называемые *йенгаген*, — видимо, к домам холостяков не имеют отношения.¹⁰¹ В состав их входят дети соседей, по очереди работающие на полях тех родителей, какие в данный момент нуждаются в помощниках. За работу членам данных молодежных групп принято давать небольшое вознаграждение.

У других же народов рабочие объединения молодежи подобного типа возникают на базе домов холостяков. На их примере особенно наглядно видно, как общинная взаимопомощь, существующая на основе традиционных организаций, в ряде случаев перерастает в групповой наемный труд. Вот несколько примеров. У чиру куки наряду с соседскими группами взаимопомощи в общине (*ламами*) существуют постоянные организации юношей на базе дома холостяков (*кхангшина*), которым отведено определенное место в общественной и экономической жизни общины.¹⁰² Причем сам институт дома холостяков у чиру и у других куки не получил такого развития, как у нага, и в основном выступает именно в роли центра рабочих групп молодежи. Существуют подобные объединения девушек, но они не носят постоянного характера, а создаются и распадаются по мере необходимости. Члены общины, нуждающиеся в помощи, нанимают такие группы за определенное вознаграждение, скорее похожее на подарок главе дома холостяков или главной девушке; полученное вознаграждение обычно тратится на угощение членов молодежных организаций.¹⁰³

Пережитком дома холостяков, по-видимому, является форма кооперации труда у микиров.¹⁰⁴ В прошлом у них существовал свой дом холостяков — *рисомар*, члены его коллективно трудились и играли видную роль в общественной жизни общины. Теперь сами дома исчезли, политические их функции давно забыты, а молодежь собирается в доме главы деревни (гаонбуры), направляющего ее деятельность. Группы молодежи, работающие на полях общинников у микиров, восходят к организациям дома холостяков, хотя природа их теперь совершенно иная — это наемные рабочие группы, находящиеся в распоряжении главы деревни.

# # #

Ко всем вышеназванным внутренним процессам, подготавливающим основы общинной организации малых народностей Ассама и выражающимся в исчезновении и перерождении у них

¹⁰¹ J. P. Mills. The Lhota Nagas, p. 97.

¹⁰² J. Ch. D a s. Some Notes..., p. 447.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ E. Stack. The Mikirs, pp. 11—12.

родовых и общинных институтов, присоединяются факторы внеш- него порядка. Уже с конца прошлого века стала постепенно на рушаться географическая изоляция, в значительной степени спо- собствовавшая сохранению у горных племен и народностей Ас- сама пережиточных форм социальной организации и примитивной экономики. Еще во время британского господства в Индии нача- лось строительство дорог, связанных с нуждами развивающихся в Ассаме чайных плантаций, в результате чего стало возможным проникновение в ранее недоступные горные районы и облегчились контакты между равнинным и горным населением. Конечно, нельзя считать, что уже тогда пришел конец изолированному су- ществованию жителей ассамских гор. И сейчас еще значительная часть их территорий (особенно на крайнем востоке и северо- востоке) остается нелегкой для посещений: единственный путь туда — крутые горные тропы.

Говоря об усилении контактов горцев с жителями долины р. Брахмапутры и ее притоков (ассамцами и бенгальцами), сле- дует учитывать то существенное обстоятельство, что среди рав- нинного населения уже сложились капиталистические отноше- ния. Усиление обмена с населением, живущим в условиях капи- талистического общества, имело своим непосредственным резуль- татом проникновение денег, развитие денежного обмена вместо прежнего натурального, существовавшего между отдельными гор- ными общинами.

Потребность в деньгах на протяжении первых и последующих десятилетий нашего века растет быстрыми темпами, особенно в общинах, расположенных ближе к дорогам, к торговым центрам. Деньги нужны для уплаты налогов (с дома — подсечно-огневыми землевладельцами, земельной ренты — владельцами орошаемых полей), введенных английскими властями в Ассаме, для покупки ряда промышленных и сельскохозяйственных товаров, которых нельзя было получить в порядке натурального обмена.

Вместе с ростом товарно-денежных отношений в горы Ассамы проникает ростовщичество: потребность в деньгах заставляет изы- скивать возможности их получения, а расслоение в среде общин- ников ставит нуждающиеся семьи в денежную зависимость от более зажиточных однообщинников. Ссуды (как натуральные, так и денежные) теперь распространены вплоть до самых отдален- ных уголков Ассамских гор, однако не у всех народов и не во всех общинах одного народа. В некоторых общинах речь идет лишь о заеме недостающего риса, который после нового урожая возвращается с небольшой добавкой,¹⁰⁵ в других же эти ссуды принимают характер обыкновенного ростовщичества, причем неуплата долга ставит должника в личную зависимость от заимо- давца. Такое положение чаще всего имеет место у народов с фео-

¹⁰⁵ R. Burling. Rengsangri..., p. 287.

дализированным строем; у них возникает новая категория зависимых — долговые рабы, точнее, несостоятельные должники (у лусшей, лакхеров и некоторых других¹⁰⁶). В прошлом среди большинства народов горного Ассама существовало патриархальное рабство: частые войны между отдельными племенами были постоянным источником рабов. Теперь на смену архаичной форме зависимости приходит гораздо более действенная — зависимость должника, отработывающего свой долг займодавцу и этим способствующего еще большему увеличению имущественной дифференциации между ними. У народов с наследственными вождями нередко функции ростовщика выполняет сам вождь, если он нуждается в рабочей силе для обработки имеющейся в его распоряжении избыточной земли. В результате в среде общинников вырастает слой нуворишей — торговцев и ростовщиков, оказывающихся на общественной лестнице рядом со старой родовой знатью и в ряде случаев оттесняющих последнюю.

Малоземельные общинники в поисках необходимых в современных условиях денег тоже начинают изыскивать дополнительные способы их добывания. В последние годы стал более обычным уход жителей горных районов на строительные работы или плантации в равнинные районы Ассама. Еще несколько десятилетий тому назад процент отходников среди горных народов Ассама был незначителен по сравнению с другими неиндуистскими районами, например с Центрально-Индийским нагорьем. Ныне среди отходников можно встретить представителей кхаси, гаро, кукичинов, нага.¹⁰⁷ Отрыв отходников от своей общины, от своей родовой группы (там, где сохранились пережитки рода) способствует нарушению целостности общинных институтов, ослаблению и разрыву старых родовых связей, дальнейшему смещению населения.

Вторжение капиталистических отношений вызывает резкое нарушение традиционного положения в общине и влечет за собой выделение новых классов, исчезновение старых родовых и сословных группировок. Все происходящее приводит к сложному переплетению институтов классового и первобытного общества. В настоящее время отмечен бурный рост национального самосознания горных народов Ассама, вовлечение их в политическую жизнь штата и страны в целом, что проявляется в борьбе за национальную автономию, участия в решении волнующих Ассам вопросов о земле, о государственном языке.¹⁰⁸ Такой рост политической активности также ведет к преодолению многовековой замкнутости народов и быстрому изменению их социальных институтов.

---

¹⁰⁶ N. E. Parry. The Lakhers, p. 223; J. Shakespear. The Lushai. . . , pp. 47—49.

¹⁰⁷ Л. И. Юревич. Нагаленд. В сб.: Экономика и история Индии и Пакистана, М., 1966, стр. 148.

¹⁰⁸ А. М. Дьяков. Национальный вопрос в современной Индии. М., 1963, стр. 159—161.

Община у лису в первой половине XX в.¹

На северо-западе провинции Юньнань в КНР расселена народность лису,² насчитывающая 317 тыс. человек (данные переписи 1953 г.).³ Только небольшая группа лису в несколько тысяч человек живет в провинции Сычуань (уездах Яньюань, Яньбянь, Мули, Сичан) и Чамдоском округе Тибетского автономного района. По этнолингвистической классификации лису относятся к числу тибето-бирманских народов, из которых наиболее близки к народностям ветви и.

Лису в основном живут в бассейнах рек; наиболее крупная группа (свыше 110 тыс. чел.) — по рр. Нуцзян (Салуэн) и Ланцанцзян (Меконг). Свои деревни лису располагают по склонам гор на разной высоте, но повсюду у них развито земледелие.⁴ На высоте до 1000 м над ур. м. климат субтропический, здесь есть возможность заниматься земледелием круглый год; выше, на высоте 1500—2000 м, собирают только один урожай в год. Земли очень плодородные; осадков выпадает вполне достаточно. Неблагоприятным моментом является крутизна горных склонов и отсутствие равнинных массивов. Хотя количество полей под заливным рисом постепенно увеличивалось, к началу

---

¹ При написании данной статьи мною широко использованы материалы обследования социально-экономических отношений у лису, проведенного китайскими учеными в провинции Юньнань в начале второй половины XX в. С этими материалами я познакомился во время пребывания в Китае в 1957—1960 гг. благодаря помощи Центрального института национальностей в Пекине.

² О народности лису подробнее см.: Народы Восточной Азии. М.—Л., 1965, стр. 557—563; на китайском яз. см., например: Общие сведения о национальных меньшинствах провинции Юньнань. Куньмин, 1956, стр. 48—51; Общие сведения о грамматике языка лису. Пекин, 1959.

³ В пересчете на 1959 г. общая численность лису в КНР составляла 370 тыс. человек. Кроме того, группы лису живут в Бирме (40 тыс. чел.) и Таиланде (1 тыс. чел.). Их общим самоназванием является *лису* (см.: Численность и расселение народов мира. М., 1962, стр. 175, 179, 181).

⁴ О занятиях лису см.: Линь Йо-хуа и Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы Китая. Восточноазиатский этногр. сб., II, М., 1961, стр. 5—46.

второй половины XX в. основную массу все еще составляли богарные земли. Так, в бассейне р. Нуцзян в это время под пашней находилось свыше 280 тыс. му (му = $\frac{1}{15}$ га), из них только около 30 тыс. му занимали заливные поля. Земли, обрабатываемые непашенным путем, тогда еще не были учтены. В бассейне рр. Нуцзян и Ланцанцзян, в особом районе Лицзян, лису занимают преимущественно наиболее удобные для обработки земли; в Дэхунском округе лучшие, равнинные, земли принадлежат тай и цзинпо, а худшие, горные, — лису. В зависимости от района, характера поля, крутизны склона горы лису применяют различные орудия для обработки почвы: на клочках заливных полей, на более пологих склонах гор — плуг с буйволом или быком в упряжке, на крутых склонах — мотыгу. Лису знают заливное рисосеяние и получают такие же урожаи риса, что и соседние с ними народы, известные своими земледельческими традициями — китайцы, тай, бай, наси и др. На богаре выращивают прежде всего кукурузу, а также гаолян, чумизу, гречиху, пшеницу, ячмень, баты, бобовые, коноплю и т. д.

Подсобным занятием у лису являются животноводство, охота, собирательство и некоторые виды ремесла, домашнего по своему характеру. Определенное экономическое значение имеет разведение тунгового и лакового деревьев: первого для получения тунгового масла, второго — лака.

Транспорт развит очень слабо. Река Нуцзян на большей части северо-западного района провинции Юньнань несудоходна.⁵ Обычно связь осуществляется через реки с помощью подвесных мостов, представляющих собой перекинутый с берега на берег трос. Вьючных лошадей очень мало. Грузы преимущественно переносят люди.

Несмотря на значительную изолированность северо-западного района от остальной части провинции Юньнань, никогда не нарушались связи между народами, населявшими всю провинцию. Этот район входил до XIII в. в состав независимых государств, созданных тибето-бирманскими и тайскими народами и существовавших на территории современной провинции Юньнань. Хотя формально с конца XIII в. власть основанной в Китае монгольской династии Юань распространилась и на территорию всего современного Юго-Западного Китая, ряд районов, в том числе северо-западная Юньнань, оставались на протяжении длительного времени фактически независимыми, под властью местных правителей.⁶ Система местных правителей — *тусы* — суще-

⁵ Только в уездах Луншуй и Гуншань р. Нуцзян пересекают деревянные лодки.

⁶ В русской литературе об этом писали: З. Матусовский. Географическое обозрение китайской империи. СПб., 1888; А. О. Ивановский. Материалы для истории инородцев Юго-Западного Китая. СПб., 1889; Г. Кара-Мурза. К постановке национального вопроса в Китае. Про-

ствовала у лису вплоть до начала XX в.⁷ В начале XX в. была образована Канцелярия по управлению народами, населявшими северо-западную часть провинции Юньнань, установлена система круговой поруки — *баоцзя*. Появившиеся в этих районах чиновники — китайцы, бай, наси — в первую очередь занимались сбором налогов. Однако система управления и экономическая структура существенным изменениям не подвергались. Всекие попытки активного вмешательства китайцев встречались враждебно и неоднократно вызывали вооруженный отпор. Сборщики налогов нередко убивали, не признавая за ними административных прав.

Социально-экономические отношения у лису в первой половине XX в. характеризуются наличием общины. Каждая деревня (на языке лису *кла*) представляла собой сельскую общину. В одной деревне могли жить не только кровные родственники, но обязательным для нее было наличие отдельных кварталов, занимаемых родственниками-однофамильцами.⁸ Главными являлись территориальные связи, родственные в значительной мере были нарушены, особенно если жители уходили из родной деревни и поселялись в других. Экономические связи между расселившимися в разных деревнях родственными семьями не носят такого регулярного и более или менее глубокого характера, как связи между соседями-общинниками, пусть даже не родственниками.

В фамильных именах, по мнению большинства ученых, сохраняется представление о родовой принадлежности. Род в районе Нуцзяна в первой половине XX в. уже не играл никакой роли, поэтому невозможно восстановить его структуру как единой ячейки общества в прошлом. Представление о том, что когда-то у лису в данном районе существовало свыше 10 родов, основано исключительно на сохранении до сих пор в фамильных именах их названий.⁹

блемы Китая, 1934, № 13. В китайской об этом см.: Описание Юньнани (Юньнань тунцзю) 1526, 1895; Тао Юнь-куй. Лису района Билосюпань. Лиши юйнь янцзю цзюкань, № 17, 1948. В американской: J. F. Rock. The Ancient Na-Kho Kingdom of Southwest China, vv. 1, 2. Cambridge, 1947, и другие авторы.

⁷ См.: А. М. Решетов. Китайские источники для изучения систем управления районами малых народов Китая (XIII—XIX вв.). Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тез. научн. конфер. Восточн. фак. 1964/65 уч. г. Л., 1965, стр. 76—79.

⁸ У лису все однофамильцы считались родственниками.

⁹ Названия родов связаны с животными, насекомыми или растениями: тигр, баран, пчела, рыба, крыса, обезьяна, птица, медведь, бамбук, гречиха и т. д. Вполне вероятно, что в этих названиях сохранялись пережитки тотемизма. Так, в семьях, называемых именами птиц, не жгли благовонных палочек-свечей, ибо считали, что они похожи на ножки птицы, и потому сжигание их явилось бы оскорблением тотема и плохим предзнаменованием. Семьи с фамильным именем «тигр» считали, что не следует бояться

Во главе деревни стоял старейшина. Своего старейшину имела также каждая группа родственников-однофамильцев, живших в одном поселении. Если в деревне было несколько родственных групп (обычно 3—4),¹⁰ то главой деревни являлся, как правило, старейшина самой крупной родственной группы. Должность старейшины не переходила по наследству; он избирался пожизненно из числа наиболее способных людей на собрании всех взрослых членов данной родственной группы. Старейшины обычно были наиболее состоятельными членами группы, пользующимися в ней определенным влиянием, в том числе экономическим. Иногда, если старейшина не мог выполнять по болезни свои обязанности, временно назначался ему в помощь кто-нибудь из юношей родственной группы; если же он не мог выполнять свои обязанности длительное время (например, несколько лет), то его могли переизбрать. В круг обязанностей старейшины входило решение внутренних дел (разрешение споров, распоряжение обрядами жертвоприношений и т. д.). Он также представлял свою группу или деревню в сношениях с другими родственными группами или деревнями. Старейшины почти повсеместно принимали участие в сельскохозяйственных работах в течение всего года. Как выборная власть они не получали какого-нибудь вознаграждения за свою деятельность.

Жители деревни, обращаясь к своему старейшине за советом, преподносили ему небольшие подарки (обычно продукты). Когда же он выступал посредником при разрешении споров, то устраивал угощение у себя. Власть старейшин опиралась на традицию и авторитет. Нередко старейшины отправляли религиозные обряды, являясь хранителями общедеревенских и патронимических культов. Признавая силу старейшин и видя в них надежную опору, провинциальные и уездные власти наделяли их определенными административными полномочиями. Этим они способствовали укреплению авторитета старейшин, с одной стороны, и быстрой их феодализации, с другой. Институт старейшин вел к сохранению общины в качестве фискально-административной единицы, что было выгодно вышестоящим властям. Наконец, старейшины управляли общинами (общинными в деревне, общепатронимическими в родственной группе) землями и нередко использовали их для своего обогащения, эксплуатируя крестьян.

К концу первой половины XX в. уровень развития социально-экономических отношений у лису в разных районах их рас-

---

данных хищников, ибо они их не должны трогать, с фамильным именем «медведь» не охотились на этих зверей, не убивали их. Видимо, в силу тех же тотемистических пережитков при уборке урожая оставляли для диких животных неубранной часть кукурузы.

¹⁰ Таковую родственную группу однофамильцев можно рассматривать как патронимию.

селения был неодинаков. В уездах Ланьпин, Лицзян, Вэйси, Удин, Лушуй, Луцюань и других уже выделились и занимали преимущественное положение помещичьи хозяйства, классовое расслоение было ярко выраженным.¹¹ Столь же развитые формы феодализма характерны и для лису, живущих в Чусюнском автономном округе народности и, а также в Дэхунском автономном округе народностей тай и цзинпо. На развитие феодальных отношений во всех этих районах оказали влияние соседние народы (бай, наси, китайцы, тай и др.).¹²

На основной этнической территории лису — прежде всего в бассейне р. Нуцзян, — где отсутствовала нетрудовая прослойка, целиком жившая за счет эксплуатации, классовое расслоение к началу второй половины XX в. было недостаточно четким, хотя частная собственность в общем уже являлась господствующей формой собственности и имущественное неравенство было уже значительным. Это хорошо видно на примере дер. Экэло уезда Бицзян. В данной деревне имелось 275 дворов. Из них 200 дворов (72.8%) бедняки, 52 двора (18.9%) маломощные середняки, 21 двор (7.6%) зажиточные середняки и 2 двора (0.7%) богатые лису.¹³ Таким образом, бедняки и маломощные середняки составляли в Экэло 91.7% всех дворов. Каждая группа (социальная страта) имела разные по качеству земли (табл. 1).

Таблица 1

Социальные страты	Пахотные земли (%)		Богарные земли, обрабатываемые мотыгой (%)
	заливные	богарные	
Богатые	14.8	72.1	13.1
Зажиточные середняки . .	13.4	65.3	21.3
Маломощные середняки	10.8	65.1	24.1
Бедняки	6.17	54.8	38.8

Доля владения этими землями (каждая категория — 100%) среди различных социальных страт населения тоже была различной (табл. 2).

Из этих двух таблиц видно, что богатым лису и зажиточным середнякам принадлежали главным образом лучшие земли, т. е. заливные и богарные, обрабатываемые плугом.¹⁴ Если сопоста-

¹¹ Общие сведения о национальных меньшинствах провинции Юньнань, стр. 50; J. F. Ross. The Ancient Na-Khi...

¹² Об этих районах см.: J. F. Ross. The Ancient Na-Khi...

¹³ В китайских источниках о лису употребляется термин *фууй*, что дословно означает «богатый».

¹⁴ Хотя повсеместного обследования деревень у лису в районе Нуцзяна не проводилось, однако подсчитаны приблизительные данные владения пахотными землями различными социальными стратами (в процентном со-

Таблица 2

Социальные страты	Пахотные земли (%)		Богарные земли, обрабатываемые мотыгой (%)
	заливные	богарные	
Богатые	2.78	1.94	0.66
Зажиточные середняки . .	23.64	16.96	10.44
Маломощные середняки	35.35	31.06	21.73
Бедняки	38.23	50.04	67.17

вить данные о количестве дворов каждой социальной страты в дер. Экэло с данными вышеприведенных таблиц, то без особого труда можно сделать вывод, что на каждую богатую семью или семью зажиточного середняка приходилось значительно больше земли, чем на семью бедняка. По данным обследования, каждая семья богатых лису в среднем владела 30.5 му земли, а каждая семья бедняков всего 10.36 му. Ежегодно на каждую семью бедняка в среднем приходилось 230 цзиней (цзинь = 0.5 кг) продовольствия, на семью маломощного середняка — 382, зажиточного середняка — 526, богатых лису — 1100 цзиней. Семьи богатых лису и зажиточных середняков выступали в деревне владельцами сельскохозяйственного инвентаря. Так, в дер. Гуамиди из 57 дворов только 7 имели плуги, причем в некоторых семьях было по 2—3 плуга. Крестьяне платили большие налоги, которые в казну фактически почти не попадали, а шли на обогащение верхушки лису. Используя различные формы преимущественно внеэкономического принуждения, богатеи эксплуатировали основную массу беднейшего крестьянства. Они занимались и ростовщичеством, давая взамен на очень тяжелых условиях (порой из расчета 50—100% годовых!). Все эти примеры свидетельствуют о том, что в общине лису происходило постепенное разорение рядовых общинников, четче обозначился процесс социального расслоения.

Исследователи отмечают у лису наличие элементов патриархального рабства. В хозяйствах богатых лису и зажиточных середняков работали рабы.¹⁵ Они являлись частной собственностью своих владельцев. Их можно было купить или продать, однако нельзя было убить. Раб имел право вступать в брак. Такой семейный раб становился по существу помощником хозяина. Иногда господин выделял своему рабу излишек имевшейся

отпущенин). Они таковы: богатые лису (деревенские старшины, служители культа и т. д.), составлявшие 1% среди всех крестьянских дворов, имели 2% всей пахотной земли; зажиточные середняки (7% всех дворов) — 13%; маломощные середняки (32%) и бедняки (60%) — каждая группа чуть больше 40% всей пахотной земли.

¹⁵ В китайских работах они названы *нулли*.

у него земли, и они вместе трудились на поле, помогая друг другу.¹⁶ Самое большое количество рабов в одной семье — 9 человек. По данным обследования, в дер. Экэло 27 семей имели 59 рабов. Чаще всего в рабов обращали захваченных в плен ну и дулун,¹⁷ но были и купленные у общины сироты из среды самих лису. Видимо, рабство даже как уклад никогда не играло существенной роли в обществе лису. (Специфика патриархального рабства, очевидно, в том и состоит, что оно не является какой-то определенной стадией рабовладельческой формации или даже уклада, а представляет собой одну из форм эксплуатации, степень которой могла быть различной). После революции 1911 г. патриархальное домашнее рабство у лису было законодательно отменено. В 1943 г. выкупили последнюю женщину-рабыню: за нее заплатили 4 буйвола, 2 куса материи, 2 свиньи, 160 чашек вина. Таким образом, к концу первой половины XX в. у лису патриархальное рабство уже не существовало, хотя до этого оно являлось в течение длительного времени одной из форм эксплуатации.

Таким образом, можно говорить о многоукладности общества лису: по форме оно было раннефеодальным, но в нем сохранялись отдельные институты первобытнообщинного строя, патриархального рабства и зачатки капиталистических отношений.

Выше уже отмечалось, что в начале XX в. частная собственность у лису являлась господствующей формой землевладения, но у них сохранялись и различные коллективные формы его, причем в одних районах (например, в Нуцзяне) такие формы были распространены больше, в других (в Дэхуне или Лицзяне) — меньше. Общие земли находились в собственности родственных групп однофамильцев и всей деревни. Сохранение групп родственных семей в некоторых районах уездов Бицзян и Гуншань свидетельствует о частичном существовании у лису в первой половине XX в. общины с переходными чертами от родовой к сельской.¹⁸ Однако значение такой общины к началу

¹⁶ Сборник материалов по географии народов Китая, Пекин, 1959, стр. 133—134 (на кит. яз.).

¹⁷ Дулун и ну — этнографические группы, по материальной и духовной культуре, этнической истории и частично языку близкие к лису. (см. о них: Народы Восточной Азии, стр. 525—530).

¹⁸ Такое положение характерно для периода существования «патриархальной домашней общины» как переходной стадии от архаической общины к сельской (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 63, 139—140). Попутно следует заметить, что этот тип общины в качестве самостоятельного в советской этнографической литературе получил ряд названий: «соседско-большесемейная община» (Ю. В. Мартин. Община и ее типы в Индонезии. М., 1964, стр. 8—9), «семейно-гентильная община» (Ю. И. Семенов. О периодизации первобытной истории. Сов. этногр., 1965, № 5, стр. 91), «семейно-родовая община» (см. статью Н. А. Бутинова в настоящем сборнике, стр. 168—191). Несмотря на многочисленные названия, суть одна: это переходный этап от архаической (родовой) общины к сельской или ранний этап сельской общины.

второй половины XX в. было уже невелико, победила сельская община, хотя в ее собственности оставались некоторые категории земель, среди которых пахотные поля составляли очень малый процент. Такими общинными землями являлись обычно пустующие по склонам гор участки, пригодные для обработки мотыгой.

Каждый член патронимии или деревни мог свободно поднимать поправившуюся ему пустошь, предварительно поставив в известность старейшину. Со стороны последнего возражений обычно не поступало. Каждой семье разрешалось обрабатывать любое количество свободной земли до тех пор, пока она давала удовлетворительные урожаи. В течение всего этого времени семья сохраняла за собой право пользования таким участком, но права собственности на него не получала, т. е. участок не переходил в ее частную собственность. Однако эти земли можно было выкупить у общества за определенную цену, устанавливаемую покупателем согласованно с обществом и старейшиной. Полученные от продажи земли средства распределялись между всеми членами патронимии или общины в зависимости от того, кому прежде принадлежала земля — патронимии или общине в целом. Количество земель, находящихся в коллективной собственности, к концу первой половины XX в. по сравнению с началом века значительно уменьшилось. Китайские ученые отмечали, что отдельные богатые семьи приобрели довольно большие участки пустующих земель в частную собственность, обработку которых они разрешали беднякам, в том числе своим родственникам-однофамильцам, беря с них за это небольшую по размерам сумму. В общей собственности деревни оставались лесные участки, пастбища, где все члены деревни могли беспрепятственно охотиться, выбирать строительный материал, запастись топливом, заниматься собирательством, выпасать скот и т. д.

Коллективной собственности всей деревни или патронимии на пахотную землю, особенно поливную, как правило, не было. Однако существовала групповая форма землевладения, когда несколько выделившихся семей (отдельная семья на языке лису называется *хе*) в течение ряда поколений продолжали сообща обрабатывать участок лучшей по качеству земли. Эти участки доставались им в наследство от их общего предка.

С групповым землевладением связана широко распространенная среди лису форма трудовой взаимопомощи, называемая *билока*.¹⁹ Как свидетельствуют материалы китайских ученых, собранные ими в районе Нуцзяна до 1956 г., билочкой было связано в разных уездах данного района от 50 до 80% всех крестьянских дворов, которые обрабатывали свыше 30% пахотной

---

¹⁹ Эта форма трудовой взаимопомощи имеет многочисленные параллели в этнографии, например *помочи* и *голока* у болгар, *ауренг* у тай Таиланда и т. д.

земли. В дер. Экэло, например, билочка охватила 55% всех дворов (из 275), обрабатывавших 20% пахотной земли этой деревни. Обычно объединялось несколько (от двух-трех до восьми) родственных семей. Поле для совместной обработки составлялось из небольших участков, вносимых как земельный пай при вступлении в билочку. Каждое хозяйство в зависимости от размера принадлежавшей ему (прежде всего пахотной) земли могло объединяться с другими хозяйствами для совместной ее обработки: самые слабые хозяйства входили в одну-две группы, наиболее сильные, как показывают данные обследования в районе Нуцзяна, — в 9 групп.²⁰ Наличие таких традиционных видов организации общества у лису, связанных с сохранением общины и незаконченностью формирования феодальных порядков, относительной изоляцией края и натуральным характером хозяйства, было, с одной стороны, обусловлено уровнем развития общества лису, с другой — тем, что эти формы отвечали интересам большинства населения. В состав группы по совместной обработке земли в середине XX в. входили уже наряду с родственниками и семьи, не находящиеся в родстве и даже различающиеся по этнической принадлежности, например лису и ну.

Распределение урожая было равным. На него не влияли ни размер внесенного пая земли, ни количество отработанных дней. Однако китайские исследователи отмечали учащение к концу первой половины XX в. случаев, когда при распределении продуктов уже учитывались данные факторы. При такой организации зажиточные слои лису частично эксплуатировали беднейшее крестьянство. Это также является еще одним важным свидетельством социального расслоения в общине лису. Очевидно, оно зашло довольно далеко, что косвенно доказывает давность начала данного процесса. Ф. Энгельс, касаясь проблем истории общины, писал: «Там же, где между членами общины возникает более или менее значительное неравенство в распределении, это служит уже признаком начинающегося разложения общины».²¹

Если при билочке не было общего участка, доставшегося в наследство от предков и находившегося в коллективной собственности нескольких родственных семей, то такие участки формировались в результате совместной покупки земли (данная категория составляла 37% от всей обрабатываемой билочкой земли), за счет подъема целинных земель (7.5%), за счет подарков, брачных наделов или участков родственников (3.1%), за счет взятых в долг участков (2.7%). На земли, взятые займы, и поднятые целинные участки право собственности сохранялось за их прежними хозяевами (в первом случае за семьями, отдавшими

---

²⁰ См.: И Цюнь. Краткие сведения о национальных меньшинствах Китая. Пекин, 1958, стр. 105 (на кит. яз.).

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 151.

излишки своей земли, во втором — за общиной или патронимией).

Целинные участки, как правило, обрабатывались подсечно-огневым способом силами нескольких семей. Необходимость, выгодность совместного труда способствовала, таким образом, сохранению билочки.

Вместе с тем у лису каждый выделявшийся член семьи имел право распоряжаться полученным им в наследство участком: он мог его продать на сторону (т. е. в другую деревню) или пришельцу, и тогда в деревне селилась новая семья. Община обычно давала согласие на поселение новых постоянных членов деревни, но испрашивание такого согласия было обязательным, так как, поселившись в деревне, пришелец получал право пользоваться общедеревенскими землями (целиной, пастбищами, лесами и т. д.). Новые владельцы нуждались в установлении различных форм взаимопомощи. Пришельцев в деревне лису в районе Нуцзяна в общем оказывалось немного и противоречий между ними и старожилыми не зафиксировано. В районе Лицзяна, где в деревнях лису жило немало пришлых семей, среди которых были не только лису, но и бай, насн, китайцы, борьба между старожилыми и пришельцами способствовала разложению сельской общины и исчезновению общей земли, ибо старожилы (главным образом их верхушка) сами старались поделить общинную землю между собой, т. е. захватить, закрепить за собой пригодные для обработки богарные земли, лучшие лесные участки, пастбища и т. д.

Богатые семьи лису почти не входили в организации по совместной обработке земли, так как при билочке это требовало их непосредственного участия в сельскохозяйственных работах. Они или нанимали батраков из обедневших общинников, или пользовались другой формой взаимопомощи — *вашуа*.

Вашуа — еще одна форма родственной или соседской взаимопомощи. Очевидно, она была характерна для первобытного общества лису. Всем нуждающимся в дополнительной рабочей силе на период строительства дома, обработки земли и т. д. сородичи предлагали свои услуги. На данный период прекращалась даже вражда. Однако в первой половине XX в. разбогатевшие лису уже с помощью *вашуа* эксплуатировали своих же сородичей или соседей. Будучи владельцами многих земель, они в значительно большей мере нуждались во «взаимопомощи», дававшей даровую рабочую силу. Богатеи платили соседям и сородичам за труд только тем, что кормили их во время работы. Сами же не участвовали в помощи другим семьям, т. е. помощь *вашуа* была односторонней. Неправы те китайские ученые, которые считают, что *вашуа* как форма взаимопомощи проявляется только тогда, когда в семье «есть земля, но нет рабочей силы».²²

²² См.: И Ц ю н в. Краткие сведения. . ., стр. 105.

Недостаток рабочей силы ощущался и маломощными семьями в период строительства дома или сельскохозяйственных работ. Тогда вашуша выступала прежде всего в качестве формы взаимопомощи между рядовыми общинниками. Количество труда здесь не учитывалось. Такого рода помощь оказывалась общинниками (сородичами или соседями) друг другу без специального приглашения или уговора. Все-таки наиболее часто вашуша являлась формой односторонней помощи, когда рядовые общинники подвергались эксплуатации со стороны деревенской или патронимической верхушки. В таком случае вашуша по существу ничем не отличалась от *вафу* — формы найма работников с натуральной оплатой. Распространенные ранее среди общинников лису формы взаимопомощи с равноценным, одинаковым обменом рабочей силы — *вацзю* и *ваба* — в первой половине XX в. настолько видоизменились, что стали по своему содержанию равнозначны найму работников в хозяйстве богатых и зажиточных лису.

Вследствие существования различных форм трудовой взаимопомощи (билока, вашуша и т. д.) отношения найма были в общем развиты довольно слабо. Однако к концу первой половины XX в. тенденция их укрепления стала совершенно очевидной, т. е. в общине лису наблюдалось развитие капиталистических отношений. Выделилась и прослойка, которую по социальному положению можно рассматривать как кулацкую. Так, по данным обследований, в уезде Бицзян существовали хозяйства, где регулярно в течение всего года работали по найму батраки. Например, в дер. Нипулу семья Ху Сы-и (семья состояла из 6 человек: родители, он сам, жена, двое детей), обрабатывавшая всего 74 му земли (около 5 га), нанимала двух работников. В хозяйстве этой семьи были 2 рабочих буйвола, 12 баранов, 8 свиней, 43 курицы и т. д., а также имелся весь необходимый сельскохозяйственный инвентарь.

В первой половине XX в. концентрация земель в руках наиболее состоятельных семей еще не достигла крупных размеров, поэтому эти семьи как бы арендовали землю у беднеющих общинников, а затем закрепляли ее за собой.

Существовали у лису и другие пережиточные обычаи и нормы первобытного общества, функциональная роль которых была значительной вплоть до середины XX в. Так, например, одной из форм традиционной общинной взаимопомощи, восходящей к первобытнообщинному строю, являлась сохранившаяся вплоть до начала второй половины XX в. дача взаимы продуктов питания без обязательной отдачи. Поэтому, как отмечали китайские этнографы, у лису нет понятия о нищих. Делились даже самым последним. Если в хозяйстве резали корову, свинью или барана, то все жители деревни могли получить кусок мяса. Когда же в последние годы первой половины XX в. некоторые зажиточные и богатые лису, имевшие избыток продовольствия,

отказывали своим сородичам и соседям в помощи, то подвергались общественному осуждению.

Прежде существовал также обычай безвозмездно брать займы рабочий скот, и никто не смел отказать просящему. Однако к концу первой половины XX в. практически очень трудно было получить буйвола или быка у состоятельных лису, ибо те едва успевали справиться с работами на своих полях. Только закончив работу у себя, они соглашались дать скот займы, но в это время использовать его уже было поздно: время было упущено. Тем не менее все вышеназванные традиции безусловно связаны с общиной и восходят к первобытности, чем они и интересны для данной темы.

У лису вплоть до последнего времени имелся еще такой обычай: когда умирал один из взрослых людей, вся деревня не работала в течение одного-трех дней, а жители окрестных деревень — один день, так как считалось, что пока покойник не похоронен, работать на поле нельзя, иначе посевы могут погибнуть, а люди — заболеть.

Причина столь длительного сохранения подобного обычая кроется в условиях существования общины, общинных традиций взаимопомощи.

В ряде районов Нуцзяна, где было слабым влияние католицизма, у лису еще сохранялись общие дома. Теперь едва ли возможно выявить первоначальные функции этих домов, однако они совсем недавно являлись одним из факторов, характеризующих взаимоотношения и связь семьи и общины. Специально построенных общих домов было мало. Использовались, как правило, дома, построенные родителями юноши для его будущей семьи. У лису в первой половине XX в. допускалось свободное добрачное половое общение. После работы юноши и девушки собирались в общих домах, где до глубокой ночи, сидя вокруг огня, пели, играли на музыкальных инструментах, рассказывали различные истории. Затем все вместе ложились спать. В этот период еще не было постоянных пар. Вдовы и вдовцы тоже могли участвовать в собраниях, происходивших в общих домах. Браки заключались только между родными братьями и сестрами, а уже между представителями второй степени родства браки разрешались.²³ Единственным условием брака являлось только соответствие в возрасте. Может быть, существование общих домов у лису было связано с тем, что община брала на себя заботы по воспитанию молодежи. В этих домах под руководством стариков молодежь в зависимости от принадлежности к определенному возрастному классу²⁴ обучалась постепенно хозяйственным на-

²³ По другим сведениям, однофамильцы не имели права вступать в брак (Тао Юнь-куй. Лису..., стр. 383).

²⁴ В ряде районов расселения лису, особенно в уездах Бицзян и Гуншань, молодежь называли не по личному имени, а по возрасту, порядку

выкам, познавала традиции общины, предания, своих героев и т. д. Но община через стариков осуществляла надзор за молодежью.

Таким образом, у лису к середине XX в. можно наблюдать значительные традиции сельской общины, изучение которых помогает лучшему, более полному раскрытию картины социально-экономических отношений.

Как свидетельствуют вышеприведенные материалы, общине лису в первой половине XX в. были свойственны следующие основные черты.

1. Общинной собственности на пахотные земли уже не существовало (за исключением частично сохранившихся категорий общих земель у патристических групп или их частей). Основной формой собственности стала частная собственность, однако, несмотря на рост элементов капиталистических отношений, продолжала действовать сельская община как фискально-административная единица, олицетворявшая хозяйственное единство всех жителей деревни.

2. В большинстве случаев община удерживала право собственности на целинные пустующие земли по склонам гор, пригодные для обработки, а также на лесные и пастбищные угодья, реки и т. д.

3. Общинники имели право свободного пользования общинными землями и угодьями для пастбы, охоты, рыболовства и т. д.

4. Во главе общины стоял выборный старейшина, должность которого не была наследственной.

5. В общине действовали различные формы трудовой взаимопомощи (билока, вашуа, вацзю, ваба и т. д.). Вместе с тем начавшееся развитие элементов капиталистических отношений подрывало основы этих общинных институтов: богатая прослойка отказывалась не только от работы в группах взаимопомощи, но и иногда даже от работы на поле вообще; бедная часть крестьянства, порой малоземельная,²⁵ становилась по существу наемной рабочей силой.

рождения в данном поколении. Так, все мужчины одного поколения назывались: $a^1 пго^3$ (старший, первый), $a^1 ды^1$ (второй), $a^1 кхе^3$ (третий), $a^1 це^3$ (четвертый), $a^1 ду^5$ (пятый), $a^6 юо^2$ (шестой), $a^5 ге^5$ (седьмой), $a^5 пхи^3$ (восьмой), $a^5 ци^3$ (девятый); женщины — $a^1 на^3$ (старшая, первая), $a^1 ни^3$ (вторая), $a^1 ча^3$ (третья), $a^1 ду^1$ (четвертая), $a^1 кху^5$ (пятая), $a^1 да^3$ (шестая), $a^1 чи^3$ (седьмая), $a^1 сы^3$ (восьмая), $a^5 се^3$ (девятая). Эти названия одновременно являются и именами [см. подробнее: Общие сведения о грамматике языка лису. Пекин, изд. «Наука», 1959, стр. 27—28 (на кит. яз.)].

²⁵ К концу первой половины XX в. в деревне лису уже были крестьяне, не имевшие пахотной земли (а именно эта земля прежде всего попала в частную собственность). И в этом смысле можно говорить о существовании категории даже безземельных крестьян. Наличие у них порой

6. Члены общины лису также пользовались видами взаимопомощи, восходящими к первобытному обществу: брали займы скот, продовольствие и т. д.

7. Община сохраняла за собой право контроля за продажей земли, за поселением в деревне пришельцев.

В чем причины столь длительного сохранения общинных институтов у лису?

Одна из причин — это неразвитость товарного производства, ибо, как свидетельствует опыт истории, развитое товарное производство быстро разлагает общину. У лису даже в сравнительно экономически развитом Лицзяне еще не выделилась торговая прослойка, специализировавшаяся на привозе товаров со стороны и их сбыте, а также на закупке у членов своей деревни предметов местного производства и вывозе их для перепродажи на стороне. Крестьяне сами организовывали обмен товарами в потребительских целях. Рынок как место обмена и торговли в первой половине XX в. у лису существовал в районе Лицзяна, и происходил процесс формирования его в районе Нуцзяна. Крестьяне сами доставляли на рынок произведенные ими товары (ткани, украшения и т. д.), предметы земледелия, собирательства, охоты и т. д.

Причиной длительного сохранения общины у лису является также то, что она вплоть до начала второй половины XX в. способствовала сплочению своих членов для борьбы против китайского феодального управления, системы сбора налогов, а в некоторых случаях для борьбы против самих феодалов. С другой стороны, наиболее состоятельные слои лису использовали общину, общинные связи для подавления классовой борьбы через родство, соседство. Таким образом, община являлась именно той формой, которая дала «угнетенному классу, крестьянам, даже в условиях жесточайших крепостнических порядков средневековья, локальную сплоченность и средства сопротивления, чего в готовом виде не могли найти ни античные рабы, ни современная пролетария».²⁶

Религиозной жизнью общины руководили *нипа* и *нигуна*.²⁷ Они совершали общие жертвоприношения, в том числе духу деревни. Расходы, связанные с организацией такого рода традиционных празднеств, относились за счет общины. *Нипа* и *нигуна* были также хранителями исторических преданий и родословных патронимических хроник. Все это обеспечивало им высокий авторитет, неизменный почет и уважение в обществе, давало право принимать активное участие и при решении самых различ-

---

небольших участков богарной земли, поднятой на горных склонах, находящихся в общинной собственности, не меняло их положения.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 155.

²⁷ О религии у лису см.: Народы Восточной Азии, стр. 563; Тао Юнь-ку и Я. Лису района Билосюэшань, стр. 393—398.

ных, даже не связанных с религиозной жизнью дел общины. Следует заметить, что порожденный многоукладностью общества лису религиозный синкретизм, сам по себе прежде всего связанный с сохранением общины, оказывал обратное влияние на социальную структуру общества лису — способствовал сохранению у них общинных традиций.

Уровень развития производительных сил в обществе лису был таков, что общинные традиции вновь и вновь самовоспроизводились; без этого в сложных природных условиях лису не смогли бы вести свое хозяйство, обрабатывать склоны гор, орошать их, поднимать целинные земли и т. д. Поэтому даже когда из деревни выделялась на свободные земли группа семей, родственных или неродственных, по организационной и социально-экономической структуре их поселение представляло собой сельскую общину. В этом, пожалуй, заключается самая основная причина сохранения общины у лису вплоть до начала второй половины XX в.

Вместе с тем обложение местными властями общинников налогами и требование вносить их деньгами способствовали росту товарно-денежных отношений у лису. Строительство дорог общегосударственного значения в свою очередь также приводило к разрушению натурального хозяйства и стимулировало как классовое расслоение, так и разложение общины. Именно такой процесс имел в виду Ф. Энгельс, когда отмечал, что «товарная форма и деньги проникают во внутрисельскохозяйственную жизнь общин ... они рвут общинные связи одну за другой и разлагают общину на множество частных производителей».²⁸

---

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 323.

К вопросу о социально-экономическом строе ляншаньской группы народности и

Современная наука о человеческом обществе по существу никогда не испытывала недостатка в «живом материале», даже в тех случаях, когда предметом ее изучения являлись наиболее архаичные социальные формы. До недавнего времени еще вполне можно было «в полевых условиях» исследовать разновидности феодального строя, а иногда и первобытной общины. И лишь рабовладение оставалось недоступной для «изучения на месте» формой.

Так считалось по крайней мере чуть ли не до середины 50-х годов — именно в эти годы стало известно, что китайские исследователи провели большую работу по изучению общественного строя народности и (самоназвание *носу*) в Сычуани и на основе полученных данных с уверенностью утверждают, что современная наука натолкнулась на общество, в котором рабовладение является не пережитком, не второстепенным исчезающим укладом, а существом социально-экономических отношений.

Следует отметить, что ляншаньская группа составляет лишь часть сравнительно крупной народности и, общая численность которой примерно 3.2 млн человек. Районы расселения и расположены между западной окраиной Юньнань-Гуйчжоуского плато и юго-восточной границы Цинхай-Тибетского нагорья. Большая часть этой народности — около 1.9 млн человек — живет в провинции Юньнань, свыше 1 млн — в провинции Сычуань, около 330 тыс. — в провинции Гуйчжоу, примерно 4 тыс. — в Гуанси-Чжуанском автономном районе.¹

Большинство и расселено попеременно с другими национальностями. Компактные массивы искомого населения имеются в районах Чусюна, Айлаошань и Хунхэ в Юньнани, а также в округе Вэйнин в Гуйчжоу и в округе Сичан в Сычуани. Самый крупный район расселения этой народности расположен на юго-западе Сычуани — Ляншаньский автономный округ народности и.

---

¹ Хун Шоу. Национальность и. Миньцзу туаньцзе, 1962, № 10, стр. 46.

По данным на 1958 г., площадь округа равнялась 35 тыс. км². Округ разделен на 14 уездов, из которых 11 западных по традиции объединены общим названием Даляншань. Остальные 3 уезда имеют название Сяоляншань. Такая группировка уездов определяется их местоположением: округ занимает два горных района — Большой Ляншань (Даляншань) и Малый Ляншань (Сяоляншань). Кроме того, округ делится на центральный и внешний (пограничный) районы. К центральному району относятся большая часть территории уездов Лэйбо, Мабянь, Эшань, Сяло, Юэси, Сидэ, Пугэ, а также целиком уезды Мэйгу, Пусюи, Чжаоцзюэ, Хунси, Буто, Цзиньян, Ваган. Внешний район образован частью территорий первых семи уездов, которые примыкают к местности с ханьским населением и сами имеют смешанное иско-ханьское население. В отличие от внешнего центральный район, по крайней мере до освобождения, был населен почти исключительно представителями народности и.

Население Ляншаньского округа, по данным на март 1958 г., составляло 960 тыс. человек, в том числе около 690 тыс. падало на долю народности и, что равно 21.5% общей численности этой народности. Ханьцев в округе насчитывалось в то время примерно 260 тыс.² В 1960 г., очевидно, были произведены изменения в административном делении округа (вместо 14 осталось 12 уездов), и часть его территории вошла в другие административные единицы (площадь округа сократилась до 30 тыс. с лишним км²). В связи с этим произошли изменения в численности и национальном составе населения: общая численность его сократилась примерно до 830 тыс. человек, среди которых 640 тыс. — представители народности и, а остальные 190 тыс. — ханьцы.³ Данные за несколько более ранний период показывают пную пропорцию между национальностями Ляншаньского округа. В 1956 г. соотношение национальностей в округе было 630 тыс. к 100 тыс.⁴ Приведенные цифры свидетельствуют о быстром росте численности ханьцев в округе во второй половине 50-х годов, что было вызвано подготовкой и проведением социально-экономических преобразований. Вполне очевидно, что этот рост имел место в течение всех первых лет после установления народной власти в Китае. До освобождения же ханьцы, видимо, составляли в пределах округа в целом незначительное меньшинство населения.

Народность и в своем подавляющем большинстве накануне освобождения находилась примерно на той же стадии социально-

---

² Ся Кан-нун, Чэн Сянь-минь, Лю Янь, Ло Юнь-да. Социальный строй ляншаньских и в Сычуани накануне демократических преобразований. Миньцзу яньцзю, 1958, № 1, стр. 18.

³ Хунци, 1960, № 4, стр. 28.

⁴ Ху Цин-цзюнь. Рабовладельческая система ляншаньских и. Цзяосюэ юй яньцзю, 1956, № 8—9, стр. 14.

экономического развития, что и ханьцы в районах ее расселения. Феодално-помещичья экономика была господствующей формой во многих исских районах. Исключения составляли районы Ляншаня и отчасти Сичанского округа в Сычуани.⁵ Исторические условия социального развития народности и в конце концов привели здесь к возникновению общества, своеобразные черты которого и послужили поводом к дискуссии о его истинном характере.

Интерес к изучению общественного строя ляншаньских и возник в Китае еще в 30-х годах. Во время антияпонской войны (1937—1945 гг.) сравнительно широкие этнографические исследования были проведены Чэндуским университетом. В журнале «Бяньвэньлун» появился ряд статей о ляншаньских и. Наиболее обстоятельными и богатыми по материалу работами этого периода были монографии Линь Яо-хуа и Цэн Чжао-луня о Даляньшане.⁶ Однако и в них характеру общественных отношений ляншаньских и было уделено недостаточно внимания, о чем, в частности, неоднократно говорил впоследствии Линь Яо-хуа. Это было вполне естественно, поскольку до 50-х годов китайские исследователи еще не располагали достаточно полным и доброкачественным описанием ляншаньского общества. В течение 1950—1956 гг. в результате систематической и кропотливой работы специальных научных экспедиций в Китае был накоплен богатейший материал, в деталях характеризующий социально-экономический строй ляншаньских и.

Не следует думать, что форсирование работы по сбору материала на месте, с тем чтобы успеть как можно полнее и точнее описать общество, сохранявшее свой архаический характер на протяжении многих веков, было простым делом. Достаточно сказать, что еще в 1948—1949 гг. ляншаньские и совершали набеги на соседние районы и угоняли в горы сотни и тысячи людей, чтобы превратить их в рабов. Нет оснований считать, что после 1950 г. подобные набеги прекратились полностью, поскольку в течение ряда лет народная власть не вносила каких-либо существенных изменений в ляншаньское общество.

Публикация новых данных вызвала среди китайских ученых оживленную дискуссию о действительном характере социально-экономических отношений у ляншаньских и накануне демократических преобразований. Эти преобразования, проводившиеся на основе концепции, согласно которой ляншаньские и находились на стадии рабовладельческого общества, были завершены в течение 1956—1958 гг. И дискуссия уже продолжалась в основном вне связи с практическими задачами. Она не окончена и попытке.

---

⁵ Хун Шоу. Национальность и, стр. 46.

⁶ Линь Яо-хуа. Ляншаньские ицзя. Шанхай, 1947; Цэн Чжао-лу нь. Описание района расселения и в Даляньшане. Куньмин, 1945.

В ходе дискуссии выявились по крайней мере три различные точки зрения. Большинство считает ляншаньское общество рабовладельческим или в основном рабовладельческим. Это мнение особенно активно отстаивает Ху Цин-цзюнь, опубликовавший по данной проблеме несколько обширных статей,⁷ а также участники сычуаньской группы по изучению социальной истории национальных меньшинств при Комиссии по делам национальностей Всекитайского собрания народных представителей. Группа занималась обследованием Ляншаня в течение октября 1956—марта 1957 г., т. е. в самый разгар демократических преобразований в данном районе. На основе составленного ею сводного доклада о результатах обследования была написана и опубликована в начале 1958 г. пространная статья, содержащая сравнительно подробное описание Ляншаньского общества.⁸

Взгляд на это общество как на рабовладельческое разделяют также Лян Шань,⁹ Чэн Кэ-вэй,¹⁰ Ма Чан-шоу,¹¹ Линь Йо-хуа.¹²

Некоторые из участников дискуссии считают ляншаньское общество раннефеодальным или феодально-крепостническим.¹³ Меньше всего сторонников привлекла оценка этого общества

---

⁷ Ху Цин-цзюнь. 1) Рабовладельческая система..., стр. 14—26; 2) Еще раз о рабовладельческой системе ляншаньских и Цзяосюэ юй яньцзю, 1957, № 1, стр. 1—11; № 2, стр. 1—7; 3) Обзор исследований характера общества ляншаньских и перед освобождением. Лиши яньцзю, 1963, № 2, стр. 135—152.

⁸ Ся Кан-нун и др. Социальный строй..., стр. 14—38.

⁹ Лян Шань. Дискутирую с гг. Ши Сю-линем и Чэнь Цзи-юанем по вопросу о социально-экономическом строе ляншаньских и накануне демократических преобразований. Миньцзю яньцзю, 1960, № 6, стр. 20—31.

¹⁰ Чэн Кэ-вэй. К вопросу о классовой сущности ацзя в обществе ляншаньских и накануне демократических преобразований. Миньцзю яньцзю, 1960, № 6, стр. 32—40.

¹¹ Ма Чан-шоу, выступая 21 марта 1957 г. на совещании ученых, составленном Комиссией по делам национальностей Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) для обсуждения доклада сычуаньской группы, обследовавшей Ляншань, сказал, что внутренний район Ляншаньского округа до преобразований был рабовладельческим, а внешний феодальным (Гуанмин жибао, 5 апреля 1957 г.).

¹² Линь Йо-хуа подтвердил свою точку зрения на ляншаньское общество как на рабовладельческое на том же совещании. Он сказал, что если рассматривать ляншаньское общество с точки зрения количества рабов и арендных отношений, то оно покажется феодальным, но если его рассматривать всесторонне, то рабовладельческих элементов будет больше (Гуанмин жибао, 5 апреля 1957 г.).

¹³ Цзян Ин-лян. Историческое развитие общества ляншаньских и Юньнань дасюэ сюэбао, 1958, № 1; см. также статью Чжан Фэна в № 3 того же издания; отчет о выступлении Чжан Ин-да на уже упомянутом совещании по обсуждению доклада сычуаньской группы, обследовавшей Ляншань (Гуанмин жибао, 5 апреля 1957 г.); статью Шу Ши-чэна «О характере общества ляншаньских и перед освобождением» (Синь цзяньшэ, 1961, № 6, стр. 18—28). Последний считает ляншаньское общество вступившим в стадию разложения феодально-крепостнического строя.

как общества, находящегося на какой-то стадии перехода от рабовладения к феодализму.¹⁴

подавляющее большинство участников дискуссии в разное время побывало в различных районах Ляншаньского округа. Опираясь в основном на одни и те же фактические данные, упомянутые исследователи пришли к весьма различным выводам. Как отмечал Ху Цин-цзюнь, «основными причинами разногласий являются неодинаковые точки зрения по некоторым теоретическим вопросам рабовладельческого и феодального общества, а также отчасти различия в оценке некоторых условий Ляншаньского района».¹⁵

В ходе дискуссии о ляншаньском обществе по существу столкнулись те же самые два подхода к рабовладельческому строю, которые имеют место и в советской исторической науке. Судя по всему, большинство участников дискуссии придерживается точки зрения, развитой в работах академика А. И. Тюменева, согласно которой пути развития рабовладельческих обществ различны, формы рабства многообразны, рабство в странах античного Средиземноморья является конкретным проявлением рабовладельческой формации в конкретных исторических условиях. В 1957 г. А. А. Тюменев писал: «Исходя из признания рабства единственно в формах эксплуатации труда военнопленных и покупных рабов, а также из того факта, что эти формы достигли наиболее полного развития только в античном Средиземноморье и были значительно слабее выражены в странах Востока, некоторые историки рассматривают эти страны как раннерабовладельческие, не достигшие ступени развития античного рабовладельческого общества, через которую они будто бы должны были пройти, прежде чем у них возникли феодально-крепостнические отношения . . . Различие общественного строя и исторических судеб восточных и античных рабовладельческих обществ отнюдь не сводится к стадияльному различию. Это прежде всего различие самих путей развития. Следует при этом оговорить, что и древневосточные страны также развивались неодинаково».¹⁶

Советские ученые впервые узнали о том, что в Китае считают реальным существование рабовладельческого общества в современном мире весной 1956 г. на Всесоюзном этнографическом совещании в Ленинграде из выступления проф. Линь Яо-хуа, рассказавшего о работе китайских этнографов. В его докладе была дана характеристика ляншаньского общества как

---

¹⁴ Ши Сю-линь, Чэн Цзи-юань. О характере общества ляншаньских и накануне демократических преобразований. Миньцзу яньцзю, 1959, № 9, стр. 25—36.

¹⁵ Ху Цин-цзюнь. Обзор исследований. . . , стр. 135.

¹⁶ А. И. Тюменев. Передний Восток и античность. Вопр. ист., 1957, № 6, стр. 51.

рабовладельческого.¹⁷ Тогда такая характеристика вызвала серьезные сомнения. Однако для обстоятельного обсуждения вопроса участники совещания не располагали сколько-нибудь значительными материалами об этом обществе.

На русском языке о народе и, а тем более о его ляншаньской группе, написано крайне мало. Даже в солидном труде А. Ивановского, представляющем собой сводку материалов о народах Юго-Западного Китая из китайских источников до середины XVIII в., невозможно почерпнуть каких-либо существенных данных о ляншаньских и.¹⁸ Если не считать пересказа одной из работ А. Лежандра и некоторых других западных авторов, выполненного П. В. Шкуркиным и опубликованного в «Вестнике Азии»,¹⁹ то, очевидно, вплоть до 1960 г., до выхода в свет перевода книги А. Уиннингтона, работавшего в течение ряда лет в Китае в качестве корреспондента «Дейли Уоркер», на русском языке не появилось ни одной специальной работы о народности и.²⁰ Ляншаньской же группе, точнее о ее социальном строе, в советской литературе, насколько известно авторам данного обзора, до сих пор нет ни одной работы.²¹

Однако упоминания об этой группе народности и как о группе со специфическими чертами в нашей литературе все же встречаются. В экономгеографическом очерке А. Бобровской «Провинция Юньнань» сказано следующее: «На далеком северо-западе Юньнани, в горах Даляньшань ... имеются селения носу, которые до сих пор почти независимы от китайских властей. Сохранившие феодальный строй, особенно в некоторых районах, носу делятся на строго замкнутые касты».²² Работа А. Бобровской относится к 1939 г. Но и к началу 50-х годов наши представления о социальном строе ляншаньских и в сущности не расширились, о чем свидетельствуют данные об этой национальности, содержащиеся в соответствующих томах Большой Советской Энциклопедии. В этнографической части статьи «Китай» о социально-экономических отношениях, господствовавших у и до демократических преобразований, сказано следующее: «Сохраняют пережитки родоплеменных подразделений и значительные пережитки феодальных отношений».²³ В специальной статье о носу (и) говорится:

¹⁷ Сокращенный вариант доклада опубликован: Сов. этногр., 1956, № 3, стр. 79—91.

¹⁸ А. Ивановский. Материалы для истории инородцев Юго-Западного Китая (губерний Юнь-нань, Гуй-чжоу, Сы-чуань, отчасти Ху-гуань), т. I, чч. 1, 2. СПб., 1887.

¹⁹ П. В. Шкуркин. Лоло. Старое и новое об инородцах Юго-Западного Китая. Вестн. Азии, Харбин, 1913, № 16—17; 1915, № 34.

²⁰ А. Уиннингтон. Рабы Прохладных гор. М., 1960.

²¹ Мы не говорим о первой сводке об ицзу, написанной Р. Ф. Итсом (Народы Восточной Азии. М.—Л., 1965, стр. 531—551).

²² Мировое хозяйство и мировая политика, 1939, № 10, стр. 165.

²³ БСЭ, т. 21, 1953, стр. 178.

«До установления в Китае народно-демократического строя среди Н[осу] господствовали феодальные отношения».²⁴ Таким образом, в обеих статьях даже нет упоминания о том, что существовало какое-либо различие в социально-экономических отношениях у разных территориальных групп народности и.

Таинственный «Носулэнд», как называли район расселения и в Сычуани западные авторы, в течение десятилетий привлекал внимание французских и английских резидентов в Юго-Западном Китае. Некоторые из них в своих работах утверждали, что им удалось побывать «в сердце» этой загадочной страны.²⁵ Однако, судя по их отчетам, в действительности они путешествовали лишь по окраинам «заповедной» территории. Как отмечал в 1946 г. проф. Линь Яо-хуа, Ляншань (или «Носулэнд») географически не очень точное понятие. Сам он определял его площадь в 60 тыс. миль² и указывал следующие координаты: от Лэйбо в Сычуани до Чжаосюэ в Сикапе; северный предел района — Эбянь, южный — р. Цзиньша (верхнее течение Янцзы).²⁶ Площадь же Ляншаньского автономного округа равна примерно 30 тыс. км², причем только часть ее имеет сравнительно компактное иское большинство.

Очевидно, в глубинных селениях и на Ляншане никто из западных миссионеров, путешественников и исследователей, в том числе и А. Уиннингтон, не был.²⁷ Характерно, что, прочитав перед поездкой в Ляншань немало работ о носу, Уиннингтон «смутно представлял себе, где они, собственно, живут». Это объясняется, видимо, характером литературы, по преимуществу западной, которую штудировал автор. А о ней он пишет следующее: «На основании одних только местных слухов уже написано, главным образом миссионерами, множество ученых книг о жизни и нравах „лоло“, которых авторы и в глаза не видели».²⁸

Проникновению иностранцев в Ляншаньские горы препятствовали не только сами носу, но и местные китайские власти, опасавшиеся использования иностранцами для политических

---

²⁴ Там же, т. 30, 1954, стр. 194.

²⁵ A. F. Legend er. Far West Chinois. Rases aborigines. Le Lolos. Toung-pao, 2 ser., v. 10, 1909; S. P o l l a r d. In unknown China. London, 1921.

²⁶ Lin Yueh-hwa. Kinship system of Lolo, Harv. Journ. of Asiat. stud., v. 9, 1946, № 2, p. 81.

²⁷ По прибытии в г. Нинлан Уиннингтон был убежден, что «это и было сердце района носу». «Мне говорили, — пишет он, — что я первый некитаец, добравшийся сюда» (А. Уиннингтон. Рабы..., стр. 54). Последнее не вызывает больших сомнений, но на счет «сердца» он ошибся, так же как и многие его предшественники: Нинлан является центральным городом Нинланского автономного уезда национальности и в Юньнани, тогда как наиболее интересный район Ляншаня находится в Сычуани.

²⁸ А. Уиннингтон. Рабы..., стр. 32, 34.

интриг фактически независимых от них горцев. Вероятно, уже как традиция, а не практически важная мера предосторожности, отрицательное отношение властей к поездкам иностранцев в Дяньшань и многие другие национальные районы сохранилось и после 1949 г.²⁹

Хотя западная синология так и не смогла проникнуть в тайну ляншаньского общества, тем не менее уже в работе Лежандра, например, отмечалось, что в некоторых иских селениях существуют две касты: «черные и», «белые и». При этом последние разделяются «на подкасты, которые все, в сущности, представляются рабскими, но разных степеней». На основании им самим увиденного и узнанного у местных миссионеров Лежандр выделял у ляншаньских и уже три касты (или правильной — сословия): черные и, белые и, рабы. В целом он так характеризовал общественный строй народности и в районах, где ему удалось побывать: «Тот порядок, который царствует между родами, весьма напоминает наш старинный феодальный строй».³⁰ Таким образом, Лежандр подметил существенное различие в социальной структуре иских селений даже в пределах сравнительно небольшой долины, по которой он путешествовал и которая расположена во внешнем районе Ляншаня.

С полным основанием можно констатировать, что западная литература, не говоря уже об отечественной, содержит крайне мало данных для изучения социального строя ляншаньских и. Мировая наука лишь к середине 50-х годов получила достаточно полное описание ляншаньского общества исключительно благодаря усилиям китайских ученых.

Большое научное значение этого описания несомненно. Длительная дискуссия о характере ляншаньского общества, твердая убежденность большинства участников дискуссии в том, что оно является рабовладельческим не могут не привлечь внимания исследователей, занимавшихся проблемами рабовладельческой формации, к тщательно выполненному описанию еще совсем недавно «живого» рабства у ляншаньских и. Вместе с накопленными исторической наукой данными о древних рабовладельческих обществах материалы о ляншаньском рабовладении могут в известной мере способствовать решению сложных и спорных проблем восточного рабства. Примерно такую оценку научному значению этих материалов в свое время дал Го Мо-жо, который первым попытался сопоставлять некоторые аспекты рабовладельческих отношений в ляншаньском обществе и древнем государстве Чжоу.³¹

²⁹ Уиннингтон отмечает, что организация поездки в районы, населенные народностью и, встретила определенное противодействие, и она могла не состояться, если бы не помощь местного отделения агентства «Синьхуа» и одного из влиятельных работников юньнаньского комитета КПК. (А. Уиннингтон. Рабы..., стр. 38).

³⁰ Цит. по: П. В. Шкуркин. Лоло, стр. 87.

³¹ Го Мо-жо. Эпоха рабовладельческого строя. М., 1956.

Настоящая работа имеет целью сделать для широкого круга советских историков доступными материалы о социальном строе ляншаньских и, накопленные китайскими учеными, но еще не вошедшие в научный оборот.

В основу предлагаемого читателю обзора положены данные сычуаньской группы по изучению социального строя ляншаньских и, а также сведения, почерпнутые из статей Ху Цин-цзюня, который в 1950—1952 гг. дважды побывал в Ляншане и в общей сложности на протяжении полугода занимался изучением характера социальных отношений в этом районе, сбором фактического материала. Кроме того, поддерживал тесную связь с сычуаньской исследовательской группой, получая от нее дополнительные сведения.³² Разумеется, в обзоре использованы также материалы из других работ китайских авторов, так или иначе дополняющие описание ляншаньского общества, содержащееся в упомянутых основных статьях.

Естественноисторическая обстановка, определившая развитие общества

Наиболее существенными моментами в развитии ляншаньского общества, на наш взгляд, являются влияния естественногеографической среды и система взаимоотношений исцев с ханьцами, т. е. степень влияния китайского феодального общества на развитие производительных сил в Ляншане, на процесс формирования социально-экономического строя местной группы народности и.

Естественногеографическая среда в той или иной мере накладывает отпечаток на общество, находящиеся на самых различных ступенях исторического развития. Ее влияние на ранние формы обществ особенно велико. Если говорить о географической среде Ляншаня, то она несомненно сдерживала экономическое и, следовательно, социальное развитие народности и.

Ляншаньский округ — высокогорный район. В среднем он поднят над ур. м. более чем на 2 тыс. м. Высота Далянских гор достигает 4 тыс. м. Южные отроги этих гор несколько ниже северных. Речные долины здесь узкие и расположены на высоте 1200—2400 м. Малый Ляншань менее возвышен, но склоны его гор крутые и обрывистые. Речные долины расположены на высоте 600—1400 м.

В целом по округу 95% обрабатываемых площадей расположено на горных склонах и лишь 5% на небольших равнинных участках речных долин. Причем такие долины имеются лишь в узлах Лэйбо и Мабянь, относящихся к внешнему поясу Ляншаня. В них преобладают черноземные и наносные почвы.

³² Ху Цин-цзюнь. Еще раз..., стр. 1.

В остальных местах почвенный слой тонок и отличается низким содержанием важнейших питательных веществ.

Среднегодовая температура в Ляншане составляет $+11^{\circ}\text{C}$. Наивысшая температура $+36$, низшая -14° . Морозы держатся в течение 3—5 месяцев. Среднегодовое количество осадков не превышает 900—1000 мм, в течение года они распределяются неравномерно.³³

Сравнительно беден Ляншань рыболовными и охотничьими угодьями, а также и возможностями для развития скотоводства.

Таким образом, природные условия Ляншаня не были благоприятны для развития производительных сил.

С другой стороны, географическая среда ограничивала связь Ляншаня с соседними районами и влияние извне. Горы служили надежным укрытием для ляншаньцев, позволяли им на протяжении веков отстаивать свою фактическую независимость от китайских властей. Императорские правительства примерно с XIII в. предпринимали многократные попытки подчинить ляншаньских горцев, но безуспешно.³⁴ Постепенно в примыкающих к Ляншаню районах была создана полоса застав и пикетов. В начале XVIII в. только на территории четырех внешних уездов округа имелось 138 караулов и 57 постов; здесь была сосредоточена десятитысячная армия; ежегодные расходы казны на оборону от «варваров» составляли 300 тыс. лян, что равнялось половине суммы прямых налогов, собираемых в провинции Сычуань в последний период правления династии Цин.³⁵ К началу XX в. ханьские колонисты построили вдоль южной окраины Ляншаня тысячи башен-крепостей, в которых они укрывались от набегов горцев. Английский миссионер С. Поллард, побывавший в тех местах в середине 10-х годов XX в., сообщает, что видел тысячи таких башен. «Тайна белых башен — страх перед племенами, живущими почти независимо в больших горах севернее Янцзы. Номинально они подвластны центральному правительству Китая, но фактически пользуются полным самоуправлением».³⁶

Такое положение сохранилось в Ляншане и при гоминьдановцах. «У вас большие армии, у нас высокие горы и дремучие леса», — так ляншаньцы объясняют, почему им удавалось долгое время малыми силами отбивать нашествия правительственных войск, поддерживать изолированность своего края. Конечно, эта изолированность не могла быть абсолютной: осуществлялся обмен товарами с ханьцами, пленные ханьцы также вносили в жизнь Ляншаня элементы своего производственного опыта. Однако

³³ Ся Кан-нун и др. Социальный строй. . . , стр. 18. Материалы обзора, не оговоренные специальными ссылками, взяты из данной работы.

³⁴ Ху Цин-цзюнь. Рабовладельческая система. . . , стр. 14.

³⁵ Оу Чао-цюань. Система тусы у народности и в Далашане и Сюэляншане в Сычуани. Цзяосюэ юй яньцзю, 1958, № 3, стр. 50.

³⁶ S. P o l l a r d. In unknown China, pp. 41, 42.

в основном, по мнению, например, Ху Цин-цзюня, ляншаньцы избежали серьезного влияния китайской феодальной системы, и их общество развивалось независимо на основе взаимодействия почти исключительно внутренних природных и социальных факторов.³⁷

Китайские авторы разошлись в оценке степени изолированности Ляншаня и влияния ханьцев на развитие социального строя местных и. В частности, Шу Ши-чэн решительно настаивает на необходимости при исследовании социальной истории всех народов Китая исходить из невозможности их изоляции от влияния ханьского народа, поскольку Китай с древних времен — единое государство, а ханьцы наиболее развитый, ведущий народ страны.³⁸ В подтверждение подобного взгляда Шу Ши-чэн приводит факты влияния ханьцев на некоторые народности Китая, но по ляншаньским и никаким конкретным данным не указывает. Автор высоко оценивает в этой связи роль системы *тусы*,³⁹ а также политики *гай ту гуй люй*, проводившейся при династиях Мин и Цин, а также в годы правления гоминьдановцев. Смысл этой политики состоял в ликвидации института местных правителей — тусы, — существовавшего в ряде национальных районов, и в распространении по всему Китаю единообразной, принятой в местах с ханьским населением административной системы.

В районе Ляншаня институт тусы начал вводиться еще при юаньской династии, но он никогда не охватывал всех местных и, а при гоминьдановцах совсем исчез.⁴⁰ Начав в 20-х годах XVIII в. борьбу за включение Ляншаня в единую административную систему страны, императоры цинской династии так и не смогли сделать этого. Политика *гай ту гуй люй*, осуществлявшаяся с помощью военной силы и сопровождавшаяся усилением экономического гнета, мерами по ассимиляции иского населения, встретила решительный отпор ляншаньцев. В захваченных районах для и были введены китайские фамилии. Это, например, сделали в 1811 г. в некоторых селениях внешнего уезда Эшань, что вы-

³⁷ Ху Цин-цзюнь. Рабовладельческая система..., стр. 14.

³⁸ Шу Ши-чэн. Характер общества ляншаньских и перед освобождением. Сянь цзяньшэ, 1964, № 6, стр. 18.

³⁹ Корни тусы уходят в глубь веков, ко временам династий Цинь и Хань (III в. до н. э.—III в. н. э.). Наиболее полно и широко эта система как средство подчинения некитайских народов страны применялась при императорах династий Мин и Цин, которые раздавали чиновничьи звания (от 2-й до 9-й степени) вождям племен в зависимости от их силы и влияния. Получаемое право на управление той или иной территорией было наследственным. В качестве правителя — тусы — иногда назначались ханьцы, но по мере смены поколений они утрачивали свою первоначальную национальную принадлежность [Цзя Хун. К вопросу о системе тусы в период феодальных династий Мин и Цин и политике «гай ту гуй люй». Сычуань дасюэ бао. Шэхуй кюсюэ, 1956, № 2(3), Чэнду, стр. 61].

⁴⁰ Оу Чао-цзюань. Система тусы..., стр. 51.

звало массовое бегство жителей в независимые районы Ляншаня.⁴¹

Судя по этим данным, политика гай ту гуй люй не дала каких-либо заметных результатов в смысле усиления влияния ханьской феодальной системы на ляншаньское общество, особенно в центральном районе Ляншаньского округа. Стремление обособиться, изолироваться от извечных притеснителей — ханьцев — для ляншаньских и было естественной реакцией. Благодаря специфическим природногеографическим условиям они смогли добиться.

Вообще говоря, такое положение не является исключением. При капитализме с его единым мировым рынком в ряде стран и районов земного шара длительное время почти в неизменном виде существовали различные архаичные формы общества. Более того, в самом Китае, где феодально-крепостническая система исчезла много веков назад, в крайних районах феодалы-крепостники благоденствовали до середины 50-х годов, а в Тибете — до 1960 г. При этом следует отметить, что Тибет, например, на протяжении 50 лет испытывал прямое воздействие со стороны капиталистического хозяйства и на протяжении почти 40 лет — влияние социалистической экономической и политической системы. Тем не менее накануне демократических преобразований, начавшихся после мятежа феодалов в марте 1959 г., тибетское общество было охарактеризовано китайскими исследователями как феодально-крепостническое. Дискуссии на этот счет среди китайских ученых не возникли.

Очевидно, не опасаясь впасть в ошибку, можно принять за бесспорный факт чрезвычайно длительную и значительную изолированность ляншаньского общества, а также то, что экономические связи с ханьцами не оказали сколько-нибудь заметного влияния на ход развития социальной организации ляншаньцев в центральном районе округа. Во внешнем районе это влияние было заметным и его никто не оспаривает.

Состояние экономики ляншаньского общества

В дискуссии о характере ляншаньского общества одним из спорных вопросов является вопрос об уровне развития производительных сил, хотя материалы обследований Ляншаня несомненно позволяют составить достаточно определенное представление о степени развития экономики округа в середине 50-х годов.

Главным занятием ляншаньцев являлось земледелие. Постоянно обрабатываемая площадь в округе составляла на весну 1957 г. 2.51 млн му ($1/15$ га). На душу населения приходилось

---

⁴¹ Там же.

примерно 2.8 му. Это на 0.6 му больше средней душевой нормы посевной площади по всему Китаю в том же году. Повторные посевы в округе не практиковались, пары занимали от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ обрабатываемой площади сухоходных земель. Средняя урожайность различных культур в 1956 г. составляла 102 цзиня, или 51 кг, с одного му. Урожайность же важнейшей в округе культуры — гречихи — не превышала 50—90 цзиней с му. Ху Цин-цзюнь в целом для зерновых культур указывает среднюю урожайность в 30—50 цзиней с му.⁴² Ляншаньцы выращивают, помимо гречихи, овес, рис, ячмень, пшеницу, горох, кукурузу, картофель. Наиболее распространены гречиха, овес, картофель. Среднедушевое производство зерновых в округе несколько превышало 50 кг.⁴³ (В целом по Китаю в 1957 г. оно составляло 285 кг). Естественно, что в Ляншане ощущался огромный недостаток продовольственного и фуражного зерна. Тем не менее на растениеводство приходилось в среднем по округу более 90% валовой продукции сельского хозяйства. Сельскохозяйственные орудия и агротехнические приемы, применявшиеся ляншаньцами, были весьма примитивны. Хотя железные мотыги, наконечники для сох, лопаты повсеместно встречались в Ляншане, однако количество их было весьма невелико. Преобладали деревянные орудия труда. Поля под посев вспахивали и бороновали один раз. Глубина вспашки не превышала 10—13 см. Удобрения, хотя и применялись, но основным методом восстановления плодородия почвы было оставление полей на отдых сроком от 3 до 7 лет. Семена высевались несортированными. Орошение полей и террасирование горных склонов применялись лишь в отдельных местностях внешнего района.⁴⁴

Частые ливни и засухи резко снижали и без того низкую урожайность сельскохозяйственных культур в Ляншане.

Скотоводство для ляншаньцев было второстепенным занятием. Оно в среднем давало около 10% валового дохода от сельского хозяйства. Лишь в некоторых волостях этот процент поднимался до 30.

В округе разводят крупный рогатый скот, овец, свиней, лошадей. В среднем на каждые два хозяйства приходится одна корова, на одного жителя — одна овца. Эпизоотии, бескормица,

⁴² Ху Цин-цзюнь. Обзор исследований..., стр. 135.

⁴³ Там же, стр. 136.

⁴⁴ В Риме во II в. до н. э. на рабовладельческих плантациях господствовала трехпольная система хозяйства с интенсивным удобрением, посевами кормовых трав, стойловым содержанием скота и значительным развитием животноводства. Однако римская система пахоты была такова, что требовала большой затраты труда — применялась трех-четырёхкратная вспашка, а иногда поле обрабатывалось 8—9 раз, что было связано в значительной мере с особенностями почвы (А. И. Нейсхизн. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956, стр. 25).

пападение хищников на стада наносят огромный ущерб скотоводству. Пагубно отражаются на данной отрасли хозяйства обряды, связанные с массовым забоем скота.

Ремесла в Ляншане составляли часть крестьянского труда, причем им уделялось незначительное годовое время. Так, в волости Чаннань уезда Чжаосюэ только 11 жителей из 2141 более или менее систематически занимались ремеслами. Но даже наиболее важное ремесло — кузнечное — отнимало только 1—2 месяца. Крестьяне сами изготовляли для себя примитивные орудия труда. Четкой специализации между ними не существовало: серебряных дел мастер одновременно был и медником, кузнец изготовлял предметы из дерева и камня. Сырье (железо, медь, серебро) получали из ханьских районов.⁴⁵

Торговля у ляншаньцев не выделилась в самостоятельное занятие. Так, в двух волостях наиболее подверженного влиянию ханьцев уезда Лэйбо торговля составляла дополнительное занятие для троих из каждой тысячи жителей национальности и. В центральном районе Ляншаня отсутствовали какие-либо торговые центры. Во внешнем районе имелось 40 постоянных мест для торговли, где горцы обменивали продукты своего производства — зерно, скот, шкуры, лекарственные травы — на товары, поступавшие из ханьских районов — ткани, иглы, железные орудия труда, соль, вино. Хотя ляншаньцы применяли при обмене серебро, однако преобладали прямые продуктообменные сделки.

О степени развития экономики Ляншаня свидетельствуют и данные, относящиеся к периоду после 1949 г. Несмотря на то что государство выдавало значительные ссуды местному населению, хорошо платило за работу по транспортировке грузов, выплачивало зарплату горцам на дорожностроительных работах, общие размеры закупок в Ляншане на душу населения в год составляли, например в 1955—1956 гг., 7 юаней. Превышение общей стоимости закупок над общей стоимостью проданных товаров по 7 уездам центрального района в 1955 г. составляло 12,8%, в 1956 г. — 5,1%. Иначе говоря, население района не располагало ни товарными излишками, ни сколько-нибудь значительными накоплениями. С другой стороны, это свидетельствует также

---

⁴⁵ В некоторых районах Ляншаня использовалась самородная медь, ляншаньцам была известна техника выплавки олова, кое-где разрабатывались поверхностные залежи угля. Но в целом, по мнению Ху Цин-цзюня, горное дело и металлургия у ляншаньских и практически отсутствовали. Даже построенные в свое время ханьцами горнорудные предприятия (медные рудники) в уезде Чжаосюэ после захвата их ляншаньцами быстро захирели. Ткачеством занимались исключительно женщины, техника ткачества была крайне примитивной и производство тканей являлось очень трудоемким делом. (Ху Цин-цзюнь. Рабовладельческая система..., стр. 18).

о безраздельном господстве натурального хозяйства в ляншаньском обществе.

Рассредоточенность населения и хозяйств в Ляншане была весьма велика. Семья-двор — основная производственная единица. До середины 50-х годов здесь отсутствовали более или менее крупные населенные пункты. Городов вообще не имелось.

По существу все участники дискуссии признают, что уровень развития производительных сил в Ляншане был значительно ниже, чем у ханьцев в соседних районах. Спор идет лишь о том, соответствовал он рабовладению или феодализму. Шу Ши-чэн, которого Ху Цин-цзюнь, кстати, упрекает в стремлении переоценить действительный уровень развития экономики Ляншаня, ссылается на то, что во Франции XI в., когда там сложился феодально-крепостнический строй, урожаем зерновых сам-5—6 считался нормальным и что это было шагом вперед по сравнению с периодом Римской империи. Между тем в Ляншане урожаем суходолья сам-10.⁴⁶ (Следует отметить, что посевы риса в Ляншане были невелики. Основная культура — гречиха — давала урожаи сам-3—8).⁴⁷

Дело, конечно, не в урожайности отдельных культур. На заливных землях в древневосточных рабовладельческих странах она была значительно выше, чем, скажем, в феодальной Франции. Наиболее существенно то, что вся совокупность черт экономики Ляншаня, и прежде всего отсутствие второго и третьего крупного общественного разделения труда, свидетельствует о крайне низком уровне развития производительных сил ляншаньского общества. (Вместе с тем даже для сравнительно развитых рабовладельческих обществ, не говоря уже о феодальных, характерны самостоятельное, отдельное от сельского хозяйства существование промышленности, оживленная внутренняя и внешняя торговля и соответственно наличие центров торговли и ремесленного производства).

История знает, однако, немало случаев перехода от первобытнообщинного строя и неразвитых рабовладельческих обществ к феодализму. Иначе говоря, примерно одинаковый низкий уровень производительных сил может лежать в основе разных направлений общественного развития, что связано с наличием существенных общих черт у рабовладения и феодализма и особенностями конкретно исторической обстановки, в которой происходит это развитие. В данной связи для раскрытия тенденции социального развития ляншаньцев целесообразно остановиться на основных этапах зарождения и развития у них классового общества.

⁴⁶ Шу Ши-чэн. Характер общества..., стр. 23.

⁴⁷ Ху Цин-цзюнь. Обзор исследований..., стр. 136.

В VII—IX вв. н. э. в Ляншане и соседних с ним районах были расселены две группы племен — *у мань* и *бай мань*. Первые занимались скотоводством, вторые — земледелием. В рабовладельческом государстве Напъчжао, возникшем на территории современной провинции Юньнань в VIII в. н. э., племена бай мань и у мань составляли значительную долю населения.⁴⁹ Первые на протяжении длительного времени ассимилировали значительное число ханьцев.⁵⁰ Уровень социального развития этих племен в различных районах был неодинаков. У части племен у мань в то время почти полностью сохранялись первобытные отношения.⁵¹ Наиболее отсталыми среди у мань были ляншаньские племена *лю лу* — «черные олени». В VII—IX вв. «черные олени» подчинили племя *бай и*, являвшееся частью народа бай мань.

Участники дискуссии единодушны в том, что черные и — аристократия дореформенного Ляншаня — являются потомками именно «черных оленей», а белые и — зависимое население дореформенного Ляншаня — потомками людей из племени бай и.

Патриархальные формы рабства у лю лу, очевидно, существовали еще до покорения ими племени бай и. У последних же рабство к этому времени уже имело более развитые формы. Однако процесс формирования рабовладельческих отношений в Ляншане в широких масштабах связан именно с подчинением «черными оленями» белых и. Внутренняя классовая дифференциация у племени лю лу в связи с покорением земледельцев бай и постепенно прекращается, и «черные олени» превращаются в единое привилегированное сословие. Вероятнее всего все бай и оказались в коллективной собственности племени лю лу. Это, однако, не исключало частной собственности на рабов, тем более, что и до этого отдельные семьи и среди «черных оленей», и среди бай и имели какое-то количество домашних рабов.

⁴⁸ Вопросам истории ляншаньского общества из участников дискуссии наибольшее внимание уделили Цзян Ин-лян, Ху Цин-цзюнь и Шу Ши-чэн, причем последний основной упор сделал на раскрытие условий, по его мнению, способствовавших длительному преобразующему влиянию ханьской феодальной системы на ляншаньское общество. В частности, как уже отмечалось, он особенно подчеркивает эффективность политики гай ту гуй луй, которая на деле не покончила все-таки с изоляцией по крайней мере центрального района Ляншаня.

К сожалению, авторы данного обзора не имели возможности ознакомиться с работой Цзян Ин-ляна (Историческое развитие...). Поэтому в основу раздела положены материалы статей Ху Цин-цзюня. Данные, взятые из работ других авторов, оговариваются соответствующими ссылками.

⁴⁹ Х у н Ш о у. Национальность и, стр. 46.

⁵⁰ Ц з я н И н - л я н. Историческое развитие..., цит. по: Синь цзяньшэ, 1961, № 6, стр. 20.

⁵¹ Там же.

Подчинение более развитого земледельческого народа способствовало определенному подъему производительных сил в районах, контролируемых племенем лю лю, и дальнейшему развитию классовых отношений на основе племенного деления. В течение нескольких последующих веков сфера господства рабовладельцев из племени «черных оленей» значительно расширилась. С X по XIV в. они хозяйничали в большинстве равнинных районов Сичанского округа, в Юэси — западнее нынешнего Ляншаня, а также в уездах Лэйбо, Мабянь, Эшань. Вплоть до середины XVII в. рабовладельческая система у народности и, помимо Ляншаня, сохранялась в северо-западной части Юньнани, на северо-западе Гуйчжоу.⁵²

С XIV в. территория расселения народности и в целом начинает сужаться. Иские рабовладельцы были вытеснены с многих плодородных земель, которыми они могли распоряжаться и на которых сами могли хозяйствовать. К концу XVIII в. только центральный район Ляншаня не был покорен цинскими войсками. Именно сюда бежали и из мест, где эффективно проводилась политика гай ту гуй люй. Загнанные в сравнительно небольшой район с суровыми природно-климатическими условиями довольно малочисленные местные и постепенно вернулись к скотоводству как основному занятию. Сравнительно удобные долины по окраинам центрального района Ляншаня в течение середины XVII—конца XVIII в. оставались необработанными из-за опасения внезапных налетов императорских войск. Горное земледелие развивалось у них с большим трудом и медленно, оно требовало и специальных навыков и много сил. В середине XVIII в. в Ляншане применялся лишь первобытный подсеčno-переложный способ земледелия.

Несмотря на то что ляншаньские и были плотно блокированы правительственными войсками и ханьскими переселенцами, они и в этот период продолжали совершать набеги на ханьские и другие селения с целью захвата пленных и превращения их в рабов. Тем не менее, по неполным данным, население Ляншаня в начале XIX в. было весьма малочисленно и составляло всего лишь около 10 тыс. человек. Но в 1838 г. оно увеличилось до 40—50 тыс., а в 1910 г. — до 200—300 тыс.

В дальнейшем рост населения был еще более стремительным, и к середине 50-х годов численность его достигла примерно 630 тыс. человек. Несомненно, важнейшей причиной этого был постоянный приток людей извне, прежде всего за счет пленных ханьцев и представителей других национальностей. Так, в 1919 г.,

---

⁵² По утверждению Хун Шоу, уже с XIV в. во всех иских районах, кроме Ляншаня, начался переход к феодально-крепостнической системе, а с XVII в. в результате окончательного подчинения этих районов императорскими войсками — к феодально-помещичьей системе, характерной для собственно ханьских районов (Хун Шоу. Национальность и, стр. 46).

ляншаньцы захватили и увезли в горы более 10 тыс. жителей из уездов Лэйбо, Мабянь, Эбянь и др. Показательно, что среди 630 тыс. ляншаньских и около 50—60 тыс. рабов оказалось еще не ассимилированными ханьцами.

Где-то в начале XIX в. в Ляншане, особенно в районе Сяоляншаня, стало развиваться макосеяние. В 1941 г. в данном районе не оставалось полей, не засянных опиумным маком. Только уезд Мабянь в 1937 г. дал 3 млн лян (около 111 т) опиума. Частично уезд был освоен ханьскими переселенцами. Приток средств от продажи опиума позволил ляншаньцам закупать в значительных количествах огнестрельное оружие.⁵³ К середине 50-х годов у населения округа имелось 50—60 тыс. винтовок и ружей. Подобное обстоятельство привело к значительному укреплению власти ляншаньской аристократии, к расширению подчиненной ей территории. За последние 100 лет до 50-х годов XX в. ляншаньцы вернули часть ранее потерянных земель. С 1906 по 1926 г. они уничтожили несколько десятков мелких поселков в районе Сицана. Местные хроники прилегающих к Ляншаню уездов отмечают факт расширения контролируемой ляншаньцами территории. По данным за 1943 г., в уезде Лэйбо управляемая гоминьдановскими властями территория сократилась на $\frac{9}{10}$, в уезде Мабянь — на $\frac{4}{5}$, в уезде Эбянь — на $\frac{3}{4}$.

Таким образом, после длительного периода деградации производительных сил, вызванного потерей наиболее удобных для земледелия территорий и резким сокращением численности населения, Ляншань на протяжении примерно 100 лет до образования КНР переживал экономический подъем. Но ввиду значительной изоляции ляншаньцев от соседних народов этот подъем происходил крайне медленно. Как явствует из предыдущего раздела, по сравнению с соседними ханьскими районами и даже теми областями Китая, где господствовала феодально-крепостническая система, производительные силы Ляншаня оставались малоразвитыми, примитивными.

Сословная и классовая структура⁵⁴

Ляншаньское общество имело сравнительно простую сословную структуру. Высшую, привилегированную группу населения составляли так называемые черные и (носу). Все осталь-

⁵³ Кроме Ху Цин-цзюня и Шу Ши-чэна, никто из участников дискуссии, в том числе и сычуаньская группа, не упоминает о развитии посевов опиумного мака в Ляншане. Ху Цин-цзюнь, приведя материалы об этом в статье «Рабовладельческая система ляншаньских и», в последующих работах тоже обходит этот вопрос. Шу Ши-чэн упоминает об опиумном макосеянии бегло, как о примере торгово-бюрократического предпринимательства (Шу Ши-чэн. Характер общества..., стр. 21).

⁵⁴ См. также: Р. Ф. Итс. 1) К проблеме соотношения классов и государства. М., 1964; 2) Ицзу. Народы Восточной Азии, стр. 536—541.

ное население, носившее общее название белых и, являлось зависимым сословием, которое в свою очередь делилось на прослойки, отличавшиеся друг от друга по степени личной зависимости от черных и. Таких прослоек было три: *цуйно*, *ацзя*, *сяси*.⁵⁵ Самую низшую, совершенно бесправную часть населения Ляншаня составляли сяси.

Если между прослойками белых и пролегалли труднопроходимые границы, то между черными и белыми лежала совершенно непреодолимая пропасть. Сяси имел возможность превратиться в ацзя, а этот последний или его потомки — в цюйно. Попасть же в сословие черных никто из белых и не мог никогда, ни при каких обстоятельствах. Браки заключались лишь в пределах сословных групп. Черные и соблюдали этот порядок в отношении самих себя с предельной строгостью. Весьма ревниво относились к нему и цюйно, но у них все же допускались исключения.

Сведения о численности сословных групп, собираемые китайскими исследователями, несколько различаются. Например, сычуаньская группа определяет численность черных и в 7%, цюйно — 55%, ацзя — 30%, сяси — 8%.⁵⁶ А в наиболее поздней работе Ху Цин-цзюня даны такие цифры: черные и составляют 7%, цюйно — 50%, ацзя — 33%, сяси — 10%.⁵⁷

Китайские авторы отмечают большие порайонные различия в относительной численности сословных групп. Так, сычуаньская группа, приведя общие данные по округу, указывает, что в обследованных ею районах в среднем имелось черных и приблизительно 7%, цюйно — 46%, ацзя — 38%, сяси — 9%. Особенно велики различия в соотношении сословий между центральным и внешним районами. Например, в волости Лалигоу уезда Лэйбо (внешний район) черные и составляли 0.9%, цюйно — 87%, ацзя — 5%, сяси — около 7%. В уезде Пусюн в волости Вацзиму черные и составляли 10.8%, сяси — 15%, в волости Вацьюйцой того же уезда цюйно составляли лишь 13%, ацзя — 68%.

В целом для всего округа характерно положение: чем больше в данной местности черных и, тем больше ацзя и соответственно меньше цюйно. Значение ацзя для ляншаньской аристократии выражено в пословице: «Цюйно — тело черных и, ацзя — сердце черных и».

⁵⁵ Большинство китайских авторов делит ляншаньское общество на 4 сословия (черные и, цюйно, ацзя, сяси). Приведенная выше структура имеется у Ху Цин-цзюня (Рабовладельческая система..., стр. 19). По моему мнению, вариант Ху Цин-цзюня более четко отражает определенную общность положения низших прослоек в сословной системе Ляншаня.

Следует отметить, что в работах китайских авторов употребляется неодинаковая транскрипция сословных наименований, например, цюйно—цойло—цуйхо—цзихо, ацзя—аньцзя—вацзя. Наряду с транскрипцией иских сословных наименований даются их китайские переводы, например, *сяси* — «гоцжуан вацза».

⁵⁶ Ся Кап-пун и др. Социальный строй..., стр. 20, 21.

⁵⁷ Ху Цин-цзюнь. Обзор исследований..., стр. 138.

Сословное деление у ляншаньцев начало складываться еще в VII—VIII вв. В дальнейшем, видимо, происходило дробление белых и на сословные прослойки. В древнейших сказаниях народности и ацзя, например, не упоминаются. Говорится лишь о черных и белых и.⁵⁸ Что касается сяси, то эта группа является наиболее древней. Она ведет свое начало от домашних рабов, имевшихся и у «черных оленей», и у белых и еще до подчинения последних первыми.⁵⁹

Сословная система в том виде, в каком она сохранилась в Ляншане до демократических преобразований, обеспечивала разным группам населения резко различные права и общественное положение.

Черные И — по-иски *носу* или просто *но*, что в переводе означает: *но* — «черная кость», *су* — «человек, люди». Отсюда и самое распространенное самоназвание и — *носу*, которое ниже будет употреблено для обозначения данного сословия. Важной характеристикой этого сословия является принадлежность к определенному *цоси* — родовой по происхождению организации.⁶⁰ *Носу* считают себя потомками легендарных братьев Гухоу и Цюйпе в сороковом поколении.⁶¹

⁵⁸ Чэнь Кэ-вэй. К вопросу. . . , стр. 32.

⁵⁹ Ху Цин-цзюнь. Рабовладельческая система. . . , стр. 16.

⁶⁰ О *цоси* и его роли в ляншаньском обществе см. специальный раздел данного обзора.

⁶¹ «По одной из легенд *носу*, все знатные люди имели общего предка по имени Лагудиор, жившего около тридцати поколений назад; у этого первого аристократа было четыре сына. Один из них, по имени Ваджа, имел жену сомнительного происхождения, и поэтому род раскололся, образовав побочную ветвь — род лаху. Члены трех других родов — буйю, ломхм и зеку — до последнего времени отказывались вступать в брак с членами родов ваджа и лаху. Таким образом, возможно, что на какой-то стадии истории *носу* легенда имела реальное основание» (А. Уиннингтон. Рабы. . . , стр. 55). В столь конкретной форме история происхождения *носу* для основных групп Ляншаня китайскими исследователями не зафиксирована. Вполне вероятно, что она носит местный характер, поскольку генеалогия родов от Гухоу и Цюйпе достаточно четко прослежена вплоть до сегодняшнего дня [см., помимо уже указанного сочинения сычуаньской группы, также специальные публикации полевых материалов Комиссии по делам национальностей ВСНП: 1) Обзор некоторых сторон общества и Ляншаня (в дальнейшем: Общество и). Пекин, 1957; 2) Некоторые аспекты истории общества и Ляншаня (в дальнейшем: История общества и). Пекин, 1957]. Причем китайские исследователи не приводят материалов, свидетельствующих об отсутствии браков между потомками обоих предков. Возможно, в легенде, записанной в Сяоляншане, освещаются события, объясняющие наличие двух подразделений внутри высшего сословия *носу*. Эти две группы известны как *нобо* и *ноди*. *Нобо* являются «чистокровными (хорошими) *носу*», буквальный смысл термина: «люди крепкой кости»; *ноди* — это «нечистые (порочные) *носу*», буквальный смысл термина: «люди слабой кости». Как говорится в предании, из-за того что «среди людей крепкой кости» некоторые смешали свою кровь с угнетенными сословиями, возникли различия между *нобо* и *ноди*, и теперь браки между ними невозможны. *Нобо*, занимающие в экономическом отношении положение ниже *ноди*, в общественном отношении остаются выше их. *Ноди* среди

Принадлежность к этому сословию уже сама по себе (независимо от имущественного состояния) обеспечивала человеку самое высокое общественное положение. Даже совершенно обедневший носу стоял несравненно выше самого зажиточного цюйно.⁶²

Носу обладали полным или частичным правом собственности на представителей всех сословных групп белых и, которых они рассматривали как своих *вацза*. Этим термином одинаково обозначались и сравнительно свободные цюйно, и совершенно бесправные сяси. Такое обстоятельство следует особенно подчеркнуть, ибо оно лишний раз указывает на определенную общность положения всех низших сословных групп ляншаньского общества, несмотря на довольно значительную разницу в их правах и имущественном состоянии. С другой стороны, термин «вацза» в более узком смысле обозначает ацзя и сяси, принадлежащих зажиточным цюйно. Как сами цюйно (вместе с другими сословными группами) являются вацза для носу, так ацзя и сяси являются вацза для своего хозяина цюйно. Точно также и сяси, которыми владели ацзя, являлись для последних вацза. (О многоступенчатости социальной зависимости в ляншаньском обществе более подробно будет сказано в дальнейшем).

Носу, за небольшим исключением, никаким производственным трудом не занимались. Мужчины с раннего детства готовили себя к ратному делу. Надменность, презрение к другим сословиям и национальностям, воинственность составляли наиболее яркие черты душевного склада носу, сложившиеся под влиянием социальных и исторических обстоятельств.

Женщины из сословия носу в основном вели праздный образ жизни. Они лишь в какой-то мере присматривали за домашними рабами.

всех носу Ляншаня составляют $\frac{1}{3}$. Среди цоси черных и только один цоси (Гоцзи) состоит целиком из лиц нобо, и имеется пять цоси полностью из лиц ноци. В остальных цоси налицо и нобо, и ноци. «Там где в одном цоси и нобо, и ноци, хотя в общественном положении есть различия, однако все они несут равные обязанности (в выполнении повинностей, участии в кровной мести) по отношению к цоси» (Общество и, стр. 13). Видимо, замечают китайские исследователи, различия между нобо и ноци в обществе служили поводом кровной мести между ними. Помимо нобо и ноци, среди черных и существовало еще подразделение — *ноби*. Так называли тех носу, которые допустили нарушение кастовой эндогамии в недалеком прошлом, смешавшись с угнетенными сословиями (отличие от ноци чисто временное: ноци нарушили эндогамию в отдаленном прошлом). Ноби или «гилыми носу» (китайцы называли их еще «людьми желтой кости») становились дети от связи мужчины носу с женщиной из белых и. Хотя ноби сами считали себя принадлежащими к сословию черных и, ни черные, ни белые и не считали их таковыми. Ноби занимали в сложной системе кровных отношений промежуточное положение между носу и подчиненным им сословием.

⁶² Однако богатые носу с пренебрежением относились к обедневшим и тем более вынужденным заниматься физическим трудом носу (Ху Ци п - ц з ю п ь. Рабовладельческая система..., стр. 19).

Цюйно — термин имеет двойное значение: «опирающийся на хозяина (носу)» и «белокостные, выпешдые из рабской зависимости». ⁶³ Это самая многочисленная и относительно свободная сословная группа белых и. Каждый цюйно номинально принадлежал какому-либо цоси носу и одновременно находился в личной непосредственной зависимости от одного из членов цоси. Зависимость эта выражалась в праве хозяина требовать от цюйно выполнения барщины, в праве передать или проиграть цюйно члену того же цоси черных и. Цюйно мог довольно свободно передвигаться и селиться в пределах территории, принадлежавшей цоси своего непосредственного хозяина. Если в силу каких-либо обстоятельств цюйно проживал на территории другого цоси, то он должен был установить с одним из местных носу соответствующие отношения, стать так называемым номинально доверившимся вацза. При этом он по-прежнему оставался зависимым от своего старого хозяина. Если цюйно не находился под защитой какого-либо носу, если он должен был, но не установил отношений «номинально доверившегося вацза», если он пытался бежать в пределы другого цоси, если он не уплатил долг хозяину, то такого цюйно могли превратить в ацзя или даже сяси. За оскорбление, избиение носу или любовные связи с женщинами из сословия носу цюйно обычно расплачивался жизнью. Если кто-либо убил цюйно, то $\frac{1}{3}$ платы за кровь получал его хозяин, а остальное семья.

Черный и не имел в принципе права продать, убить или избить цюйно. Дело в том, что, если пострадавший цюйно был членом сильного собственного цоси, носу мог за нарушение обычая поплатиться. При наличии сильного собственного цоси цюйно мог не согласиться на передачу его другому хозяину, особенно в тех случаях, когда это могло причинить хозяйству цюйно ущерб.

---

⁶³ Происхождение сословия цюйно пока неясно. Бесспорным, однако, является, что какая-то часть цоси, входящих в это сословие, имеет предков, выкупивших личную свободу. Но вряд ли такой путь был единственным и широко распространенным (выкуп исчислялся большой суммой серебром). Другие цоси, так называемые независимые белые и — потомки служилых людей в аппарате цинских наместников — тусы. (Общество и, стр. 15). Возможно, что часть цоси относилась к сословию цюйно из-за того, что их предками были носу, вступившие в брак с женщинами низших каст (Лян Шань. Дискутирую..., стр. 24). Цоси сословия цюйно насчитывают уже 30 поколений. И хотя их происхождение, как и всех белых и, в своей основе этнонациональное (т. е. из пленников китайцев, мяо или тай), еще недавно различались две основные категории внутри низших сословий — вацза «корня собственно и» и вацза «китайского корня» (Ши Сю-линь и Чэнь Цзи-юань. О характере общества..., стр. 31). Причем вацза «китайского корня» не имели своей родовой организации типа цоси и могли быть в подчинении у цюйно, а вацза «корня собственно и» обладали такой организацией, и ими не могли распоряжаться цюйно. Очевидно, что сами цюйно, создававшие цоси, хотя в прошлом и принадлежали к китайской или иной неисконной народности, с течением времени утратили свою этническую принадлежность и стали считаться вацза «корня собственно и».

В целом сословная группа цюйно не испытывала такого произвола со стороны носу, как ацзя и сяси.⁶⁴

Цюйно составляли главную опору черных и в борьбе с враждебными кланами и правительственными войсками. Именно из них формировались вооруженные отряды носу, на них ложились основные тяготы военных расходов.

Общее сравнительно высокое положение сословия цюйно, однако, не исключало того, что личная зависимость некоторой части его от черных и была столь же большой, как и зависимость ацзя. Это относится главным образом к тем цюйно, которые не имели собственного сильного цоси.

Ацзя — «люди, находящиеся в хозяйском доме и вне его». Представители этой группы являлись полной собственностью своих хозяев, которыми могли быть носу, цюйно и даже зажиточные ацзя. Хозяин имел право продать, подарить ацзя, как угодно наказать и убить его. Компенсацию за убитого третьим лицом ацзя полностью получал хозяин. (Однако в отношении ацзя из группы *мэнчжу*,⁶⁵ создававших собственные цоси, право хозяина распоряжаться их жизнью было ограничено; хозяин не мог по своему желанию продать такого ацзя. Ацзя мэнчжу владели только черные и). Обычные ацзя не могли свободно передвигаться и селиться в пределах территории, принадлежащей тому или иному цоси носу. Они селились поблизости от хозяйского дома, находясь под его постоянным надзором. В брак ацзя вступали по разрешению и выбору хозяина. Дети ацзя считались хозяйской собственностью. Если родители не доглядели за ребенком и он погиб, то хозяин мог потребовать от них возмещения «убытка».⁶⁶

---

⁶⁴ В этой связи важно следующее замечание относительно прав цюйно на своих детей. Эндогамия сословия у цюйно не была столь строгой, как у носу, что могло объясняться заинтересованностью ляншаньской аристократии в ее нарушении по нисходящей линии. Так, если юпоша цюйно вступал в брак с девушкой из следующего за цюйно сословия, то родившийся мальчик причислялся к сословию цюйно, девочка — к сословию матери, но отец мог выкупить у хозяина — носу — свою жену, и дети тогда принадлежали к сословию цюйно. Если в брак с женщиной из низшего сословия вступила женщина цюйно, то к сословию цюйно относилась только старшая дочь, а все остальные дети — к сословию отца (Общество и, стр. 7).

⁶⁵ *Мэн* означает «мать, женщипа», *чжу* — «принесенные с собой». Происхождение этого термина таково: девушку носу, выданную замуж, сопровождали слуги (в качестве приданного), после женитьбы они становились ацзя (Общество и, стр. 29). Кроме этой группы, у некоторых ацзя было еще одно специфическое название — *шо*, что означало «лишний китаец», их еще называли «голочерными». Это были лица, не имевшие своей родовой организации, по происхождению из пленных китайцев, принадлежавших к самому низшему сословию (Общество и, стр. 29). Шо мог стать цюйно только через несколько поколений.

⁶⁶ В волости Шэгочжуан уезда Пусян у одного ацзя малолетняя дочь упала в костер и умерла от ожогов. Отец вынужден был заплатить за это хозяину 50 лян серебра (лян = 37.2 г).

Хозяин имел право всех детей ацзя превратить в своих домашних рабов — сяси. Однако он пользовался этим правом в зависимости от потребности в сяси и других обстоятельств.

Сословная группа ацзя пополнялась за счет детей самих ацзя, а также за счет сяси, которых хозяин женил и повышал до положения ацзя. Кроме того, в эту группу по самым различным причинам попадали цюйно.⁶⁷

Подняться до положения цюйно ацзя было весьма трудно. Разбогатевшему семейству ацзя требовалась для этого жизнь не одного поколения. Даже после перехода в более высокую сословную группу «высечке» не скоро забывали его прошлое. Очевидно, в связи с трудностями вживания ацзя в сословную группу цюйно в некоторых районах Ляншаня появились ацзя типа цюйно.⁶⁸

Сяси — «руки и ноги цоси хозяина». Представителями этой группы населения Ляншаня могли владеть все остальные сословия. Как правило, сяси — это одинокие рабы, которых преимущественно используют на работах в хозяйском подворье, но нередко они занимались и основным производительным трудом в сельском хозяйстве. И одиночки, и семейные сяси жили при доме хозяина.⁶⁹ Браки между сяси регулировал хозяин. Этим он преследовал по крайней мере две цели: во-первых, обеспечивал воспроизводство рабов, во-вторых, создавал дополнительные трудности для побега сяси, ибо семейному рабу тяжелее «пуститься в бега», чем одиночке.

Некоторые из семейных сяси, смириением добившиеся расположения хозяина, переводились им в ацзя. Таким образом, граница между двумя последними сословными подразделениями ляншаньского общества была сравнительно легко преодолима. Более того, группа ацзя служила главным источником для формирования слоя домашних рабов. В отличие от таких источников пополнения последней группы, как похищение людей за пределами Ляншаня или обращение в рабство цюйно за долги и на других основаниях, сословная прослойка ацзя поставляла домашних рабов регулярно и в количествах, которые в тот или иной момент требовались носу, а также другим рабовладельцам.

В Ляншане сложилась своеобразная многоступенчатая система социальной зависимости. Она достаточно отчетливо отражена в приводимой ниже таблице.

⁶⁷ Чэнь Кэ-вэй. К вопросу... , стр. 32.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Цзи Си-чэп (Скачок и Ляншаня. Пекин, 1958, стр. 35) называет их просто «домашними рабами». Он же сообщает, что рабы сяси были в возрасте от 7—8 до 40—50 лет. По таксе на рынке продажи рабов (а такие существовали в Ляншане) стоимость взрослого сяси не превышала стоимости лошади или быка. За молодого и сильного раба или рабыню платили от 50 до 100 лян серебра, за пожилого раба только 20—30 лян.

носу, что обеспечивало последним довольно значительную социальную опору в своем народе.

В целом сословная система создавала специфическую многоступенчатую социальную зависимость в ляншаньском обществе. Получалась нередко такая картина: сяси имел своим хозяином, который распоряжался им как вещью, зажиточного ацзя; этот последний в свою очередь являлся собственностью богатого цюйно, тоже находящегося в зависимости от какого-либо носу. Наслаиваясь на классовую структуру, сословная система чрезвычайно затрудняет определение классовой сущности отдельных сословных групп. И не случайно, что в этом вопросе так резко разошлись мнения китайских ученых.

Наиболее острые споры среди них вызвал вопрос о классовой сущности ацзя. Действительно, уже одно признание ацзя рабами или крепостными делает вполне определенным характер всего ляншаньского общества. Вместе с цюйно ацзя составляли примерно 83—85% ляншаньских и, а вместе с сяси они образовывали группу, равную примерно 40—41% общей численности ляншанцев. Если ацзя — рабы, то 40—41% рабов — это уже само по себе неопровержимое свидетельство того, что ляншаньское общество оставалось рабовладельческим.

Для определения классовой сущности отдельных сословий необходимо остановиться также на их отношении к собственности на средства производства. Учитывая характер экономики Ляншаня, наиболее важно в этой связи положение с собственностью сословий на землю.

В целом по округу 67—70% пахотной земли и большая часть других средств производства находилась в руках носу. Среди них наиболее богатые имели в подчинении и собственности свыше 1000 семей вацза и более 8 тыс. му обрабатываемой земли.⁷⁰ В среднем на одну семью в этом сословии приходилось повсеместно значительно больше земли, чем на двор в других сословиях. В центральном районе носу имели пашни на семью в 2.6—6.8 раза больше условного среднедворового надела. Во внешнем районе у них было земли на семью в 15.2—32 раза больше такого надела. У цюйно в центральном районе средний надел примерно совпадал со среднедворовым, а во внешнем был несколько меньше. У ацзя почти повсюду средний надел был примерно наполовину меньше среднедворового.⁷¹ По данным обследования ряда волостей и поселков в уездах Пусюн, Чжаосюэ, Лэйбо, на каждую семью носу в среднем приходилось по 46.3 му пахотной земли, или в 4.8 раза больше, чем на семью цюйно, в 6.6 раза больше, чем на семью ацзя.⁷²

⁷⁰ Ху Цин-цзюнь. Обзор исследований..., стр. 144.

⁷¹ Лян Шань. Дискутирую..., стр. 23.

⁷² Ши Сю-лин, Чэнь Цзи-юань. О характере общества..., стр. 28. Эти данные, если учесть низкую урожайность культуры в Ляншане,

В Ляншане имела место тенденция к расширению земельной собственности у сословия носу. Экономической основой этой тенденции являлась существовавшая здесь издавна купля-продажа земли. Концентрации земли в руках данного сословия способствовало и то обстоятельство, что по обычаю носу забирали себе имущество бежавших или умерших цюйно и ацзя. Так, в волости Вацзиму уезда Пусюн прирезки пахотной земли за счет этого источника составляли 75% поливных и 37,8% суходольных полей, принадлежавших носу. В принципе последние могли под тем или иным предлогом отобрать землю у любого из своих цюйно, не говоря уже об ацзя.

Право частной собственности на землю для носу ограничивалось лишь запрещением продавать ее членам иных цоси, особенно враждебных, а также передавать ее по наследству другим лицам, кроме ближайших родственников. Иначе говоря, известные ограничения на частную собственность отдельной семьи носу налагались в интересах всего цоси, в который она входила, а также в интересах всего сословия носу в целом.

Право цюйно на землю во многих районах Ляншаня по существу сводилось лишь к владению ею. В некоторых местах цюйно не мог продавать землю, хотя ему позволялось закладывать ее, в других он мог продать свой участок, но не полностью. Там, где это разрешалось, цюйно мог продать свою землю только с согласия хозяина, которому принадлежало право первому ее приобрести. В случае отказа хозяина от этого права землю необходимо было предложить членам хозяйского цоси, а потом уже другим лицам. По данным Ху Цин-цзюня, за согласие на продажу земли третьему лицу цюйно обязан был сделать хозяину подношение в размере $\frac{1}{10}$ цены земли.⁷³

Вопрос о том, когда и как первоначально цюйно получили свою землю, пока остается неясным. Но в последний период перед демократическими преобразованиями основным источником являлась купля ее у других собственников. Купля-продажа земли практиковалась между носу, между цюйно, между носу и цюйно. Однако между цоси носу она абсолютно исключалась.⁷⁴

Судя по материалам обследований различных районов Ляншаня, цюйно были обязаны отрабатывать какое-то время в течение года на хозяина. В местах, где носу были сильны, такие отработки оказывались весьма значительными. В волости Чэннань уезда Чжаосюэ они занимали от 8 до 180 дней, а в волости Лалигоу уезда Лэйбо отработки заменялись оброком в виде 3—5 цзи-

---

а также то, что земледелие было основной отраслью хозяйства, свидетельствуют о весьма ограниченных возможностях для возникновения резкого различия в имущественном положении по крайней мере высших сословных групп.

⁷³ Ху Цин-цзюнь. Обзор исследований. . . , стр. 145.

⁷⁴ Ху Цин-цзюнь. Рабовладельческая система. . . , стр. 21.

ней соли. В последней волости носу почти не было, они жили в других местах и не могли фактически оказывать давления на своих цюино. Обычай запрещал цюино откупаться от барщины или посылать вместо себя своих рабов. Однако существовала небольшая группа цюино, которая вообще не принуждалась к отработкам.⁷⁵

Цюино обязаны были представлять хозяину средства и воинов для ведения войн с враждебным цюси, покрывать убытки, связанные с этими войнами, делать разного рода подношения. В отношении цюино носу особенно широко применяли насильственное ростовщичество. В центральном районе Ляншаня в окрестностях Пусюна с помощью такого ростовщичества носу присваивали более 21% всего дохода местных цюино.⁷⁶ Разорившийся в результате этого цюино уже не мог сохранить прежнего положения и опускался в более низкие сословные группы. Принудительное ростовщичество, однако, совершенно отсутствовало, например, в волости Лалигоу (внешний район Ляншаня) и в волости Чэннань (центральный район).⁷⁷

Что касается земли, которой пользовались ацзя, то основная ее часть являлась наделом, полученным от хозяина. Он же предоставлял первоначально орудия труда, семена, жилище. Чаще же, получив надел, ацзя сам строил дом для своей семьи. Выделенную хозяином землю он, естественно, не мог ни продать, ни заложить, ни сдать в аренду. Приобретенные с разрешения хозяина участки земли, скот, различное имущество, рабов разбогатевший ацзя не мог затем продать (правда, это не относилось к ацзя типа цюино, а также к ацзя в некоторых местностях внешнего района).

Хозяйство обычного ацзя было своего рода копилкой для хозяина, куда он мог время от времени запускать руку. Если хозяину было необходимо, то он мог продать ацзя и его семью и забрать полностью все его имущество. Это делалось довольно часто.⁷⁸

Выделяя небольшой клочок земли и разрешая вести на нем хозяйство, господин тем самым снимал с себя заботу о содержании самого ацзя и его потомства. Кроме того, если ацзя вышел из среды сяси, то собственная семья и хозяйство прочнее привязывали его к господину, делали более покладистым.

С надела хозяин формально не получал ничего. Однако в целом хозяйственная деятельность ацзя на этом участке становилась со временем известным источником дохода для его господина: если у ацзя появлялись «излишки» зерна, скота и т. д., хозяин мог их изъять. Существовали и различные постоянные поборы.

---

⁷⁵ Ля н Ш а н ь. Дискутирую... , стр. 32.

⁷⁶ Х у Ц и н - ц з ю н ь. Обзор исследований... , стр. 141.

⁷⁷ Ля н Ш а н ь. Дискутирую... , стр. 31.

⁷⁸ Там же, стр. 26.

В конце года ацзя обязан был доставить хозяину кувшин вина, часть свиной туши. В некоторых местах полагалось поднести корзину риса. Подношения нужно было делать по случаю различных событий в доме господина (свадьбы, похорон и пр.). Размеры и виды подношений в принципе зависели от состоятельности ацзя. Например, подношения деньгами делались в соотношении 2, 4, 8, соответственно для бедняков, середняков и зажиточных. Наряду с этим носу применяли в отношении ацзя принудительное ростовщичество. Однажды предоставив «ссуду», хозяин в течение ряда лет получал за нее процент. За одну курицу или поросенка ацзя ежегодно отдавал в виде процента две курицы и поросенка.

Такого рода доходы с хозяйства ацзя получали только носу. Данная система называется *цзубуда*. Цююно и зажиточные ацзя, имевшие собственных ацзя, подобных подношений не получали, не применяли принудительного ростовщичество, но зато значительно больше эксплуатировали ацзя на различных производительных работах в своем хозяйстве.⁷⁹

Ацзя были главной силой, с помощью которой носу вели свое хозяйство. Используя собственные и хозяйские орудия труда, ацзя работал на хозяйских полях, на строительстве под надзором своего господина или его доверенных лиц от 60 до 180 дней в году. Практически длительность работы определялась самим хозяином. Он мог заставить работать на себя всю семью ацзя. Обычно же от каждой семьи на хозяина в течение всего года трудился один взрослый работник.⁸⁰

О праве собственности сяси на какие бы то ни было вещи говорить не приходится, ибо эта сословная группа в массе своей почти ничего не имела, и представители ее сами являлись объектом присвоения.

Характеризуя систему собственности в ляншаньском обществе, Ху Цин-цзюнь пишет: «Особенность системы собственности на средства производства в районах расселения и в Ляншане состоит в том, что она проявлялась в различной мере прямой собственности рабовладельцев „черных и“ на все порабощенные сословия и в полной собственности на важнейшее средство производства — землю — или в верховном праве собственности на нее».⁸¹

На основе такой системы собственности, а также под влиянием других причин, в частности естественногеографической среды, оказавшей сильное влияние на конкретные формы организации хозяйственной деятельности, в Ляншане получили распространение методы принуждения, сочетающие в себе черты феодальной и рабской эксплуатации. Так, для землепользования в Ляншане было

⁷⁹ Чэнь Кэ-вэй. К вопросу... стр. 35.

⁸⁰ Ся Кан-пун и др. Социальный строй... стр. 32.

⁸¹ Ху Цин-цзюнь. Обзор исследований... стр. 144.

характерно весьма значительное развитие арендных отношений, что в какой-то мере и навело отдельных китайских исследователей на мысль о феодальном характере ляншаньского общества в целом, повлияло на определение классовой сущности различных сословий этого общества.

Единственная сословная группа, классовая сущность которой не вызвала споров, — это сяси. Их рабское положение для всех очевидно. Сяси — ярко выраженный классический тип раба. Но данная группа была довольно малочисленна, а потому ее существование само по себе не могло иметь решающего значения для установления классowego характера ляншаньского общества. Кроме того, значительная часть сяси была занята во второстепенных сферах хозяйственной деятельности. Наконец, домашние рабы — обычное явление и в раннефеодальном обществе, и в обществе раннерабовладельческом.

Как уже отмечалось, наиболее важной и трудной проблемой при определении классowego характера ляншаньского общества является проблема сословия ацзя. Это прежде всего связано с тем, что ацзя вели свое небольшое хозяйство, имели семью, владели каким-то минимумом имущества. С другой стороны, личная зависимость ацзя была полной, ничем не ограниченной, т. е. существовала полная собственность на самого ацзя.

Известно, что владение человеком как вещью, абсолютная собственность на личность самого производителя — определяющий признак его рабского положения. Раб классического типа не имеет никакой личной свободы, не имеет семьи, полностью отделен от средств производства, он выполняет работу, применяя орудия труда, принадлежащие хозяину, по его указанию, под надзором самого господина или его доверенных лиц. Но рабовладельческие общества знали не один, а довольно много типов рабского состояния, которые различались и по степени сохранения непосредственным производителем хозяйственной самостоятельности. Раб, самостоятельно ведущий хозяйство и обязанный своему хозяину выплатой большей или меньшей части произведенного продукта, не был исключительным явлением даже в странах классического рабства! (Таковы, например, илоты, пенесты, клароты и прочие в Древней Греции). Рабы, посаженные на землю, были обычным явлением в Ассирии второй половины VII в. до н. э. «Ассирийское государство предпочитало расселять пленных небольшими разрозненными группами или даже семьями . . ., — говорится во «Всемирной истории», — но повседневный надзор за такими группами работников, разбросанными по различным частям державы, рабовладелец осуществлять не мог, поэтому рабам предоставлялась известная доля самостоятельности. Они не обладали личной свободой, не являлись собственниками средств производства (лишь иногда имели для своих нужд небольшое количество скота, но и этот скот считался собственностью хозяина). Они должны

были отдавать рабовладельцу большую часть продуктов своего труда».⁸²

Известной свободой хозяйственной деятельности располагали и рабы, занятые в ремесленном производстве и в торговле. В Древней Греции существовали рабы — ремесленники и торговцы, отпущенные па оброк.⁸³ Аналогичное положение мы находим и в городах Вавилонии в X—XII вв. до н. э. Среди таких рабов встречались достаточно зажиточные, имевшие собственных рабов и ссужавшие деньги свободным.⁸⁴

Во многих рабовладельческих обществах Древнего Востока, где порабощению подвергалась основная масса местного населения, ограничение хозяйственной самостоятельности рабов оказывалось менее значительным, чем в странах классического рабства. Для Древнего Востока было характерно слияние местного эксплуатируемого населения и пленных в общую массу.⁸⁵ Предоставление пленному-рабу известной хозяйственной самостоятельности по типу той, которой обладали рабы из местного населения, становилось в этих условиях вполне нормальным явлением.

В принципе подобное слияние пленных по крайней мере с низшими эксплуатируемыми слоями местного населения характерно и для ляншаньского общества. Захваченные ляншаньцами пленные — взрослые и дети из числа ханьцев и других национальностей — со временем могли попасть и попадали в сословие ацзя и, подобно ацзя и даже цюйно, являющихся представителями национальности и, могли быть низведены до положения сяси. Иначе говоря, пленение инонационального населения не было в Ляншане единственным источником увеличения числа рабов классического типа. Пленные пополняли не только сословие сяси и ацзя, но и подвергались, таким образом, порабощению в уже сложившихся и применяемых к низшим слоям местного населения формах. Следует подчеркнуть, что ацзя в ляншаньском обществе появились значительно позже, чем цюйно и сяси. По утверждению Чэнь Кэ-вэя, сословие ацзя возникло в результате порабощения черными и части сословия цюйно, а также наделения сяси землей. Для превращения цюйно в ацзя применялись как экономические методы (ростовщичество и разного рода поборы, разорявшие цюйно), так и прямое насилие.⁸⁶ В периоды увеличения притока пленных в Ляншань второй путь формирования сословия ацзя, очевидно, становился главным.

Возникновение и увеличение сословной группы ацзя отражали развивавшуюся в ляншаньском обществе тенденцию к усилению степени личной зависимости непосредственных производителей.

⁸² Всемирная история, М., 1955, т. 1, стр. 541.

⁸³ Там же, 1956, т. 2, стр. 42.

⁸⁴ Там же, т. 1, стр. 564.

⁸⁵ А. И. Тюмпев. Передний Восток и античность, стр. 54.

⁸⁶ Чэнь Кэ-вэй. К вопросу..., стр. 37.

В свете данной тенденции большинство исследователей ляншаньского общества в Китае и рассматривает факт известной хозяйственной самостоятельности ацзя, критикует своих оппонентов за стремление рассматривать эту самостоятельность в отрыве от указанной тенденции.

Действительно, само по себе положение ацзя, с точки зрения способа соединения его со средствами производства и методов эксплуатации, даст основания определять сословие ацзя как разновидность колонов или даже крепостных. Соглашаясь с тем, что известное сходство положения ацзя с положением колонов и крепостных имеется, большинство участников дискуссии вместе с тем указывает на существенные различия в степени их личной зависимости от хозяев, в исторических условиях и путях формирования этих социальных групп. Появление колонов и затем крепостных, например в Римской империи, было следствием процесса разложения рабовладельческого общества, уменьшения степени личной зависимости непосредственного производителя от своего господина. Появление же ацзя в ляншаньском обществе вызвано обратной тенденцией.

Что касается характера личной зависимости ацзя, то, по данным, приводимым китайскими исследователями, он мало отличался от характера зависимости классического типа раба в Ляншане — сяси.

Следует также заметить, что ацзя, как и сяси, мог находиться в собственности носу, цюино и даже зажиточных представителей своего собственного сословия. Иными словами, относились к ацзя как к объекту собственности точно так же, как и к сяси. И ацзя, и сяси представляли собой по существу вещь, принадлежащую носу или зажиточному цюино. И ацзя, и сяси (сами либо их предки) были, как правило, или куплены, или взяты за долги, или захвачены в плен хозяевами. По обычаю и те и другие приравнивались к скоту. Господин имел право убить ацзя, хотя в жизни это осуществлялось довольно редко: убить ацзя значит лишиться части собственного имущества. Ацзя стоил несколько дин серебра (1 дин = 340—370 г).⁸⁷ Когда ляншанец хвастался своим богатством, он перечислял сколько у него земли, серебра, дворов ацзя, сяси и скота.⁸⁸

По мнению большинства исследователей ляншаньского общества, сословие ацзя в целом по своей классовой сущности являлось рабским. Имущественная дифференциация внутри сословия, появление в его среде мелких рабовладельцев не изменили сколько-нибудь заметно классовый характер этой сословной группы.

---

⁸⁷ Чэнь Кэ-вэй. К вопросу..., стр. 33.

⁸⁸ Там же, стр. 36.

Иное положение сложилось у цюйно. Занимая промежуточное положение между носу и двумя низшими сословиями, они подверглись значительной классовой дифференциации. В ходе подготовки демократических преобразований, например в пяти волостях уездов Майгу, Пусюн, Чжаосюэ, Лэйбо, к рабовладельцам было отнесено 4.16%, к «трудящимся» 54.68%, к рабам 41.16% общей численности цюйно.⁸⁹

В целом сословие цюйно рассматривается большинством участников дискуссии в качестве органической части рабовладельческой социально-экономической системы, аналогичной системе «всеобщего рабства», которая была характерна для некоторых стран Древнего Востока.⁹⁰ Отвергая взгляд на цюйно как на крепостных, это большинство подчеркивает, что цюйно выполняли разного рода повинности перед носу главным образом в силу своей личной зависимости от них. Отношения цюйно со своим господином остаются неизменными даже в тех случаях, когда он фактически не пользуется господской землей и живет на территории другого носу. Личной зависимостью определялось и применение к цюйно, особенно к зажиточным, не нуждающимся в ссудах, принудительного ростовщичества.

То, что цюйно не представляли собой какого-либо нового социального образования, свидетельствовавшего об упадке рабовладельческого строя, подтверждается также, по мнению многих участников дискуссии, общей тенденцией развития этой сословной группы. Размывание ее происходило в двух направлениях: с одной стороны, зажиточные цюйно превращались в рабовладельцев, с другой, обедневшие — в ацзя и сяси, т. е. в рабов.⁹¹ В этой связи подчеркивается то обстоятельство, что в районах, где белые и (цюйно, ацзя, сяси) стали независимы от сословия черных и (носу), классовая дифференциация среди цюйно происходила в тех же направлениях.⁹²

Поскольку большинство представителей зависимых сословных групп в ляншаньском обществе определено как различные категории рабов, постольку естественно, что сословие носу квалифицировано как рабовладельческая аристократия. Ввиду сохранения сословных привилегий за всеми черными и (носу), включая тех немногих, которые не имели рабов, это сословие в целом по своей классовой сущности являлось рабовладельческой верхушкой.

В основном сословная система ляншаньского общества совпала с его классовой структурой, однако у цюйно соответствие между сословной и классовой принадлежностью уже в значительной мере утратилось.

---

⁸⁹ Ляп Шань. Дискутирую..., стр. 24.

⁹⁰ Ху Цин-цзюнь. Обзор исследований..., стр. 141.

⁹¹ Там же.

⁹² Ляп Шань. Дискутирую..., стр. 24.

Классовая структура ляншаньского общества, как она была установлена во время демократических преобразований, выглядит следующим образом: рабовладельцы, «трудящиеся», «полурабы», рабы. По данным обследования пяти волостей в уездах Мэйгу, Пусюнь, Чжаосюэ, Лэйбо, среди носу рабовладельцы составили 88.47%, «трудящиеся» — 11.53%; среди цюйно на рабовладельцев приходилось 4.16%, на «трудящихся» — 54.68%, на «полурабов» — 22.9%, на рабов — 18.6%; среди ацзя рабовладельцев оказалось 0.59%, «трудящихся» — 18.31%, «полурабов» — 37.06%, рабов — 44.04%; среди сяси «полурабы» составляли 3.44%, рабы — 96.56%.⁹³ Общее соотношение классовых групп в этих пяти волостях было таково: рабовладельцев 8.3%, «трудящихся» 36%, «полурабов» 23.7%, рабов примерно 32%.

Для определения классовой принадлежности применялись следующие критерии.

Рабовладельцем считался тот, кто имел три и более сяси или три и более семей ацзя, кто сам не участвовал в труде, чей земельный надел превышал более чем в 2 раза условный средне-дворовый надел в данной местности.

К «трудящимся» были отнесены те, кто имел средств производства — земли, скота, орудий труда — больше, чем в среднем приходилось на одно хозяйство в данной местности, кто работал на господина меньше, чем ацзя (5—6 дней), чей жизненный уровень был выше, чем у рабов.

«Полурабы» — безземельные или имеющие очень мало земли, обеспечивавшие себя продовольствием не более чем на полгода, рабавшие на хозяина столько, сколько обычный ацзя.

Рабы (из сяси и представителей других зависимых сословных групп) — совершенно неимущие, занятые все время работой на своего господина.⁹⁴

Эти критерии не включают по существу такой решающий фактор, как степень и характер личной зависимости эксплуатируемых. Только поэтому среди ацзя и даже сяси появилась категория «полурабов». Между тем независимо от своего имущественного состояния лишь в силу своей сословной принадлежности и ацзя, и сяси оставались полной собственностью своих хозяев. Среди ацзя исключение составляла небольшая группа (упоминавшиеся уже мэнчжу), возвысившаяся до положения цюйно, что получило своеобразное правовое закрепление: такие ацзя могли принадлежать лишь носу, цюйно владеть ими не имели права.

Что касается «полурабов» и «рабов» в сословной группе цюйно, то появление их прямо связано с имущественной дифференциацией. Обедневшие представители этой группы, особенно не имевшие сильного цоси, который мог их защитить и поддержать,

⁹³ Ся Кан-нун и др. Социальный строй... , стр. 26.

⁹⁴ Там же, стр. 25.

практически лишались своих сословных прав и определенной меры личной свободы, обеспеченной этими правами.

Классовое определение, осуществленное на основе перечисленных выше критериев, в основном имело прикладной характер, диктовалось практическими задачами подготовки и проведения демократических преобразований, необходимостью правильного распределения в ходе этих преобразований земли, скота, орудий труда и т. д. Поэтому оно не является достаточно точным. Так, для изоляции наиболее крупных рабовладельцев к группе «трудящихся» были отнесены люди, имевшие одного-двух сяси и одну-две семьи ацзя (а это уже несколько человек рабов разного возраста). Фактически удельный вес рабовладельцев значительно превышал указанную ранее цифру (8.3%).

Практическими потребностями подготовки и проведения демократических преобразований вызвано и появление довольно неопределенного термина «трудящиеся», которым по существу обозначались люди, располагавшие минимумом средств, необходимым в условиях Ляншаня для самостоятельного ведения хозяйства. Подобно термину «полураб», термин «трудящийся», применяемый к обычным, но сравнительно зажиточным ацзя, отнюдь не отражал их действительной классовой принадлежности. (Следует, однако, отметить, что уже в ходе преобразований пришлось отнести к классу рабов и ацзя, определенных сначала как «полурабы»).

Сторонники определения ляншаньского общества как феодального, в частности Шу Ши-чэн, дают иную классовую структуру. В соответствии с ней носу — крепостники-феодалы, цюйно — крепостные, ацзя — переходная группа от рабов к крепостным, т. е. полурабы-полукрепостные, сяси — рабы.

В целом социально-экономический строй Ляншаня, по мнению Шу Ши-чэна, был многоукладным: существовали элементы феодально-крепостнической, феодально-помещичьей экономики, остатки рабовладельческих отношений и даже первобытнообщинных, наконец, развивалось торговое предпринимательство бюрократического капитала (например, опиумное макосеяние). Ведущим, определяющим укладом был феодальный, причем феодально-крепостническая система уже клонилась к закату, на смену ей приходила феодально-помещичья экономика. Рабовладельческие же отношения, по утверждению Шу Ши-чэна, были пережитком древности.⁹⁵

Взгляд на ляншаньское общество как на феодальное аргументируется Шу Ши-чэном и другими следующим образом. Носу, имея верховное право собственности на определенную территорию и управляя ею, передают часть земель во владение или для использования цюйно и ацзя, прикрепленным к той или иной

⁹⁵ Шу Ши-чэн. Характер общества..., стр. 24, 28.

аристократической семье.⁹⁶ Формы прикрепления крепостных к земле при феодализме разнообразны, сущность же их одна и та же. Ляншаньское общество в этом смысле не имеет каких-либо особенностей, которые давали бы основания не видеть феодальной сущности прикрепления крестьян к земле. Характер права владения землей у цюйно не отличался сколько-нибудь существенно от подобного же права у крепостных в других местах. Личная зависимость цюйно, составлявших более половины населения Ляншаня, также в принципе ничем не отличалась от зависимости крепостных в любом феодальном обществе. Наконец, тенденция развития ляншаньского общества, по мнению Шу Ши-чэна, была такова, что сословие ацзя, в основном сложившееся из потомков рабов — сяси, постепенно сближалось с сословием цюйно: ацзя располагали определенными средствами производства, имели свое хозяйство, тогда как раб (термин Шу Ши-чэна) совершенно отделен от средств производства; ацзя эксплуатировались теми же способами, что и цюйно, — барщина, подношения, выплата арендной платы.⁹⁷ Само появление сословия ацзя Шу Ши-чэн рассматривает в качестве одного из свидетельств длительного развития феодализма в ляншаньском обществе.⁹⁸

В аргументации противников признания ляншаньского общества рабовладельческим важное место занимает вопрос об арендных отношениях. Ввиду этого он заслуживает более подробного рассмотрения.

Арендные отношения в системе землепользования

В Ляншане имело место землепользование трех видов.

1) Обработка своей (используемой на правах собственности или владения) земли: такого рода землепользование существовало среди совершенно обедневших, потерявших своих рабов и других вацза семей носу, среди цюйно, ацзя типа цюйно, т. е. среди «трудящихся». 2) Обработка собственной земли с помощью вацза — рабов и зависимых: этот вид землепользования применялся носу

⁹⁶ По мнению Шу Ши-чэна, вопрос о том, как цюйно получили свою землю, вполне убедительно раскрыт в статье Чжао Вэй-бана, на которую участники дискуссии мало обратили внимания. Там, например, говорится: в районах господства черных и вся земля в принципе принадлежит им, каждая семья имеет определенную территорию, включая пригодные для обработки земли, пастбища, пустоши; из обрабатываемых земель часть непосредственно находится в собственности отдельных семей черных и, другая распределена между простым людом; эта часть земли могла быть получена от черного и, а также могла быть пустошью в его владении, поднятой простолюдином; хотя эта земля формально принадлежит ему, может пожизненно им использоваться и быть передана по наследству детям, однако верховное право на нее остается за черными и; весь простой люд закреплен навечно за семьями черных и (Чжао Вэй-бан, 1951, № 11). О характере ляншаньского общества. Чэнду гуншан даобао, 1951, № 11).

⁹⁷ Шу Ши-чэн. Характер общества..., стр. 25, 27.

⁹⁸ Там же, стр. 27.

и другими рабовладельцами. 3) Обработка арендованной земли своим трудом или с помощью вацза: землепользование такого вида имело место среди всех сословий, кроме сяси.

Соотношение видов землепользования, согласно данным обследования двух селений — в центральном и внешнем районе Ляншаня, — было таково. В центральном районе рабовладельцы собственными силами обрабатывали 5% своей земли, с помощью вацза — 55%, сдавали в аренду 40%; «трудящиеся» сами обрабатывали 65% земли, которой они владели, с помощью вацза — 28%, сдавали в аренду 7%; «полурабы» все 100% находившейся в их пользовании земли обрабатывали своими силами. Во внешнем районе рабовладельцы собственными силами обрабатывали 6% своей земли, с помощью вацза — 34%, сдавали в аренду 60%; «трудящиеся» сами обрабатывали 57%, с помощью вацза — 34%, сдавали в аренду 9% находившейся в их владении (и собственности, коль скоро речь шла о немногочисленных обедневших черных и) земли; «полурабы» сами обрабатывали 84% земли, с помощью вацза — 16%, а в аренду землю они не сдавали. (Кстати, из этих цифр видно, как велика была доля действительных рабовладельцев среди так называемых трудящихся: в центральном районе 28% и во внешнем 34% своей земли «трудящиеся» обрабатывали именно с помощью рабов. Во внешнем районе даже среди «полурабов» были такие, которые сами имели рабов, причем их трудом обрабатывалась почти $\frac{1}{6}$ земли, находившейся в пользовании всей прослойки «полурабов»).

Во внешнем районе сдавалось в аренду земли, как правило, больше, чем в центральном, и эта категория земли значительно превышала площади, обрабатывавшиеся с помощью вацза. Так, в дер. Мацзинцзы (волость Лалигоу, уезд Лэйбо) вацза обрабатывали у своих хозяев 73 му, а в аренду сдавалось 192 му. В центральном же районе зачастую в аренду сдавалось земли в несколько раз меньше, чем обрабатывалось с помощью вацза.

Поскольку в аренду сдавались худшие земли, доход от них был, как правило, ниже, чем от земель, обрабатывавшихся с помощью вацза, даже в тех случаях, когда вторая категория земли была во много раз меньше первой. Например, в волости Чэннань (уезд Чжаосюэ) шесть семей носу с помощью вацза обрабатывали 850 му, а сдавали в аренду 7940 му, т. е. в 9 раз больше. Тем не менее арендаторы давали им лишь 48% всего дохода от этих двух категорий земли.

Арендные отношения возникли в Ляншане очень давно. Во всех диалектах иского языка имеются термины для обозначения этих отношений. Ханьский термин *цзуцза* — аренда — также прочно закрепился в языке ляншаньских и.

Арендные отношения устанавливались между носу; между ними, с одной стороны, цюйно и ацзя — с другой; между цюйно; между цюйно и ацзя; между ацзя.

Распределение арендованной земли между классами, например в ряде волостей, обследованных сычуаньской группой, было таково: на «полурабов» приходилось от 24 до 45% земли, на «трудящихся» — от 41 до 67%, на рабовладельцев — от 9 до 14%. Среди носу землю арендовали от 7.7 до 13.8% всех семей, среди цюйно — от 37 до 60.7%, среди ацзя — от 40 до 62%.

Естественно, что среди сдававших землю в аренду преобладали носу. В целом на рабовладельцев в ряде мест приходилось до 100% сданной в аренду земли. Однако в отдельных районах на «трудящихся» падало до 17% такой земли.⁹⁹

Рабовладельцы сдавали землю в аренду по следующим причинам: отдаленность участков (они могли находиться даже не в той волости и не в том уезде, где жил хозяин); низкое качество земли (после улучшения арендатором хозяин зачастую возвращал ее обратно и обрабатывал с помощью своих вацза); нехватка земли у вацза для обеспечения увеличившейся семьи; малочисленность вацза (в случае их увеличения сданная в аренду земля возвращалась); невозможность обрабатывать землю с помощью своих вацза в связи с распрями между цоси и другими обстоятельствами.¹⁰⁰

Арендная плата составляла в среднем от 30 до 50% урожая. Аренда на условиях выплаты определенного количества зерна применялась при сдаче наиболее отдаленных участков. Участки, расположенные вблизи хозяйского дома, обычно отдавались в аренду на условиях выплаты оговоренной доли урожая.

Конфликты, связанные с арендными отношениями, регулировались с учетом сословной принадлежности сторон. Если у одного носу образовалась задолженность по аренде перед другим носу, должник закладывал своих сяси и ацзя. За долги по аренде носу мог превратить арендатора из низшего сословия или его детей в своих сяси. Подобная же ситуация между представителями иных сословий (за исключением цюйно и ацзя, у которых существовали собственные цоси) требовала вмешательства хозяев: у должника или забирают детей, или за него поручается хозяин. Между цюйно и ацзя, имеющими цоси, задолженность по аренде возмещалась имуществом должника, причисление его детей в сяси исключалось. Превращение детей должника в сяси и понижение его в сословном положении было в Ляншане повсеместно распространенным явлением, возникавшим в значительной мере на основе арендных отношений.

Сторонники признания ляншаньского общества рабовладельческим в связи с вопросом о роли и месте арендных отношений в социальной структуре этого общества подчеркивают следующие обстоятельства.

⁹⁹ Лян Шань. Дискутирую... , стр. 28—30.

¹⁰⁰ Ху Цин-цзюнь. Обзор исследований... , стр. 146.

Во-первых, развитие арендных отношений само по себе отнюдь не определяет характера общества, поскольку они имеют место на разных этапах развития и рабовладельческой, и феодальной систем. Наконец, они существуют и при капитализме.

Во-вторых, положение с арендой земли в дореформенном Ляншане свидетельствовало о том, что она служила лишь вспомогательным средством, дополнением к эксплуатации рабов на землях, на которых рабовладельцы сами вели хозяйство.

В-третьих, широкое распространение сдачи земли в аренду вызывалось в основном не экономической выгодностью, а иными, перечисленными ранее причинами.

В-четвертых, арендные отношения отнюдь не меняли ни степени, ни характера личной зависимости людей; с целью расширения числа эксплуатируемых собственники земли предпочитали сдавать ее в аренду чужим ваца, но это ни в коей мере не уменьшало личной зависимости таких ваца от их хозяев.

Цоси и его политическая роль¹⁰¹

Цоси (или цюцзя) — объединение группы родственных семей — включает родственников по отцовской линии и делится на более мелкие группы — *бусу*. Цоси существовали у носу, цюйно и даже некоторой части сословия ацзя (у ацзя мэнчжу).

На территории Ляншаня и частично Сичанского округа насчитывалось более 100 цоси носу. В 10 цоси было свыше 1000 мужчин, в остальных — несколько меньше. Почти все аристократические цоси занимали определенную единую территорию, которую охраняли и защищали от вторжения чужаков. Однако некоторые из таких цоси были расселены в разных районах Ляншаня.

Цоси цюйно и ацзя, поскольку их членами владели отдельные семьи носу, относящиеся в свою очередь к разным, зачастую враждебным цоси, естественно, какой-либо единой территорией расселения не обладали.

В цоси отсутствовал постоянный управляющий орган, но все они имели своих глав — старшин. Эта должность не была ни выборной, ни наследственной. Старшина — человек, пользующийся среди родни высоким авторитетом благодаря своим выдающимся способностям, опыту, знаниям. Существовали два вида старшин — *дэгу* и *суи*, причем *дэгу* являлся более крупным авторитетом. Наряду с ними имелись так называемые *чжахуа* — люди, добившиеся известности и всеобщего уважения своими ратными подвигами, военным талантом. Но они, как правило, не играли какой-либо постоянной политической роли и становились руководителями лишь во время военных столкновений с врагами цоси.

Старшины цоси цюйно и ацзя выдвигались точно так же, но при этом огромное значение имела их способность добиться под-

¹⁰¹ Подробнее о цоси см.: Народы Восточной Азии, стр. 541—544.

держки черных и, умение ладить с ними. Пословица гласит: «Дэгу цюно — приспешник носу».

Утратив свой авторитет, старшина переставал быть таковым. Если в цоси не было общепризнанного авторитета, то он на какое-то время оставался без главы. В принципе старшина не имел никаких формально закрепленных привилегий по сравнению с остальными членами цоси. Он не получал вознаграждения за свой труд, хотя мог принимать подношения от сторон, когда решал тот или иной спор.

Имущественное положение не являлось решающим фактором для достижения всеобщего уважения и почитания, тем не менее оно играло немаловажную роль. Обедневший носу не мог стать старшиной, а богатому положение главы цоси позволяло еще больше увеличить свое состояние. Несмотря на то что место старшины и не является наследственным, в Ляншане имелось определенное число семей носу, члены которых на протяжении семи-восьми поколений стояли во главе цоси.

Старшина играл важную роль в регулировании внутренних и внешних вопросов своего цоси. Но для решения наиболее крупных дел созывалось собрание всех старшин цоси — глав бусу. Такое собрание называлось *цзирцзигте* и считалось малым собранием. Чаще всего оно было подготовительной ступенью к созыву общего собрания всех членов цоси — *мэнгэ*. К крупным делам относились вопросы, связанные с объявлением войны другим цоси, организацией отпора правительственным войскам, подавлением мятежей, а также случаи нарушения сословных ограничений в брачных отношениях, убийство внутри цоси и т. д. Когда дело касалось нескольких цоси или возникала необходимость организовать борьбу против общего врага, созывалось объединенное собрание членов этих цоси — *цзикэ мэнгэ*.

Мэнгэ созывались лишь по мере надобности. В них участвовали все взрослые мужчины цоси. Допускались и женщины. Высказать свое мнение по обсуждаемому вопросу мог любой участник собрания — член цоси. Это разрешалось даже наиболее авторитетным старшинам цюно, которых приглашали на мэнгэ, если оно обсуждало вопросы войны с враждебным цоси или правительственными войсками. На такие «мобилизационные» собрания звали всех цюно и даже ацзя.

На общем собрании цоси председательствовал обычно наиболее авторитетный старшина. Если собрание не могло прийти к единому мнению, то суждение старшины и наиболее авторитетных старшинок имело решающее значение. Принятые на мэнгэ решения принимались всеми членами цоси к неукоснительному исполнению.

В целом внутренняя организация цоси носу в какой-то мере, очевидно, сохранила черты военной демократии периода разложения первобытнообщинного строя, приспособленной, однако, к условиям уже сформировавшегося классового общества.

Между цоси непрерывно возникали трения, переходившие иногда в длительную вражду. Некоторые цоси враждовали на протяжении жизни многих поколений. Вооруженные столкновения между ними, как правило, длились не более трех-шести дней. Причем источником их были в подавляющем большинстве экономические интересы — захват земли, имущества, рабов и т. д. Значительное место среди причин, порождавших конфликты, еще в начале 50-х годов занимала кровная месть.¹⁰²

Так или иначе конфликты преодолевались. Это достигалось или в результате полного уничтожения и изгнания одним цоси носу другого, или в результате соглашения сторон. В случае договоренности между старшинами цоси взаимно возвращались награбленное имущество и угнанные рабы, за убитых и раненых выплачивалась компенсация: за черного и 400 лян серебра, за белого и 200 лян. Нередко стороны прибегали к посредничеству. Посредник — глава третьего цоси — организовывал встречу враждующих сторон и помогал им договориться.

В условиях постоянной вражды между цоси и блокады Ляншаня со стороны правительственных войск внутреннее единство цоси оберегалось особенно ревностно, ибо оно в значительной мере предопределяло их силу. За убийство члена своего цоси носу обязан был покончить жизнь самоубийством или уплатить семье убитого колоссальную компенсацию — до 30 тыс. лян серебра, тогда как откуп за убийство члена другого цоси обычно составлял несколько сот лян. За хищение имущества внутри цоси взимался штраф в десятикратном размере к стоимости похищенного.

Все цоси носу были самостоятельны. Ни один даже из самых сильных цоси не имел в подчинении других цоси. «Носу одинаковы, как одинаковы куриные яйца», — гласит иская пословица. Однако аристократические цоси часто вступали в союзы, например для подавления восстаний и мятежей рабов. Так, в 1935 г. в районе Сишаня белые и, восстав, изгнали и перебили местных черных и. Объединившись, цоси черных и вскоре разгромили восставших. Сплочение сил этих цоси способствовало изгнанию из ряда районов Ляншаня тусы, посаженных там правительством, а также разгрому весьма значительных сил правительственных войск, пытавшихся проникнуть в глубь Ляншаньских гор и покончить с независимостью ляншаньцев. Но союзы цоси были временными. Они возникали, когда этого требовали обстоятельства, и распадались по исчезновении конкретной причины, приведшей к их образованию.

---

¹⁰² Из 134 конфликтов, урегулированных одной из групп кадровых работников с 20 октября 1950 г. по 20 марта 1951 г., 29 были связаны с угоном рабов, 26 — с грабежом, 16 — с убийством, 13 — с воровством, 9 — с захватом земли, 8 — с брачными делами, 7 — с долгами, 1 — с имущественными спорами и т. д. (Ху Цин-цзюнь. Еще раз... стр. 6).

Цоси носу по существу давно уже превратились в своего рода орудие политической власти ляншаньской аристократии. И в этом смысле они включали, охватывали своим влиянием не только кровных родственников, но и всех белых и, принадлежащих отдельным семьям черных и. Обеспечение господства аристократии, отражение любых попыток изнутри и извне подорвать это господство — основные политические функции родственной организации черных и. Именно они через старшин осуществляли политическую власть в Ляншане. «Искими районами управляют дэгу, ханьскими — чиновники, тибетскими — ламы», — говорили ляншаньцы.

Цоси цюйно и ацзя в принципе политически противостояли аристократическим цоси, являясь организацией, призванной защищать интересы поработенных сословий. Но эту функцию могли выполнять более или менее последовательно только наиболее сильные, компактно расселенные «плебейские» цоси. В большинстве же случаев цоси цюйно и ацзя использовались носу для осуществления своего господства над этими сословиями. Даже в сильных цоси цюйно обычно верховодила рабовладельческая верхушка. В связи с этим они, как и цоси носу, служили поддержанию и укреплению позиций класса рабовладельцев, хотя, конечно, между группой рабовладельцев-аристократов и группой рабовладельцев-плебеев существовали серьезные противоречия.

Как было уже указано в томе «Народы Восточной Азии», цоси носу являются социальной организацией, выросшей из первобытно-родовой системы. В давние времена цоси расселялся в одном каком-либо месте, с течением времени отдельные группы рода оказались разбросанными на большой территории, которая стала называться территорией их цоси, а местом общего поселения стала деревня, являющаяся местом расселения бусу. В такой деревне живут отдельные, принадлежащие к одному цоси семьи — бу, являющиеся независимой экономической единицей. Учитывая сочетание родового признака — принадлежность к цоси — и экономического — ведение хозяйства отдельными семьями, — возможно назвать бусу семейно-родовой формой сельской общины или семейно-родовой общиной, как предлагает Н. А. Бутинов.¹⁰³

В подтверждение этого положения следует добавить еще и те факты, что цоси всегда экзогамны, а внутри бусу все дети называются братьями и сестрами. Брак между членами одного цоси разрешается только через 6—9 поколений, а в случае разделения цоси на два новых браки между членами прежнего цоси и новым разрешены. По материалам полевых исследований китайских этнографов, считается, что примерно 20 поколений назад количество цоси у носу было невелико. А затем, когда значительно ограничили возможности браков, и произошло разделение цоси на новые.

¹⁰³ См. статью Н. А. Бутинова в настоящем сборнике.

Преобразование цоси в организацию политической власти является одной из специфических особенностей общественного развития ляншаньских и. Такая особенность связана, по мнению, например, Ху Цин-цзюня, с определенными конкретными обстоятельствами формирования и развития классового общества в Ляншане. Во-первых, чрезвычайно медленное развитие производительных сил и низкий уровень, которого они достигли в самое последнее время, наряду с другими причинами не создали условий, способствовавших распаду, перемещиванию кровнородственных общин. Во-вторых, классовая дифференциация возникла и развивалась по линии порабощения одних родов другими. Группы родов-победителей целиком превратились в господствующий класс — класс рабовладельцев, а покоренные роды развились в эксплуатируемые социальные слои.¹⁰⁴

Трансформация родовой организации в политическую вместе с другими конкретно-историческими обстоятельствами явилась серьезнейшим препятствием на пути к формированию в Ляншане единой политической власти. А о существовании такой тенденции в известной мере свидетельствует факт довольно часто возникновения временных союзов и объединений цоси. Организация политической власти на основе кровнородственного единства оказалась в условиях Ляншаня не в состоянии преобразоваться в политическую власть, основанную на классовом единстве.

# # #

Содержащиеся в обзоре материалы лишь в самой общей форме характеризуют ляншаньское общество, но они позволят, очевидно, читателю составить определенное представление о чрезвычайно сложной картине социального и общественного развития дореформенного Ляншаня, а также о существе дискуссии, развернувшейся среди китайских ученых в связи с определением характера социально-экономических отношений у ляншаньских и.

Отдавая должное большей аргументированности выводов сторонников взгляда на ляншаньское общество как на рабовладельческое, авторы обзора окончательно не могут присоединиться к этим положениям, считая, что ляншаньские и, возможно, дают пример той переходной общественно-исторической формации, которая характеризует раннеклассовые государства и о которой в последнее время идет дискуссия в связи с «азиатским способом производства».

Для более точного и полного раскрытия характера социально-экономической формации, сложившейся в дореформенном Ляншане, авторы считают необходимым в дальнейшем подготовить к публикации материалы, касающиеся обычного права, форм общественного сознания, форм семьи и брака у ляншаньцев.

¹⁰⁴ Ху Цинь-цзюнь. Еще раз..., стр. 7.

Социально-экономические отношения у дулун и ну (середина XX в.)

Проблема распада первобытнообщинных отношений и возникновения классового общества, исследование отдельных, конкретных вариантов этого процесса имеет большое научное значение. На последнем этапе первобытно-общинной формации появляются имущественное неравенство, частная собственность, эксплуатация, возникают условия, в которых вызревают раннеклассовые отношения. Изучение социально-экономических отношений у народов, живущих или еще недавно живших в условиях доклассового общества, представляет как теоретический, так и большой практический интерес.

С данной точки зрения важное значение может иметь исследование социально-экономических отношений у дулун и ну. Расселение этих народностей в труднодоступных горных районах провинции Юньнань (Китайская Народная Республика) в значительной степени консервировало их общественный строй, затрудняло развитие широких и систематических связей с более развитыми народами.

В небольшой статье невозможно полностью проанализировать все стороны социально-экономических отношений у ну и дулун. Наша работа преследует следующие цели: дать анализ форм и характера земельной собственности у названных народов и вскрыть сущность их социальной организации. Статья преследует также цель дать новый конкретный материал для исследователей, занимающихся генезисом социально-экономических отношений. Она почти целиком основывается на исследовании китайских этнографов¹ и на фрагментарных сообщениях китайской периодической печати.

В западноевропейской и американской литературе прямых сведений по этнографии этих народов почти нет.² В советской

---

¹ Весь конкретный материал о дулун и ну взят из их полевых отчетов, часть которых получена при любезном содействии А. М. Решетова. Данные других источников отмечены ссылками.

² Н. Bernatzik. Die neue grosse Völkerkunde, Bd. II. Frankfurt am Main, 1954, SS. 125—126; С. Н. Desgodins, l'Abbe. Mots principaux tribus-qui habitent les bords du Lan-tsan-kiang, du Loutse-kiang et Irrawaddy.

литературе отдельные ее вопросы освещены в ряде статей,³ а общие материалы даны в томе «Народы Восточной Азии».⁴

Дулун, так же как и ну, — небольшие народности, относимые (по принятой у нас лингвистической классификации) к тибетской группе народов КНР.

Численность дулун около 2600 человек (1959 г.). Основная их масса (2400 чел.) населяет Гуншаньский автономный уезд народностей дулун и ну автономного округа Нуцзян народности лису в провинции Юньнань, где они занимают верхнее течение р. Дулун, оба ее берега на протяжении примерно 250 км. Небольшая группа дулун живет в уезде Вэйси.

Основная масса ну расселена в Бирме, в Китае их насчитывается около 12 800 человек (1953 г.). Размещены они в Китае в провинции Юньнань на границе с Бирмой, главным образом по берегам р. Нуцзян (Салуэн). Большинство ну Китая (10 800 чел.) живет в пределах Нуцзянского автономного округа народности лису. Здесь они населяют Гуншаньский автономный уезд дулун и ну (3150 чел.), а также уезды Бицзян (4900 чел.) и Фугун (2700 чел.). Кроме того, ну живут в уезде Вэйси Дицинского тибетского автономного округа (600 чел.), в уезде Ланьпин (1300 чел.), а также в уезде Лицзян. Небольшие группы ну расселены в уездах Чаюй и Чавалун района Чамдо.

Климатические условия в приграничной части Юньнани благоприятствуют земледелию, составляющему основное занятие рассматриваемых народностей. Земледелие у ну было более развито, чем у дулун. Ну, знакомые с орошением, сохраняли также и подсечно-огневой способ обработки земли, бывший основным у дулун. Заливаемые поля под рисом составляли у них примерно 10% всей площади возделываемых земель, а богарные, обрабатывавшиеся плугом, — 80%; 5% богарных земель вскапывали мотыгой и остальные 5% составляли земли в горах, на которых практиковалось подсечно-огневое земледелие. Именно развитие пашенного земледелия (по преданию, ну широко стали применять плуг и запряжку буйволов лишь около 100 лет тому назад, переняв их

Bull. de la Soc. de Géogr., ser. VI, t. V, 1873; Terrien de Lacouperie. The languages of China before the Chinese. Trans. of the Philol. Soc., London, 1877; Henri, prince d'Orleans. From Tonkin to India. London, 1898; J. F. Rock. The ancient Na-Khi Kingdom of Southwest China. Cambridge Mass., 1947; The aboriginal tribes of western Yunnan. The province of Yunnan, past, present and future. Shanghai, 1885; F. K. Ward. Trough the Lutze Country to Mekong. The Geogr. Journ., v. XXXIX, 1912, № 6, pp. 582—592.

³ И. и Н. Чебоксаровы. Полевые этнографические работы в КНР (1957—1958). Сов. этногр., 1959, № 5, стр. 123—139; Ю. И. Журавлев. 1) Тибетские народы и этнографические группы тибетцев КНР. Там же, стр. 71—92; 2) Этнический состав Тибетского района КНР и тибетцы других районов страны. Восточно-азиатский этногр. сб., II, М., 1961, стр. 79—136.

⁴ Народы Восточной Азии. М.—Л., 1965, стр. 525—530.

у бай Ланцанцзяна) позволило обрабатывать значительные земельные площади, получать большой прибавочный продукт, что и привело в конце концов к изменению социальных институтов первобытнообщинного периода.

Ну издавна культивировали пшеницу, некоторые сорта проса, овса, рис, бобовые, неприхотливые овощи, ямс, таро,⁵ но главным образом — кукурузу и гречиху.⁶ Кукуруза составляла около 80% в общем производстве зерна. Урожай были очень низкие. Хотя скотоводство у ну было развито слабо, они содержали крупный рогатый скот на тягло (преимущественно буйволов), покупая его у соседних народностей.

Важное значение в жизни ну имели также охота с самострелом на диких животных (олений, кабаргу, тигров, леопардов), птиц и рыболовство (основное орудие лова — сети). Было развито собирательство лекарственных трав — горечавки, венечника и др., — лаков, грецких орехов, плодов тунгового дерева. Из домашних промыслов наибольшее развитие получили ткачество и плетение, наименьшее — кузнечное ремесло. К середине XX в. ремесло еще, однако, не выделилось в самостоятельную отрасль занятий.

Дулун выращивали в основном те же культуры, что и ну. Земледельцы использовали на полевых работах мотыгу двух типов — большую и малую, — серп, а также большой нож. Плуга у дулун не было (он получил распространение только после 1949 г.). В хозяйстве находили применение бронзовые и даже каменные орудия различного назначения.⁷ Дулун разводили небольшое количество свиней.

В их экономике, где земледелие не давало необходимого количества продовольствия, важное значение сохраняли охота и особенно рыболовство. Дулун практиковали охоту с загонем, которой руководил опытный охотник. Мясо убитых животных распределяли между всеми жителями деревни; руководитель же охоты получал сверх того шкуры и головы. В связи с сезонностью занятий у дулун были перекочевки (на время лова рыбы — к рекам, на берегах которых у дулун были постоянные жилища, на время полевых работ — к полям). Они занимались также и собирательством лекарственных трав, дикорастущих корнеплодов, дикого меда и т. д. Ремесло у дулун, как и у ну, к середине XX в. еще не выделилось окончательно в самостоятельную отрасль экономики, и в каждой семье нужные вещи изготовлялись собственными силами. Из промыслов наиболее развиты были ткачество,

---

⁵ Любопытно, что таро является традиционным продуктом у ляншаньских и.

⁶ И Цюнь. Краткие сведения о национальных меньшинствах Китая. Пекин, 1958, стр. 161.

⁷ Синьхуа баньюэкань, 1958, № 12, стр. 34; И Цюнь. Краткие сведения. . ., стр. 164.

плетение из бамбука, обработка железа, выделка кожи, изготовление украшений.

Экономическая отсталость определила и уровень общественного развития рассматриваемых народностей: у тех и у других сохранялись значительные пережитки родо-племенной структуры.

Несколько забегая вперед, можно сказать, что социально-экономическое развитие у ну и дулун все же было различным. Поэтому целесообразнее рассмотреть социально-экономические отношения у них отдельно.

Социальная организация у дулун

Социальное развитие северных и южных дулун не было одинаковым. В южных районах было больше, чем в северных, выходцев из соседних, относительно более развитых народностей — лису и ну. Они или жили в деревнях дулун, или же основывали отдельные поселения. Несмотря на то что это проникновение служило как бы катализатором в общественном развитии дулун, северные районы были более развиты, нежели южные. Этому способствовало сходство северных дулун с тибетцами, у которых был развит феодализм.

У дулун к середине XX в. сохранились значительные пережитки родовой организации. Деревня была поселением (4—9) родственных по отцовской линии больших семей. Численность такой семьи достигала 20—30 человек. В деревнях могли жить и быть полноправными членами общины и выходцы из других родов и даже люди других национальностей. Однако для включения в общину требовалось согласие всех ее членов. Вновь пришедшие должны были быть прежде всего приняты в члены какой-либо семьи после специальной церемонии. Семьи, принадлежащие по происхождению к одному отцовскому роду, могли селиться и в разных деревнях (это было связано с подсечно-огневым способом земледелия, требовавшим довольно больших пространств), но, однако, только в пределах земель, принадлежавших общинам, имевшим одного общего мужского предка. Нередко родственные семьи жили одна от другой на расстоянии 2—3 дней пути. Поэтому общинная организация у дулун в целом не была достаточно прочной и четко выраженной.

Во главе общины стоял старейшина — *мангаоба*, избравшийся всеми членами данной группы из наиболее уважаемых и опытных мужчин. У двух-трех маленьких поселений, члены которых образовывали одну общину, мог быть один старейшина. Особыми правами старейшина не обладал, его функции сводились к управлению жизнью общины, к разрешению различных споров и недоразумений. Между старейшинами отдельных деревень не было постоянной связи. Единого верховного вождя у дулун также не было.

После проникновения гоминьдановского режима в северные районы расселения дулун была предпринята попытка насадить там систему *баоцзя*.⁸ Начальники как баоцзя, так и деревни в целом часто назначались из среды мэнгаба. Последние старались использовать свое новое положение для личного обогащения, для установления более прочной власти над остальными общинниками. В меньшей степени этот процесс затронул южные районы расселения дулун, но и там существовала определенная категория лиц, составлявших местный административный аппарат при гоминьдановцах. В северных районах ко времени образования КНР большая семья во многих случаях распалась, но этого нельзя было еще сказать о южных районах.

Вся земля у дулун была поделена между общинами и являлась их собственностью в целом, т. е. коллективной собственностью составлявших ее больших семей. Купли-продажи земли у дулун не существовало, но довольно часто одна община за зерно или скот уступала во временное пользование другой участок пахотной земли или пустошь. Если член общины хотел начать возделывать участок пустоши, то на это он должен был получить согласие всей общины. В северных районах у дулун уже имелась ранняя форма частной собственности на некоторые категории земель в горах, обрабатывавшихся подсечно-огневым способом, но она еще не получила значительного развития. Для нее, в частности, было характерно право монопольного распоряжения, но не возможность отчуждения. В южных районах в личном пользовании отдельных семей находились небольшие огороды при домах (урожай с них принадлежал только данной семье), но вся земля, включая и занятую под огородами, еще считалась собственностью общины в целом.

К середине XX в. у дулун сохранились два вида общины. В одних общинах, где наиболее сильны были пережитки родовой структуры, земля не распределялась между составлявшими ее большими семьями. Большая семья здесь не всегда была еще основной хозяйственной ячейкой общества. Земледелие в горной Юньнани, ведшееся с помощью примитивных орудий, требовало совместных усилий численно значительных коллективов. Это вызывало необходимость экономических связей между большими семьями, составлявшими одну общину. В частности, в этих общинах существовала коллективная обработка земли — *байлайху*. Все члены сообща трудились, выполняя самые разнообразные работы. Организацию этих работ возглавлял старейшина общины. Но в общине дома, скот, сельскохозяйственные орудия являлись личной собственностью членов отдельных семей, покупались, про-

---

⁸ Баоцзя — название системы группировки дворов селения при круговой поручке в деревне. Такая система существовала в Китае со времени правления династии Юань до победы народной революции.

давались, обменивались. Эта личная собственность не превратилась еще в частную, ибо у южных дулун не было частного присвоения, не было прибавочного продукта; она была конкретной формой проявления коллективной собственности всей общины. В значительной мере такая форма общины близка родовой, но уже в той стадии, когда выделяются семьи.

Общины второго вида характеризовались наличием семейного владения (точнее, пользования) на участки земли, т. е. земля в них делилась на наделы, обрабатывавшиеся трудом членов отдельных больших семей. Но общинная собственность на эти наделы еще сохранялась. В таких общинах продолжала существовать родовая взаимопомощь, известная у лису под названием *вашуа*, а у ну — *мянба*. Она заключалась в том, что в период полевых работ семьи, которые в силу каких-либо причин были не в состоянии самостоятельно обработать свой надел, могли обращаться за помощью к сородичам. Те приходили на помощь и без всякой оплаты выполняли любую необходимую работу, не считаясь с затраченным временем. Хозяин дома был обязан только накормить пришедших ему на помощь селян, и на этом все расчеты заканчивались. У дулун (за исключением некоторых областей в северных районах их проживания) этот пережиток коллективного труда еще не нес в себе зачатков эксплуатации в силу крайне слабого имущественного расслоения.

Слабая дифференциация общины дулун прослеживалась в различных сторонах их жизни. У них известны два типа жилищ. На юге в деревнях преобладали длинные дома — жилища большой семьи, где каждая супружеская пара имела свое отдельное помещение. Обычно дом состоял из 8—10 и даже более таких помещений, следовавших анфиладой, с отдельным очагом для приготовления пищи в каждом. Деревни имели линейную планировку, между домами находился проход — улица.

Меньше были распространены (главным образом на севере) отдельные рубленые дома на невысоких деревянных сваях. В них жили преимущественно семьи старейшин, а также малые семьи там, где распад большой семьи зашел довольно далеко.

У дулун были два вида распределения урожая и потребления продуктов. В первом случае весь урожай, собранный общиной со своих полей, распределялся поровну по большим семьям и сохранялся в общих амбарах таких семей. Постояннаястряпуха готовила пищу и поровну распределяла ее между всеми членами этой семьи вне зависимости от пола и возраста (также поровну распределялось и мясо убитых на охоте животных). Во втором случае доля урожая, пришедшаяся на большую семью, разделялась поровну между всеми составлявшими ее супружескими парами и хранилась ими отдельно. В данном случае были два варианта потребления продуктов. В более глухих районах супружеские пары готовили пищу на всех членов большой семьи из своих

запасов по очереди. Кое-где индивидуальные семьи уже готовили пищу из своих запасов только для себя.

Первый способ потребления продуктов более архаичен, второй отражает различные степени разложения большой семьи, усиление процессов выделения малой семьи.

Как видно из вышеизложенного, архаичная (родовая) община у дулун обнаруживала признаки распада, вызванного прежде всего усилением контактов с более развитыми народами. Этот процесс был наиболее заметен у северных дулун. У них уже возник институт частной собственности, не игравшей, правда, еще значительной роли в их землевладении. Можно думать, что старейшины общин и вожди деревень получали большую долю урожая по сравнению с остальными сородичами или же имели иные источники пополнения продуктов, так как только у них хватало продовольствия до следующего урожая. «Там же, где между членами общины возникает более или менее значительное неравенство в распределении, это служит уже признаком начинающегося разложения общины».⁹ О начале разрушения родо-племенных связей в общине свидетельствует и то, что усыновление чужаков и даже дулун — выходцев из других родов — было уже не исключением, а общепризнанной практикой. Но процесс разложения родовой общины у дулун к середине XX в. не зашел еще достаточно далеко, в ходе этого процесса только начинали вызревать отношения, характерные для сельской общины.

Социальная организация у ну

У ну, как и у дулун, сохранились традиции родо-племенной организации. Но для ну было характерно сосуществование пережитков отцовского рода и развитой сельской общины. Деревня представляла собой поселение семей, ведущих происхождение от одного (или нескольких) родов. Так, в дер. Пулэ уезда Бицзян в 1954 г. насчитывалось 205 семей, принадлежащих к пяти генеалогическим родам. Роды нередко назывались именами животных: тигр, медведь, кабарга, змея, в чем можно видеть пережиток тотемизма.

К одному генеалогическому роду принадлежало 60—70 малых семей, объединявшихся в большие семьи. Возглавлялся такой род старейшиной — *ша*. Обычно на этот пост пожизненно избирался всеми родственными семьями наиболее уважаемый и авторитетный человек, храбрый, справедливый, мудрый. В его обязанности входило управление всей жизнью родственных семей, разрешение всевозможных конфликтов между сородичами, за что он получал от обеих сторон небольшие подарки. Он же возглавлял сородичей в стычках с врагами. Особых привилегий по срав-

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 151.

нению с остальными сородичами эша не имел. Наиболее важные решения его должны были быть одобрены собранием мужчин всех семей, относящихся к одному роду. Пост эша по наследству не передавался, и у ну в отличие от цзинпо не было определенной общественной прослойки, захватившей этот пост исключительно в свои руки. В то же время некоторые старейшины по мере развития института частной собственности и усиления возможности накапливать материальные блага старались использовать свое положение для личного обогащения. В 1930—1940 гг. многие старейшины были уже зажиточными людьми, нередко из их среды гоминьдановская администрация назначала начальников десятидворок. В последнем случае возможности для обогащения еще более усиливались, часть таких эша пыталась отстранить остальных сородичей от дел управления. В ряде случаев это им удавалось, иногда же завершалось их смещением.

В поселениях, где имелись семьи, представляющие несколько родов, единого верховного вождя формально не было (как не было и единой организации у всех ну в целом). На время войны деревня избирала верховного вождя (обычно им был старейшина самой сильной родственной группы), который после заключения мира слагал свои полномочия. В то же время наиболее уважаемый старейшина в такой большой деревне был, по сути дела, вождем поселения в целом в силу своего высокого авторитета.

К концу 1940-х годов, когда насаждавшаяся гоминьдановцами система баоцзя прочно укрепилась среди ну, когда в местах их расселения появились католические миссии, когда частная собственность подорвала общинное землевладение, положение старейшин также изменилось. Они потеряли свою главенствующую роль, перешедшую к начальникам баоцзя. В некоторых общинах после смерти эша новых старейшин не избирали. В течение первой половины XX в. прежняя традиционная структура постепенно заменялась организацией сельской общины, где главенствовали наиболее богатые общинники, среди которых было немало и старейшин. Это изменение общественных отношений в общине ну было следствием роста производительных сил, укрепления института частной собственности.

К середине XX столетия у ну существовали две формы земельной собственности: частная и коллективная. Причиной, обусловившей превращение коллективной собственности в частную, была появившаяся в результате роста производительных сил (введение плуга и т. д.) возможность парцеллярного труда как источника частного присвоения,¹⁰ а затем (что можно наблюдать в некоторых случаях у ну) и получения прибавочного продукта.

К середине XX в. в частной собственности у ну находилась значительная часть обрабатываемых земель (рисовое заливаемое

¹⁰ Там же, т. 19, стр. 419.

поле, участки богарной земли с обводнением, огороды), а также бамбуковые рощи и определенные участки в горах, где произрастают лекарственные растения.¹¹ К этому времени купля-продажа земли была распространена широко и уже стала привычным и законным явлением в обществе. Землю можно было продавать не только другим соплеменникам, но и иноплеменникам (главным образом лису), жившим в тех же деревнях.

Кроме этой категории земель, были земли, находившиеся в собственности коллектива. Это прежде всего пригодные для обработки пустоши, принадлежавшие группе родственных семей, а также земли, являвшиеся собственностью всего поселения-общины, находившиеся в горах, где пасли скот, заготавливали дрова, собирали лекарственные травы. Как уже упоминалось, деревня ну представляла собой поселение различных по происхождению семей, но в ней могли жить также и люди других национальностей. Так, из 205 дворов дер. Пулэ уезда Бицзян 188 — это семьи ну и только 17 дворов — лису. 188 семей ну принадлежало к пяти генеалогическим родам, каждый род владел пустошью, пригодной для обработки. Между такими пустошами существовали строго установленные границы, и пользоваться этими землями, принадлежавшими родственной группе семей, могли только сородичи.

Если у кого-нибудь появлялась необходимость и возможность обрабатывать большее количество земли, то он мог с согласия всех сородичей выбрать себе определенный участок пустоши из общей собственности. Урожай с этого участка, как и с земли, находившейся в частной собственности, принадлежал только ему. Участок переходил по наследству к детям или потомкам мужчины, первым начавшим его обработку. Формально такие наделы по-прежнему считались принадлежащими всей общине: их нельзя было ни продать, ни купить. Однако отсутствие переделов наряду с существованием права наследования участков бывшей пустоши свидетельствует о наступлении частной собственности и на данные общинные земли.

Постепенно, обрабатывая надел из года в год, передавая его по наследству, главы семьи начинали смотреть на него как на свою полную собственность. Община в целом тоже начинала смотреть на эту землю как на всецело принадлежащую такому-то по праву давнего пользования. Чтобы окончательно закрепить за собой подобный участок, но уже в качестве частной собственности, земледелец должен был уплатить своей родственной группе — прежней родовой общине — определенный выкуп. Земледелец договаривался со старейшиной и получал его предварительное согласие. Затем убивал свинью, готовил угощение и созывал всех членов общины на пиршество, во время которого уговаривал

¹¹ И Цюнь. Краткие сведения..., стр. 160.

их передать ему в частную собственность обрабатываемый им надел общественной земли. Если они соглашались, то участок переходил в частную собственность его фактического владельца. Если же качество земли было очень хорошим, то земледелец, помимо выкупа ее у сородичей (в виде угощения), должен был уплатить всей общине еще определенную сумму денег, распределенную между всеми семьями поровну.

В коллективной собственности всей общины-поселения, кроме остатков пустошей, принадлежавших родственным группам как подразделениям этой общины, к середине XX в. продолжали оставаться земли в горах, непригодные для обработки. Но эти формы коллективной собственности на землю у ну не были единственными. Существовала еще одна форма, которую по-китайски называют *гунгэн* (букв. «совместная обработка земли»). Это форма собственности, или точнее всего форма землепользования, при которой несколько семей совместно обрабатывали определенный участок, вносили для его засева в равном количестве семени и поровну между всеми семьями распределяли урожай. Но этим содержание термина не исчерпывается. Под *гунгэн*, помимо формы собственности, понимается также форма коллективного труда, форма производственной организации, а также сам надел земли члена данного объединения.¹²

У ну можно выделить два типа *гунгэн*, отражающих формы собственности. Первый тип — земли, находившиеся в коллективной собственности входящих в объединение семей (наиболее архаичной его формой является та, где существовали равный труд и равное распределение урожая). Второй тип — земли, образовавшиеся в результате объединения несколькими семьями своих наделов, находившихся в их частной собственности (и в этом случае продолжали сохраняться равный труд и равное распределение урожая). Имелись также *гунгэн*, которые можно считать переходными между двумя вышеуказанными типами.

Какова же была сущность *гунгэн*, их роль и место в социально-экономических отношениях ну? Обратимся к конкретным фактам. К сожалению, в нашем распоряжении нет сведений по всем поселениям ну, поэтому приходится обращаться к данным по отдельным селениям, собранным китайскими исследователями во время экспедиционной работы у ну.

К середине XX в. в дер. Чжицзыло уезда Бицзян насчитывалось 76 дворов (семей) ну. Из них 61 семья входила в объединения *гунгэн* и обрабатывала 27.5% всех пахотных земель деревни. Анализ *гунгэн* будет более ясен, если предварительно остановиться на распределении земли в деревне между ее жителями.

---

¹² Ю. И. Журавлев. Тибетские народности..., стр. 77.

Исходя из количества земли, находившейся в частной собственности одной семьи, все население дер. Чжицзыло можно было примерно подразделить на три общественные группы, которые условно называют «богатые земледельцы», «закиточные земледельцы», «бедняки». Распределение пахотных земель, находившихся во владении этих трех общественных групп, лучше всего видно из табл. 1.

Таблица 1

Общественная группа	Число дворов	Общая численность семей группы (чел.)	Размер землевладения			Общее количество постоянно обрабатываемой пахотной земли
			заливаемые поля	поля, обрабатываемые плугом	поля, обрабатываемые мотыгой	
Богатые земледельцы	2	15	9.5	24	3.5	37
Закиточные земледельцы	25	123	29	226.5	51.5	307
Бедняки	49	198	19.3	200.5	46	265.8
Итого	76	336	57.8	451	101	609.8

Примечание. Размер обрабатываемой земли дается в цзя (1 цзя = 2 му = 0.32 га).

Данные таблицы подтверждают существование в деревне имущественного расслоения. Если на одного человека в семьях богатых земледельцев приходилось 2.4 цзя всей частнособственнической пахотной земли, то в бедных семьях — только 1.3 цзя. Две семьи в деревне имели почти 6% всех пахотных полей, находившихся в частной собственности. Но основным владельцем земли была довольно значительная (почти 37% всего населения) группа закиточных земледельцев.

Интересно распределение земель, обрабатывавшихся по системе гунгэн (табл. 2).

Таким образом, объединения гунгэн охватывали прежде всего более состоятельные слои населения деревни. Почему? Не было ли для таких крестьян участие в гунгэн возможностью увеличить свою долю дохода от общего урожая со всех пахотных земель деревни? Ответ на это можно получить при исследовании взаимоотношений членов гунгэн.

Система связей внутри гунгэн была очень сложной. Достаточно сказать, что в Чжицзыло существовало 108 объединений гунгэн, созданных 61 семьей. Это означает, что одна семья могла входить в несколько гунгэн. В таком случае земля, которой пользовалась одна семья, за исключением участка, находивше-

Таблица 2

Общественная группа	Число дворов, входящих в гунгэн	Процент от общественной группы	Общий размер наделов в гунгэн (цзя)				Процент от всех земель
			заливаемые поля	поля, обрабатываемые плугом	поля, обрабатываемые мотыгой	всего	
Богатые земледельцы	2	100	4	9	—	7.7	13
Зажиточные земледельцы	25	100	10.35	65	3.5	47.	78.15
Бедняки	34	79.5	5.35	67.7	2.75	45.2	75.8
Итого	61		19.7	141.7	6.25	99.9	

гося в ее частной собственности и возделывавшегося трудом членов данной семьи, входила в несколько гунгэн и обрабатывалась совместно всеми членами этих объединений. Члены одной семьи в Чжицзыло участвовали одновременно самое большое в девяти гунгэн. Число семей, объединявшихся в один гунгэн, также было различно — от трех до десяти (табл. 3).

Таблица 3

	Богатые земледельцы	Зажиточные земледельцы	Бедняки	Всего
Семьи, участвующие:				
в 1 гунгэн	—	3	10	13
» 2 »	—	2	7	9
» 3 »	—	5	8	13
» 4 »	—	2	5	7
» 5 »	1	4	3	8
» 6 »	—	5	—	5
» 7 »	1	1	1	3
» 8 »	—	1	—	1
» 9 »	—	2	—	2

Материалы табл. 3 свидетельствуют о том, что в большем числе гунгэн участвовали более обеспеченные семьи. Эти семьи, по-видимому, уже имели какое-то право на часть надела других семей, входящих с ними в одно объединение. Не является ли вступление в гунгэн способом для увеличения земель богатых земледельцев за счет постепенного обезземеливания менее сильных в экономическом отношении крестьян ну?

В пользу этого говорит тот факт, что подавляющая масса гунгэн (почти 79%) — объединения двух семей. На какой основе они объединяются? Что вызвало данный союз? Не является ли он следствием того, что одна из семей в силу каких-либо затруднений была вынуждена расстаться с частью принадлежавшей ей земли?

Выше говорилось о двух типах гунгэн: основанном на коллективном землевладении (более древнем) и на объединении участков земли с сохранением частной собственности на них. Рассмотрим их последовательно.

Гунгэн, основанные на коллективном землевладении. Таких объединений в первой половине XX в. было три.

1. Примерно половину гунгэн этой категории в дер. Чжицзыло составляли объединения кровных родственников (по отцу). Например, после женитьбы брата Лао и Лаоци стали жить по обычаю своими семьями. Большую часть выделенных им отцом земель они поделили, но участок в 3 цзя, лежавший на берегу реки, вдалеке от дома, обрабатывали по системе гунгэн, вкладывая поровну труд, семена, поровну же деля и урожай. Естественно, что никакого учета вложенного труда здесь не существовало.

Если данное объединение возникло из-за трудности обработки далеко расположенного участка (чем больше людей в гунгэн, тем легче обработать надел), то другие гунгэн данной категории возникали по сходным причинам. В основном объединения гунгэн работали на таких землях, которые трудно было обработать силами членов только одной семьи с помощью тех примитивных орудий, какими располагали ну. Это были, как правило, земли далеко лежащие, расположенные на слишком крутых склонах гор и т. п. Пережиток коллективного труда на общих землях консервировался в силу отсталости прежде всего средств производства.

2. На коллективном землевладении основаны и гунгэн, возникшие в результате покупки земли у общины или представителей других народностей на объединенный капитал нескольких семей. В данном случае семьи являлись коллективным собственником приобретенной земли, совместно на ней работали и поровну распределяли урожай. В середине XX в. гунгэн, возникшие в результате покупки земли, увеличились и к рассматриваемому периоду составляли, например в дер. Чжицзыло, около $\frac{1}{3}$ всех гунгэн. Это явление свидетельствует о низком уровне развития производительных сил у ну, о экономической немощи отдельной семьи.

3. К данной же категории можно отнести гунгэн, возникшие в результате объединения нескольких семей с целью обработки пустоши, принадлежавшей общине. Участок возделанной пустоши с течением времени становился коллективной собствен-

ностью объединявшихся в гунгэн семей. По-видимому, это наиболее древняя форма гунгэн. К середине XX в. она, однако, стала быстро исчезать и уже составляла примерно $\frac{1}{10}$ от общего числа таких объединений. Тем не менее живучесть старых традиций проявлялась в данный период. Так, несмотря на развитие частной собственности на землю, на переход в полную собственность отдельных лиц участков пустоши и невозделываемых земель, принадлежавших общине, их владелец мог входить в гунгэн и передавать данному объединению свою пустошь для обработки, полностью сохраняя при этом свои права на нее. Владелец мог также выйти из объединения, взяв свою землю и, таким образом, развалив гунгэн. Последний пример можно рассматривать как иллюстрацию к тому синтезу частнособственнических отношений, пережитков общинной собственности и коллективного труда, который существовал у ну к середине XX в.

Гунгэн, основанные на объединении наделов, являвшихся частной собственностью. Этот тип гунгэн представляет как бы дальнейшее развитие данных объединений в условиях укрепления и расширения частной собственности на землю. Организация его показывает, как и какими путями частная собственность на землю укреплялась, подгачивала и, постепенно вытесняя, заменяла коллективное землевладение.

Основным признаком таких гунгэн было существование отношений взаимопомощи при сохранении частной собственности на наделы земли, обрабатывавшейся их членами. Пути образования этих объединений прослеживаются на следующих примерах.

1. У ну очень дорогими были жертвоприношения духам по случаю женитьбы, смерти. Дороги были и связанные с важными событиями в жизни человека обряды и церемонии. Нередко земледельцы были вынуждены для покрытия расходов продавать часть своей земли. Часто в этом случае покупатель и продавец не разделяли землю, а продолжали ее совместно обрабатывать, создавая гунгэн. Урожай они делили поровну.

2. Аналогичны были гунгэн, созданные родственниками по браку. Расходы, связанные с заключением брака, также были очень велики. Обязательным свадебным подарком семье невесты являлся бык. Но часто бедные семьи, не имея денег на его покупку, использовали в качестве свадебного подарка часть своего поля. Обе семьи совместно обрабатывали это поле, деля урожай поровну. Подобное положение возникало и тогда, когда одна семья уступала часть земли другой в качестве приданого невесте.

3. К этому же типу гунгэн можно отнести и такую форму объединения: семья земледельца, имевшего много земли, нередко была не в состоянии обработать ее только своими силами, тогда на части земель создавали гунгэн с малоземельными, но большими семьями. Частная собственность первой семьи на всю землю здесь сохранялась, а вторая семья, как бы арендующая

эту землю, расплачивалась фактически только своим трудом, ибо хозяева земли работали в подобном объединении далеко нерегулярно. Но урожай по-прежнему делили поровну. Эта форма гунгэн обнаруживает зачатки сдачи земли в аренду, найма рабочей силы и свидетельствует о существовании четкого имущественного неравенства в общине ну к середине XX в.

Рассмотрение типов и конкретных форм гунгэн позволяет утверждать, что гунгэн у ну к середине XX в. стал уже в основном формой отчуждения земли, продажи ее.

Следующий важный вопрос — взаимоотношения членов гунгэн, их реальное место в данной системе землепользования и организации труда. Вернемся к таблицам 1—3.

Две семьи богатых земледельцев в дер. Чжицзыло обрабатывали 37 цзя частнособственнической земли, из них 13 цзя (почти 36%) — по системе гунгэн. В то же время одна из семей участвовала в пяти гунгэн, а вторая — даже в семи. Все данные гунгэн представляли объединения двух семей, т. е. богатые земледельцы купили часть земель у крестьян и стали обрабатывать их, не отделяя, по системе гунгэн. Богатые земледельцы имели в силу этого сравнительно много земли и, естественно, не могли работать во всех гунгэн, куда они входили, в достаточной и одинаковой с остальными участниками объединений степени, поэтому здесь уже не приходится говорить о равенстве. Поскольку урожай в таких гунгэн делили поровну, то фактически уже существовала эксплуатация в специфической форме богатыми земледельцами своих партнеров по объединению. Так институт первобытного общества — коллективная работа и равное распределение продуктов — по мере развития частной собственности на землю, усиления купли-продажи земли наполнялся новым содержанием. Под сохранившейся старой первобытнообщинной оболочкой возникали, вызревали отношения раннеклассового общества.

Процесс выделения более зажиточных семей из основной массы общинников осуществлялся и в других формах. Из-за широкого распространения купли-продажи земли в гунгэн, основанных на коллективной собственности на землю, нередко происходило следующее. Один из участников решал по каким-либо соображениям продать свой пай в гунгэн, право на владение которым получил, обрабатывая его в течение какого-то времени. Пай покупал другой участник этого объединения и становился собственником двух паев. После совершения купли-продажи надел уже как бы официально переходил в частную собственность. Поскольку во всех гунгэн распределение урожая происходило поровну, но по числу первоначальных наделов, то покупатель при той же затрате труда получал уже две доли урожая. Например, в дер. Чжицзыло восемь семей на сложенные деньги выкупили участок земли общины, и он стал их коллективной собствен-

ностью. Члены гунгэн трудились вместе, поровну вносили семена, урожай также делили поровну, на 8 частей (по числу паделов). Спустя некоторое время три семьи этого гунгэн сообща продали свои наделы двум другим семьям ну, не входившим прежде в это объединение. Несмотря на то что семей в гунгэн стало семь, урожай по-прежнему делили на 8 частей, и две вновь принятые семьи стали получать по 1.5 доли урожая. Эти семьи стали давать зерно для посева более одной доли, но в силу обычая трудились в равной мере со всеми.

Другой пример наглядно иллюстрирует, как именно совершались подобные расчеты между членами гунгэн. В одной из деревень уезда Гушань три семьи ну — Пуцзя, Ваяо и Лату, — принадлежавшие к одному генеалогическому роду, сообща владели участком орошаемой земли и в течение долгого времени совместно его обрабатывали. Затем состав гунгэн расширился: в него приняли еще три семьи — сородича Мэйцянь, лису Гоцзэ и дулун Тоньяньпа, — наделив их равными с основными участниками паями земли (т. е. произведя передел). Силами этих шести семей удалось создать оросительную систему; обводненная земля стала давать больший урожай, который делили строго поровну, на 6 частей. Затем лису Гоцзэ захотел выйти из гунгэн, взяв свой надел земли, уже считавшийся его собственностью. В силу традиции он устроил в виде компенсации за изъятие своего надела для остальных пяти семей угощение, состоявшее из отварного риса, свинины, вина. Позже и Мэйцянь вышел из объединения, также взяв свой пай земли. Лату, выдав замуж дочь, передал свой надел орошаемого поля зятю Цзяшэн в виде приданого. Тот в свою очередь половину полученного надела обменял на зерно у лису Баоэцянь. Процесс дробления поля продолжался и в дальнейшем.

Таким образом, процесс перехода общинных земель у ну в частную собственность шел непрерывно. Частнособственническое начало разъедало и гунгэн, эту корруптированную и противоречивую форму коллективного землевладения и землепользования. Оно проникало туда разными путями, порождая начало эксплуатации.

Институт гунгэн был пережитком коллективной собственности общины на землю, пережитком системы общего труда сородичей на поля рода.

Общинная собственность на пахотные земли сменилась у ну частной собственностью и своеобразной формой коллективной собственности — собственностью уже только нескольких членов общины на часть ее пахотных земель. В таких объединениях сохранялись коллективные формы труда, бывшие некогда господствовавшими во всей общине. Но в силу своей внутренней противоречивости и эта форма коллективной собственности была непрочна. Даже в гунгэн, основанных на коллективной собствен-

ности на всю землю в целом, уже можно было передавать по наследству наделы земли и даже уступать их другим лицам за известное вознаграждение.

Гунгэн — явление, возникшее в переходный период (распад родовой общины и возникновение сельской общины), несущее в себе как черты старых, первобытнообщинных, так и новых общественных отношений, характерных для начального этапа возникновения раннеклассового общества. Например, в этой же дер. Чжицзыло в 108 гунгэн 90 семей владели равными наделами земли, сообща работали и поровну делили урожай. В 18 же объединениях семьи владели разным количеством паев земли. Поскольку урожай и здесь по-прежнему делили поровну, по наделам, то здесь уже имело место зарождение эксплуатации. Первобытнообщинный институт становился формой, в которой зрели, набирали силу ростки раннефеодальных отношений.

В сельской общине ну сохранялись пережитки родовой общины (в частности, существование собственности группы родственных семей на пригодную для обработки землю). В то же время земля в горах, непригодная для земледелия, в основном принадлежала сельской общине в целом, объединявшей все различные родственные группы семей селения.

Хотя в начале XX в. самостоятельной производственной ячейкой стала малая семья, однако она еще слаба, и в целом ряде случаев поэтому было необходимо сохранение коллективного труда (при создании оросительной системы, подъеме целины, обработке горных склонов и т. п.). Значительную роль также играли и тысячелетние традиции коллективного труда. Данные причины обусловили сохранение гунгэн, который тем не менее неуклонно претерпевал трансформацию — от подлинного института первобытного общества до оболочки, скрывающей раннефеодальные отношения, зачатки эксплуатации. Точно так же изменялись и общественные отношения у ну. В возникшей сельской общине шел процесс замены родственных связей территориальными, что объясняло появление в деревнях ну лиц иных родственных групп и иной национальности — лису, дулун. Они уже могли быть и были равноправными членами общины. В то же время для сельской общины ну характерно сохранение деревень, состоящих в основном из сородичей. Географическая изолированность способствовала консервации всего уклада жизни этой народности. И здесь мы сталкиваемся со специфической формой сельской общины, где родственные связи не были целиком заменены территориальными, а проявлялись как действующий фактор во многих сторонах повседневной жизни.

Сельская община у ну представляла собой организацию, состоявшую обычно из нескольких групп родственных семей, происходивших от одного мужского предка, связанных между собой

определенными хозяйственными связями. Соседские связи здесь переплетались с родовыми традициями. К сожалению, на настоящем уровне наших знаний этнографии ну исследовать переплетение связей не представляется возможным.

Поселение в общине ну лиц других национальностей способствовало распаду сельской общины. Процесс феодализации общества ну ускоряло то обстоятельство, что ну соседствовали с народностями, где были развиты феодальные отношения, и что среди ну жили помещики из лису, бай, наси, угнетавшие и эксплуатировавшие их. При всех данных обстоятельствах процесс становления феодальных отношений у ну (особенно в северных районах их расселения) шел довольно быстро, хотя к 1949 г. феодальные производственные отношения не успели еще стать господствующими в их обществе.

В этой связи рассмотрим формы, в которые облекалась зародившаяся эксплуатация у ну к середине XX в. Здесь имеет смысл обратиться еще раз к анализу имущественного положения ну, сделанному с учетом распределения земли и тяглогового скота между различными социальными категориями на примере деревень Чжицзыло и Пулэ уезда Бицзян (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

	Богатые земледельцы	Зажиточные земледельцы	Бедняки	Всего	
Число семей в деревнях	3	98	180	281	
Число членов в семьях	22	447	763	1232	
Число трудоспособных в семьях	10	298	467	775	
Пахотная земля, находящаяся в частной собственности (цзя)					
Заливаемые поля	13.5	110.1	86.1	209.7	
Поля, обрабатываемые плугом	57	829	665.5	1551	
Поля, обрабатываемые мотыгой	3	137	179.5	319.5	
Итого земли {	обрабатываемой	73.5	1076.1	931.1	2080.7
	в среднем на одну семью	24.5	10.9	5.2	7.4
	в среднем на одного человека	3.3	2.4	1.2	1.68
Тягловый скот					
Количество голов	21	223	132	376	
Итого в среднем на одну семью	7	2.2	0.7	1.3	

Две из трех семей богатых земледельцев во времена гоминьдановского режима поставляли начальников баоцзя и именно в то время смогли еще больше обогатиться. Не имея возможности только своим трудом обработать принадлежавшую им землю, эти семьи прибегали к найму батраков во время полевой страды или же, что было более распространено, обращались к системе *мянба*.

Мянба — обычай взаимомощи. Он широко сохранился у ну от времен коллективного труда при родовой общине. К мянба систематически обращались обычно богатые земледельцы и верхушка зажиточных общинников, ибо у более бедной части населения земли было столько, сколько она вполне могла возделывать своими силами. Бедняки, работавшие на полях своих односельчан в силу обычая мянба, уже фактически эксплуатировались, так как богатые и зажиточные семьи, принимавшие участие в других мянба, отдавали неизмеримо меньшее количество своего труда. Это еще один пример того, как институт первобытнообщинного строя наполняется новым содержанием и, сохраняя свою прежнюю форму, приобретает иную сущность.

Богатые ну и верхушка зажиточной категории семей прибегала и к другим методам эксплуатации чужого труда.

Бедняки прежде иногда были вынуждены продавать детей — почти исключительно девочек — в богатые семьи. За девочку в возрасте 13—14 лет платили сумму, равную стоимости одного быка. Некоторые семьи имели по несколько девочек, труд которых использовали в своем хозяйстве. Дети находились фактически на положении патриархальных рабов, их продавали и покупали. Спустя несколько лет хозяева могли выдать их замуж, получив за них несколько голов скота. Хозяин мог также выделить работнице надел земли. Но в этом случае связи девушки с семьей хозяина сохранялись, и время от времени она должна была приходить в дом своего бывшего хозяина и помогать в различных работах.

Вышеуказанные формы эксплуатации распространялись довольно широко. Наемный труд не имел еще сколько-нибудь большого значения в хозяйстве, хотя и использовался как на короткий, так и на длительный срок.

На длительный срок нанимались в основном холостяки. Ни определенной формы, ни установленной оплаты их труда не существовало. Хозяева рассчитывались с работниками по-разному. После нескольких лет работы хозяин давал работнику в жены девушку (из числа купленных). Хозяин имел право также оставить работнику часть времени для того, чтобы тот мог возделывать небольшой клочок земли, бывший у него в частной собственности, собирать в горах лекарственные травы, подрабатывать в качестве носильщика и т. п. Все доходы от последних занятий поступали в полную собственность работника, и это было

как бы своеобразной формой расчета между ним и хозяином. Труд же на хозяина обеспечивал работнику питание в течение всего срока найма, что в условиях исключительно низкого уровня жизни у ну в прошлом являлось немаловажным обстоятельством. Таким же по существу был найм работников на короткий срок, причем в данном случае устанавливалась определенная плата за день работы, равная примерно 800 г кукурузы. К найму работников прибегали только богатые и верхушка зажиточных слоев деревни ну.

Сдача земли в аренду была развита у ну также очень слабо. Нередко пережитки первобытнообщинных отношений сказывались и тут: если имелся излишек земли, который общинник не мог обработать, то он одалживал его нуждавшимся в земле друзьям или родственникам для обработки без какой-либо оплаты.

В тех же случаях, когда землевладелец сдавал в аренду часть своего падела, он предоставлял и семена для посева. Арендатор выполнял все работы по обработке земли. На уборке урожая землевладелец и арендатор трудились совместно, но последний получал значительно меньшую долю урожая ($\frac{1}{4}$, $\frac{1}{6}$). Аренда земли получила у ну известное распространение только за последние годы перед образованием КНР в результате постороннего влияния.

С появлением среди ну помещиков из китайцев и бай получило распространение ростовщичество. Процент займов был высок. Разоряясь, ну нередко теряли свои земли, превращались в арендаторов или же покидали деревни, уходя работать носильщиками и т. п.

Возможность присвоения чужого труда существовала у ну и еще в одной форме — в виде своеобразной аренды скота. Если у земледельца не было коровы или свиньи и не было средств купить молодяка, то он мог взять скот у богатых ну на прокорм. Приплод от таких животных делили пополам (или же по соглашению), и после этого корову или свинью возвращали ее владельцу. Другая форма — откорм скота (главным образом свиней) на убой. После убоя выкормленной свиньи мясо ее делили поровну между хозяином поросенка и выкормившим его общинником. Последний сверх этого получал также голову, копыта и внутренности убитого животного.

Рассмотренный материал показывает, что в сельской общине ну начинался процесс выделения богатых земледельцев и деревенских старейшин из массы рядовых общинников, появились возможности для присвоения чужого труда в той или иной форме, но говорить о возникновении классового общества у ну (даже в северных, более развитых в этом отношении районах их расселения) к 1949 г. не приходится. В социальной организации ну не было института, позволявшего бы меньшинству держать в подчинении большинство.

У ну сохранялись некоторые институты прошлого — родовая организация во главе со старейшинами, собрания взрослых членов родственных семей для решения важных дел, организация гунгэн, обычай мяньба, обычай одалживания бесплатно земли для обработки и т. д. Наличие всех этих институтов могло бы создать впечатление о сохранении у ну первобытнообщинных отношений. Но на самом деле здесь мы встречаемся с довольно распространенным явлением, когда форма оказывается более живучей, чем явление в целом. Старая оболочка наполнилась новым содержанием, и демократические прежде обычаи служили теперь диаметрально противоположным целям — они были своеобразной формой эксплуатации чужого труда.

Роль катализатора в ускорении общественного развития у ну сыграло усиление контактов с соседними более развитыми народами — бай, наси, лису, китайцами.

«Если германцы за 150 лет ... перешли от совместной обработки земли ... к обработке отдельными семьями с ежегодным переделом земли, то это действительно значительный прогресс; переход от совместной обработки земли к полной частной собственности на землю за такой короткий промежуток времени и без всякого вмешательства извне представляется просто невозможным».¹³ Именно благодаря этому «вмешательству извне» (в виде известных контактов с соседями, деятельности гоминьдановской администрации и т. п.) сельская община ну не была стойкой организацией и вскоре после возникновения начала обнаруживать признаки распада. Процесс перехода общинных земель в частную собственность в XX в. шел очень быстро. Ему соответствовало и убыстрявшееся расслоение общинников. Однако имущественное расслоение еще не есть расслоение классовое. Ну стояли на пути создания антагонистического классового общества, но этот процесс не был завершен. Тем не менее анализ социально-экономических отношений у ну позволяет вскрыть механизм и пути вызревания классовых отношений на обломках первобытнообщинного строя в конкретных исторических условиях Юго-Западного Китая к середине XX в.

Если для общины ну было характерно резкое преобладание частнособственнического начала над общинной собственностью, то в общине дулун наблюдалась обратная картина.

При рассмотрении социально-экономических отношений у дулун и ну прослеживается процесс постепенного перехода от первобытнообщинных к зарождению раннеклассовых отношений. Ни ну, ни тем более дулун не дошли до создания классового общества. Но их уровень общественного развития был различным. Если родовая община южных дулун только начала разлагаться к середине XX в., то у ну уже существовала сельская община с ее дуализмом частной и коллективной собственности.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 139.

Социальная организация тайских народов Вьетнама

Тайские народы во Вьетнаме по численности занимают второе место. Первое принадлежит вьетам. К тайским народам относятся тай (504 тыс.), тхай (386 тыс.), пунг (314 тыс.), нянг (14 тыс.), лао (3.4 тыс.), као-лан (2.7 тыс.), лы (1.2 тыс.), чжуан (тхулао, пази, фула, тузи — около 5 тыс. человек).¹ Все они расселены в горных районах Северного и Центрального Вьетнама вдоль вьетнамо-китайской и вьетнамо-лаосской границ, от провинции Хайнинь на востоке до провинции Куангбинь на юге, и составляют существенную часть населения двух автономных районов: Вьетбак и Тэйбак. Река Красная (Хонгха) является не только естественной границей этих двух районов, но и в определенной степени этническим рубежом: к востоку от нее живет основная масса тай, нунгов, нянгов и чжуанов, тогда как к западу — тхай, лао и лы. Тай, тхай и нунги представляют собой ядро тайских народов.

Языки всей тайской группы в своей основе взаимопонимаемы и входят в китайско-тибетскую семью. В последние годы многие вьетнамские этнографы рассматривают тай, тхай и нунгов как единый народ, и такая точка зрения, по нашему мнению, не лишена рациональной основы. Ле Ван в статье «Исследование об историческом происхождении тай, нунгов и тхай Вьетнама» пишет, что эти три народа говорят на одном тхайском языке, формировались в единых исторических условиях и обладают специфическими чертами культуры.²

Признавая историческое единство данных групп и прежде всего тай и тхай, этнографы ДРВ тем не менее отделяют их в этнолингвистической таблице народов Вьетнама и своих исследованиях. Такое деление основано, как нам представляется, на определенных языковых и культурных отличиях, в частности, на

---

¹ Данные взяты из кн.: Численность и расселение народов мира. М., 1962.

² Lê Văn. Tìm hiểu về nguồn gốc lịch sử của người Tày, Nùng, Thái ở Việt-nam. Dân tộc, 1964, № 43, tr. 31.

том, что тхай имеют свою палийскую письменность, а тай и нунги — недавно введенную письменность на латинской основе. Тай и тхай разнятся некоторыми обычаями, женской одеждой и рядом других элементов материальной и духовной культуры. Однако общего у них гораздо больше: сходные типы хозяйства, занятий, общественного устройства.

Известно, что термины *тай* и *тхай* едины, имеют одинаковое значение «равный» и отличаются лишь диалектальным произношением. Тхай обычно выражают удивление, почему их не называют тай, считая это название более правильным применительно к себе. Вьетнамская феодальная верхушка и колонизаторы, проводя политику «разделяй и властвуй», ввели в обиход особый термин — *тхо* («туземец»). Долгое время слово «тхо» употреблялось во французской этнографической литературе как этноним для тай северо-восточного Вьетнама, к чему, разумеется, нет никаких оснований. Миграции тай продолжались многие столетия и завершились в основном к XIII—XIV вв. н. э.

Нунги, составляющие часть чжуанов, пришли во Вьетнам из южного района провинции Гуанси в поисках незанятых пахотных земель приблизительно в X в.; последующие волны нунгских переселенцев расселились на территории Северного Вьетнама в XVI—XVII вв. в области Куанггуен (современный уезд Куангуйен провинции Каобанг). До сих пор отдельные группы нунгов сохраняют названия прежних мест жительства, как например *нунг фан-синь*, родина их была в Ван-тхань; *нунг тьяо*, вышедшие из местности Лонгтяу; *нунг лой* — из Халой; *нунг куй-жин* — из Куйтхуан и т. п.³

В XVI в. от яо Гуандуна и Гуанси отделилась группа, которая после переселения во Вьетнам стала называться *ман каолан*, т. е. «люди, живущие в свайных домах». Каоланы (санги, сангтой или сангъяй) поселились среди тай в провинциях Туйенкуанг, Футхо, Тхайнгуен, Виньфук, Йенбай и Хабак.⁴

Мелкие, от нескольких десятков до нескольких сотен человек, группы чжуанов (тхулао, пази, фула, тузи) пришли во Вьетнам в конце XIX—начале XX в. Среди тай осели и представители различных национальных меньшинств, бежавших из Южного Китая в период отступления гоминьдановских войск в 1949 г.

До Августовской революции 1945 г. и образования Демократической Республики Вьетнам тайские народы находились на более высокой ступени хозяйственного и культурного развития, нежели их соседи, за исключением, конечно, вьетов и отдельных групп хоакьеу, являющихся по происхождению китайцами из Южного Китая. В этом, несомненно, сыграли свою роль истори-

³ Там же, стр. 32.

⁴ *Chu-quang-Trú. Trở lại vấn đề nguồn gốc lịch sử Cao-lan. Dân tộc*, 1964, № 45, tr. 56-58.

ческий и географический факторы: сравнительно ранние миграции многочисленных и, очевидно, хорошо осознававших свое этническое единство племен, которые в ходе продвижения по территории Северного Вьетнама захватывали наиболее удобные для обработки земли, вытесняя в горы или просто истребляя древнемонское население, в частности са и пуок. Достигнув равнинных районов дельты р. Хонгха, заселенных вьетами, тай были вынуждены окончательно осесть в предгорьях и небольших речных долинах.

В течение сотен лет тай приобрели значительный опыт заливного земледелия, особенно создания террас, обводняемых при помощи каналов и систем бамбуковых водопроводов. На горных реках они возводили плотины, устанавливали водоподъемные колеса и рисорушки. Относительно высокая техника земледелия позволяла им выращивать довольно хорошие урожаи крахмалистого и клейкого риса, кукурузы, батата, маниоки, бобовых и т. п. Значительного развития достигло культивирование фруктов и технических растений: хлопка, чая, корицы, аниса и масличных культур. Животноводство (особенно разведение буйволов) давало возможность не только обеспечить свои потребности, но и поставлять тягловый скот жителям равнинных районов. Ремесленное производство не было отделено от земледелия, но, оставаясь на уровне домашних занятий, оно в значительной степени удовлетворяло нужды как самих тай, так и соседних горных народов. Торговля осуществлялась посредством товарообмена на междеревенских базарах или через торговцев-посредников из вьетов и хоакьюе.

Политика французских колонизаторов, установивших монополию на торговлю отдельными видами товаров, тормозила развитие тайской экономики.

В целом в областях, населенных тай, процесс хозяйственного развития шел неравномерно и неодинаково: в районах, соседних с вьетскими территориями, и местах, где имелись удобные пути сообщения, уровень экономики был значительно выше, чем в отдаленных горных местностях. В горах недостаток площадей для культивирования заливного риса привел к подсечно-огневому земледелию, т. е. к сохранению одной из наиболее отсталых форм хозяйства. Застойный характер производительных сил, необходимость коллективных усилий в возделывании пашни и ирригации, разбросанность и изолированность поселений и, наконец, бытование пережитков родовых отношений внутри отдельных тайских групп — все это в конечном счете определило состояние производственных отношений, сложившихся у тай ко времени революционных событий 1945 г.

Вопрос о том, когда и в каких условиях начался процесс классовобразования, требует специального изучения. Но несомненно, что уже в X в. в недрах тайского общества отчетливо

оформилась господствующая прослойка из родо-племенных вождей, противостоящая свободным общинникам и экономически зависимым слоям населения. В определенные периоды истории власть некоторых из таких вождей распространилась на обширные территории, занятые различными этническими группами. Известно, например, что в 40-х годах XI в. глава одного из чжуанских племен Нун Чжигао (вьетнамское произношение: Нунг-чи-Као) встал во главе чжуан-тайского племенного объединения и поднял восстание против китайской династии Тан и вьетнамской династии Ли. За короткий период в ходе восстания Нун Чжигао сумел не только сплотить тайское население, распространить свою власть над горными районами Северного Вьетнама и Южного Китая, но даже объявить о создании государства Дайнам («Великий Юг»). До сих пор нунги, тай и тхай чтят память Нун Чжигао, рассматривая его как прямого потомка их прародителей и национального героя, а родовая ветвь, из которой вышел этот вождь, считается старшей и наиболее уважаемой.

После подавления национального движения в 1075 г. была проведена первая официальная демаркация вьетнамо-китайской границы, что не могло не сказаться на определенном национальном размежевании. С этого времени, как отмечает Ле Ван,⁵ различия между чжуанцами, тай и нунгами стали проявляться более резко и одновременно стало усиливаться политическое, экономическое и культурное влияние в одних районах китайцев, в других — вьетов.

Династия Ли в целях упрочения своего господства над народами Северного Вьетнама учредила институты *тхоти*, т. е. управление посредством богатых племенных вождей, которым жаловались титулы и чиновничьи должности, и *куанов* (тайск. *куанг*) — управление посредством вьетских сановников. Однако в отличие от китайского двора династия Ли направляла в пограничные горные районы не провинившихся сановников, а, напротив, заслуженных лиц из числа аристократии и даже членов королевской семьи. Они получали в наследственное владение земли, основывали поселения и сторожевые посты, расчищали под пахоту джунгли и т. п. Главное, что от них требовал королевский двор, как от вассалов, — это поддержание порядка, подавление народных волнений, охрана границ от нашествий вражеских войск и разбойничьих шаек, сборы и доставка дани. С течением времени семьи вьетских правителей настолько ассимилировались, что не только воспринимали тайский образ жизни, язык и обычаи, но сами переставали считать себя вьетами.

Таким образом, высшую прослойку тайского общества на северо-востоке Вьетнама составляли тхоти и куанги. В северо-западной части страны существовал аналогичный институт —

⁵ L ê - V ă n. T ì m. . . , p. 33.

фиатао. Если в начальный период функционирования институтов тхоти и куангов между ними и отмечалось некоторое различие (прежде всего по национальному признаку и семейно-родовым связям), то к периоду упадка этих институтов (начало XX в.) его уже не было.

Под непосредственным господством тхоти и куангов тай, нунги и другие народы Северного Вьетнама находились около 900 лет. Каждый тхоти владел округом, на население которого распространялась его неограниченная власть. До XI в. эта власть осуществлялась как выражение наследственного права на родовую землю предков, а следовательно, и на населявших ее жителей. Реальное имущественное неравенство (обычно семья такого потомка племенного или родового вождя была наиболее богатой и многочисленной) давало возможность под покровом патриархальности эксплуатировать соплеменников, считавших своим долгом оказывать повиновение.

К началу французской колониальной экспансии во Вьетнам тхоти, куанги и фиатао представляли надежную опору вьетнамской абсолютистской монархии в периферийных областях страны.

Тхоти сосредоточивали в своих руках всю полноту политической, юридической, административной, военной и экономической власти. Сами являясь крупными земельными собственниками, тхоти в то же время контролировали и распределяли общинные земли и общественные работы. Колониальные чиновники продолжили политику вьетнамской монархии, сохранив за тхоти все права и привилегии, кроме руководства военными делами.

Во Вьетнаке, в областях, заселенных главным образом тай и нунгами, наибольшим влиянием пользовались аристократические семьи тайского, нунгского и вьетского происхождения: Ви, Нунг, Нгуен, Хоанг, Ха, Бе, Нонг и Ма, господство которых распространялось на районы провинций Лангшон, Каобанг, Туенкуанг и Хазянг. По феодально-чиновничьему регламенту, действовавшему во Вьетнаме, крупный тхоти удостаивался титула *куанконг* (т. е. мандарина II класса, наместника короля) и получал в пожалование целую горную область — *тяу*. Тхоти, стоявшие ступенью ниже, носили титул *хау* или *ба* и управляли волостями; мелкие тхоти получали титулы *ты* или *нам* и власть над общинами. В соответствии с рангами определялись и уделы, находившиеся на откупе у тхоти в качестве вознаграждения за несение службы: от нескольких десятков до двух-трех сотен мау. В пожалованных землях тхоти исполняли обязанности правительственных чиновников, как например *чантху* — командующих войсками округа, *тонгдоков* — губернаторов, *читяу* — правителей горных округов и *чифу* — начальников крупных уездов. В распоряжении тхоти имелся обширный аппарат должностных лиц из местных старейшин и глав больших семей, выполнявших функции помощников начальников волостей (*фотонг*), деревенских старост (*личьон-*

εοσ) и помощников старост (*фоли*), несших ответственность за административную и хозяйственную деятельность подчиненных им коллективов.

Аналогичный аппарат управления находился и в распоряжении у куангов. Так, например, в провинции Хазянг сами куанги подразделялись на три класса: 1) высший — *куанг мыонги* — правители областей, имеющие резиденцию в наиболее крупной общине (принадлежали к главной родовой ветви, первой обособившейся в данной области, были самыми пожилыми по возрасту и пользовались большим авторитетом у населения); 2) *куанг хо* — правители части области, связанные родственными узами с семьей куанг мыонга; 3) *куанг кхиены* — управляющие общиной или поселком, входящим в общину.

В некоторых крупных общинах высшее руководство сосредоточивалось в руках трех куангов: *куанг бана* (глава общины), *куанг тхоа луай* (ответственный за порядок; букв. «глава — придирчивый глаз») и *куанг тхиенг лау* (распорядитель культовых церемоний, открывавший праздник «лонг тонг» в третий день первого месяца по лунному календарю).

Вспомогательный аппарат управления состоял из должностных лиц — *тяу*, — выходцев не из аристократических, но зажиточных семей. Число *тяу* могло доходить до семи человек, так же как и куанги, подразделявшихся на три класса. Высшим должностным лицом был *тяу мыонг*, пользовавшийся наибольшим доверием куанга и замещавший его. *Тяу мыонг* выступал непосредственным исполнителем приказов куанга и главным контролером за всеми делами во вверенной ему области.

Второй класс занимали *тяу санги*, а третий — *тяу хо*, *тяу кхиены* и *тяу тьонги*. Каждый из них выполнял определенные функции и конкретные обязанности: они наблюдали за сельскохозяйственными работами для дома куанга, набирали носильщиков, держали под наблюдением наказанных за проступки, руководили народом во время вражеских нападений, возглавляли брачные, похоронные и другие церемонии.

Наконец, самую низшую прослойку должностных лиц составляли *таны*, не имевшие каких-либо особых прав, кроме руководства людьми, посланными куангом для выполнения поручений.⁶

Вся земля номинально считалась собственностью вьетнамского государства, но до начала 30-х годов, т. е. до проникновения капиталистических отношений в горные районы, признавалась общей и свободной для обработки. Однако на практике дело обстояло иначе. Пользуясь правами местных племенных вождей и одновременно представителей государства, *тхоти*, *куаны* и *фиатао* фактически распоряжались землей общин.

⁶ N g u y ẽ n - t u ấ n - L i ẽ u. M ấ y n ẻ t t i n h h i n h v ả n h ậ n x ẻ t v ẻ ch ẻ đ ộ q u ả n g t r ờ n g d ậ n t ộ c T ầ y ở H ậ -g i ả n g. N g h i ẻ n c ứ u l i ẻ c s ử (в д а л ь н ẻ й ш ẻ м : N C L S), 1962, № 44, т р . 23.

Основными социально-экономическими ячейками тайского общества были большесемейные и соседские общины — *баны* и *мыонги*. Последние состояли как из одного, так и из многих селений, а наиболее разросшиеся превратились в крупные административные единицы — *тяу*. Некоторые большесемейные общины составляли отдельный бан из кровных родственников, сообща трудившихся и совместно распоряжавшихся продуктами своего труда. Но и в соседских общинах, где было немало семей, связанных родством, преобладал принцип взаимопомощи в хозяйственной и повседневной жизни.

Общинные земли создавались двумя путями: наиболее ранний и распространенный — это освоение целины всем коллективом, особенно создание террасных полей; второй путь — индивидуальная обработка целинного участка с последующей передачей во владение общины. В качестве компенсации за труд по расчистке участка отдельная семья, обработавшая его, могла полностью пользоваться необлагаемым урожаем в течение двух-трех лет, после чего участок переходил к общине, на территории которой он находился.

По существу к началу XX в. пахотные земли лишь числились в разряде общинных, но общинники могли реализовывать только свое право трудиться. Во Вьетбаке, у тай и нунгов, заливные рисовые поля — *жуонг* — делились на следующие категории: поля тхоти, самые лучшие по качеству в каждой общине; поля должностных лиц; поля военнослужащих; поля служащих культов и храмовые земли; поля крестьян-общинников.⁷

На северо-западе, у тхай, имело место более дробное землевладение. Но прежде чем привести схему распределения земли, следует добавить несколько слов об отличиях между господствующей прослойкой группы тай, нунгов и тхай. Если у первых эта прослойка состояла в основном из тхоти и куангов, т. е. лиц вьетского происхождения, таизированных сановников, то у тхай, напротив, преобладающую роль играли местные феодализирующиеся старейшины — *фиатао*. В Тэйбаке — области, в большей степени изолированной от влияния вьетов, — по замечанию Ла-ван-Ло, «общественная организация тхай, т. е. кастовая организация (имеются в виду правящие и подчиненные слои населения, — *А. М.*), сельская община почти полностью сохранилась такой, какой она была на их родине в Сипсоонгпанне (Сишуанбаньяна), в Юньнани (в IX—X вв., — *А. М.*)».⁸

Итак, к моменту окончательного распада института *фиатао* (начало XX в.), так же как и тхоти во Вьетбаке, заливные земли *жуонг* составляли две категории. Первая — земли *фиатао* и

⁷ L ã - v ă n - L ô. Bước đầu nghiên cứu về chế độ xã hội ở vùng Tây Nùng, Thái dưới thời Pháp thuộc. NCLS, 1964, № 68, tr. 42.

⁸ Там же, стр. 43.

должностных лиц. Эти наиболее плодородные поля составляли около 50% всех пахотных участков. В данную категорию входили *ання* — земли начальников крупных уездов, получавших от 5 до 10 га земли и от 10 до 50 банов (селений), жители которых должны были обрабатывать ання и нести повинности в пользу чиновников; *няуй* — земли военных чиновников области (тяу), получавших от 2 до 5 га и от 5 до 10 банов; *фиатонг* — начальников волостей (тяньтонг), получавших от 2 до 3 га и от 2 до 5 банов; *фиафо* — помощников управляющих волостями (фотонг), получавших от 2 до 3 га и от 2 до 5 банов; *сонг* — первых старейшин, получавших от 2 до 5 га и от 2 до 5 банов; *сы* — вторых старейшин, получавших от 2 до 3 га; *тьенг* — третьих старейшин, получавших от 1 до 2 га; *тя* — четвертых старейшин, получавших 1 га. Из этой категории земель определенная часть выделялась для служителей культов (*мотянг*) в соответствии с занимаемым ими положением и рангами.

Вторая категория, составлявшая половину земель, была худшего качества, предназначалась для крестьян-общинников и носила название *ганьвак* — «мужские участки», «домовые» (точнее, «участки коньков крыш») или «земли ответственности», т. е. земли, за пользование которыми надо было нести установленные повинности и платить налоги.⁹

Из приведенного перечня землераспределения видно, что принципиальной разницы в аграрных отношениях в областях, заселенных тай, нунгами и тхай, не существовало. Отношения между тхоти, куангами, фиатао, с одной стороны, и крестьянами-общинниками, с другой, облаченные в патриархальную форму (эти аристократические семьи выступали как прямые преемники родоначальников тех или иных коллективов), в действительности носили характер отношений между феодалами и крепостными. Формы этих отношений имели свои локальные отличия, но сущность их была общей — местная знать не только эксплуатировала соотечественников путем взимания натуральных и денежных податей, но и обладала неполной собственностью на крестьян. Как правильно подметил в своей статье Нгуен-туан-Льеу, касаясь социальных различий вьетского и тайского обществ, вьетские помещики осуществляли свою власть посредством сдачи земли в аренду и получения земельной ренты, поэтому богатство и влияние вьетских помещиков было пропорционально количеству находящихся в их владении земель. Тайская привилегированная прослойка, занимая промежуточное положение между помещиками и феодалами, эксплуатировала крестьян, используя их личную зависимость.¹⁰

⁹ Там же, стр. 43—44.

¹⁰ N g u y ê n - t u á n - L i ê u. M á y . . . , tr. 24.

Личная зависимость общинников слагалась из двух неравнозначных факторов — принадлежности к родовой группе, возглавляемой тхоти, куангом или фиатао (к ней причислялись не только родственные группы), и долговой зависимости, в которой находились почти все семьи крестьян. Последняя послужила источником долгового рабства и образования *конхьюн*, фактически бывших на положении домашних рабов (по-тайски *конхьюн* — «слуга»).

Во Вьетбаке зависимость от тхоти выражалась в том, что каждая община устанавливала очередность несения отработок на тхоти для входящих в нее банов. Обычно выделяли группу из 50—60 мужчин и женщин на десятидневный срок, которые сообща обрабатывали горные поля (*жэй*), косили для лошадей траву, собирали хворост, носили воду и выполняли другие домашние работы.

Согласно правопорядку, утвердившемуся в тайских областях, каждая семья из состава общины получала в обработку такой участок, какой она могла возделывать и за какой полностью могла внести налог, одновременно выполнив предназначенные для нее повинности (общественные работы по строительству и ремонту дорог, переноска грузов, поставка рекрутов и т. п.). Если же она не выполняла хотя бы одного из этих условий, то поступала в непосредственное распоряжение тхоти и включалась в состав *конхьюн*. При доме тхоти такая семья жила и работала до полной выплаты долга, что длилось иногда в течение трех поколений подряд.

По материалам вьетнамских исследователей, институт *конхьюн* появился в VII в., когда тай силой подчиняли горных монов — са, обращая их в домашних рабов. Затем с развитием имущественного неравенства и социального расслоением в категорию *конхьюн* стали включать и единоплеменников тай. Должники, не имеющие возможности выплатить долги и проценты, были вынуждены отдавать в услужение феодализирующимся старейшинам своих детей или самих себя.

Институт *конхьюн* пополнялся также за счет семей вдов и семей, где были только несовершеннолетние дети, которые не могли выполнять обязанности носильщиков или отбывать военную службу. Эти семьи не получали заливного участка и, не имея достаточных сил возделывать целину на склоне горы подсечно-огневым способом, становились *конхьюнами*.

Обычно такие слуги (домашние рабы) жили в доме хозяина, спали за перегородкой у стены дома, обращенной во двор, где хранилась всевозможная утварь. Холостые слуги располагались рядом с помещением семейных слуг либо на гостевых местах, либо на месте будущего зятя хозяина. Они обедали вместе с хозяином, но ели самое худшее из того, что было подано, никогда не садились и не вставали первыми. Семейные слуги питались отдельно.

Постельные принадлежности и одежду конхьон получали от своего хозяина, причем делалось национальное различие: слуги из народа са получали обноски, а тхай — ежегодно комплект новой одежды. Когда слуга заболел, то хозяин, опасаясь «злого духа» больного, призывал колдуна, устраивавшего моление с жертвоприношением утки и лишь в особо тяжелых случаях козы или свиньи.

Семьи общинников, находившихся на положении слуг-рабов, не имели права покидать хозяина. Они не становились полностью свободными и после его смерти, поступая в распоряжение к соседней аристократической семье. Лицо, находящееся в услужении тхоти, куанга или фиа tao, пожелавшее жениться или выйти замуж за свободного человека, было обязано выплатить долги, иначе свободный должен был перейти в дом тхоти. Супружеская пара становилась свободной лишь после появления у нее внуков. За провинности конхьоны подвергались телесным наказаниям (ударам бамбуковой палки), приводившим иногда к смерти.

Однако редкость смертельных исходов объясняется, как отмечает Нгуен-ван-Кхоа, не соображениями гуманности, а, во-первых, тем, что эти случаи оказывали нехорошее воздействие на других слуг, во-вторых, боязнью, что душа умершего, желая есть и пить, будет посещать дом хозяина и беспокоить его семью.¹¹

Если, как уже было выше сказано, свободные общинники работали на тхоти, куангов, фиа tao регулярно сменяясь, то конхьоны трудились на своих хозяев круглый год. Закончив работы на заливных рисовых полях, они переходили на обработку суходольных участков на склонах гор. Им вменялось в обязанность обрабатывать огороды, сажать и ухаживать за плодовыми деревьями, чинить жилие и хозяйственные постройки, чистить свинарники и птичники, стирать белье, нянчить детей. В жаркое время года конхьоны находились возле господина с опахалами, чесали ему спину, сопровождали во время прогулок, неся зонты и коромысла с провиантом и одеждой. В услужении у высшей прослойки тай одновременно находилось до двух десятков человек.¹²

Тхоти, куанги и фиа tao имели право «первой ночи», содержали многочисленных наложниц из семей простых общинников, однако никто из рядовых общинников не мог жениться на представительнице аристократической семьи.

В то же время для сохранения «чистоты» правящей прослойки наследником тхоти, куанга или фиа tao считался только ребенок от супруги благородного происхождения.

---

¹¹ N g u y e n - v a n - K h o a. Chế độ «con hườ» ở vùng Thái khu tử trị Thái-Mèo. NCLS, 1961, № 27, tr. 64.

¹² Там же, стр. 64—65.

Народ был обязан уважать и почитать своих хозяев, оказывать им всевозможные почести и знаки внимания. При встрече с тхоти, куангом или фиатао крестьяне уступали им дорогу, сидящие на лошади спешивались и приветствовали их поклоном. Не дозволялось сидеть с представителями аристократии на одной циновке, есть из одного блюда; никто не смел строить дом, иметь лошадиную сбрую, носить одежды такие же, как у знати.¹³

В состав господствующей прослойки следует включить служителей религиозных культов, колдунов, прорицателей, знахарей, геомантов и т. п., составлявших особый институт — *мотхен* (у тхай — мотян). Этот институт был основан на строгой иерархии, как и административный аппарат, и по существу являлся орудием дополнительного духовного воздействия на массы. Мотхены имели своего главу — *мото*, совершавшего моления и жертвоприношения духам предков только семьи тхоти, живущей в горной области. В общинах и отдельных банах культовые церемонии отправляли *момьонги*.

Служители культов на общественных молениях вспоминали историю народа, расхваливали заслуги тхоти, куангов и фиатао в борьбе с врагами, описывали их добродетели, создавая для них ореол святости. Несомненно, что все эти жрецы, колдуны, прорицатели, экономически зависившие прежде всего от местной аристократии, в свою очередь значительно укрепляли ее позиции и влияние на народ.

Каждый бан у тай и нунгов имел свою молельню — *макуанг* — вместилище духов предков куангов, которые якобы способны были насылать на людей за их непослушание и провинности различные несчастья. Считалось, что только наследники могли поддерживать связь с умершим тхоти и куангами, а следовательно, действовать по их повелению.

Соединение экономической, политической и духовно-религиозной власти в высшем звене отражало специфику социальной организации тайских народов. Даже утратив земли, богатство и могущество Тхоти, куанги и фиатао еще долгое время, вплоть до середины 50-х годов нашего столетия, продолжали пользоваться авторитетом духовных глав.¹⁴ Протестуя против насилий своих правителей, народ не так боялся того, что куанги захватят их земли, изгонят из родных мест, наложат штраф, как опасался духа куанга, который может насылать на них несчастья, погубить жен и детей, домашний скот и урожай.¹⁵

Промежуточное положение между мотхенами — представителями и выходцами из аристократических семей, служивших непосредственно тхоти, — и народом занимали старые конфуцианские

¹³ Ngu y ê n - t u á n - L i ê u. M á y . . . , t r. 24—25.

¹⁴ A. L e r o i - G o u r h a n e t J. P o i r i e r. E t n o l o g i e d e l'U n i o n f r a n c a i s e , t. II. P a r i s , 1953, p. 643.

¹⁵ N g - u y ê n - t u á n - L i ê u. M á y . . . , t r. 25.

ученые, вышедшие из обедневших слоев общества. Они были тесно связаны с жителями общин и по существу выступали советниками в делах управления, особенно во время жертвоприношений, похорон и свадеб. Эти ученые хранили местные национальные традиции, знали героический эпос и народный фольклор. Мало чем отличаясь по своему материальному положению от простых общинников, прослойка ученых пользовалась уважением и поддержкой населения.

Основная социальная прослойка тай — свободные общинники — составляли около 95%. Они представляли главную производительную силу и давали наибольшую массу продуктов производства. Их эксплуатация основывалась на наличии двух систем: обработки — *куонг* — и налогообложения — *нгуот*. Крестьяне, входившие в разряд *куонг*, за пользование выделенной им общинной землей должны были в течение года обработать на полях и в хозяйстве *фиатао* от 70 до 240 дней. Те, кто входил в разряд *нгуот*, вносили в качестве платы за землю ежегодно от 100 до 200 кг неочищенного риса, от 30 до 60 кг кукурузы и от 10 до 20 кг хлопка. Кроме этого, была повсеместно распространена скрытая, но не менее тяжелая форма эксплуатации — штрафы, подарки (вынужденные взятки для благоприятного разрешения каких-либо просьб или тяжб), подношения по случаю рождения, смерти и других событий в доме *тхоти*, *куанга* или *фиатао*. Существовали также неофициальные, т. е. незакрепленные государственным законом, подношения в виде дани продуктами, лучшими в той или иной местности. Так, например, *тхоти* района *Донгму* взимал дань очищенным рисом, *тхоти* *Мыонгбанга* — креветками, *тхоти* *Винькуанга* — медом и т. д.¹⁶

Различные виды взаимопомощи, возникшие и развившиеся именно среди трудового населения в борьбе с природой и неизмеримо облегчавшие жизнь общинников, без которых, очевидно, было бы немыслимо существование коллектива, с упрочением власти аристократических семей превращались для крестьян иногда в тяжелую обузу. По-видимому, взаимопомощь, первоначально носившая первобытно коммунистический характер, с появлением имущественного неравенства и образованием классов, как это ни парадоксально, привела к возникновению долгового рабства.

У тай, как и у других народов, основной принцип взаимной помощи заключался в отдаче того, что взял, затрате примерно такого же количества труда, какое затратил в порядке помощи сосед и т. п. Верхушка тайского общества использовала эти традиции в интересах своего обогащения. В неурожайные, голодные годы, а они были довольно часты, *тхоти*, *куанги*, *фиатао* и старейшины помогали крестьянам рисом, семенами, тяглом. При этом не

¹⁶ L ã - v ã n - L ô. Ву́бс. . . , tr. 42.

устанавливался ни срок отдачи, ни требуемое для возврата количество продуктов, ни размеры компенсации за использование буйволов или орудий труда. Но компенсировать все это было совершенно необходимо. Мак Дуонг пишет, что «крестьяне свободно брали в долг у деревенской верхушки и в конце концов настолько запутывались в долгах, что их уже невозможно было вернуть».¹⁷

В итоге многие семьи всю жизнь отработывали задолженность, но, несмотря на эту тяжелейшую эксплуатацию, они были даже благодарны своим «благодетелям». В существовании такого займа — *тьомьтон* — раскрывается незаметная на первый взгляд связь между простыми общинниками и деревенской верхушкой, которую не всегда просто порвать.

Внешне бескорыстная помощь общинникам, например охотникам и рыболовам, приводила к тому, что за снабжение их ружьями или рыболовными снастями эти общинники постепенно превращались в специальные группы, обслуживавшие дома богатых старейшин. Даже в разгар полевых работ члены групп по требованию хозяев должны были выходить на коллективную либо индивидуальную поочередную охоту, чтобы снабдить последних свежей дичью.

Экономическое принуждение и угнетение общинников вуалировалось готовностью оказать «родственную» поддержку нуждающимся. Аристократическая прослойка внушала крестьянам идеи, что «фиатао с народом, как братья одного потомства», что их отношения — это отношения отцов и старших братьев с сыновьями и младшими братьями, которые должны их слушаться, повиноваться и помогать во всех делах.¹⁸

В каждой общине на протяжении длительного периода складывались союзы из нескольких семей, договаривавшихся между собой об обязательной взаимной помощи. Такие союзы (из них после революции 1945 г. развились бригады трудовой взаимопомощи) могли быть основаны как на условии оказания помощи при любых необходимых обстоятельствах, так и на принципе узкой кооперации, т. е. только для очистки горного поля, строительства жилищ, оказания поддержки при бракосочетаниях, похоронах и т. п. Поскольку семьи деревенских старейшин также входили в эти объединения, они получали гораздо большие выгоды, ибо из-за их общественного положения общая сумма трудовых затрат и средств всегда оказывалась значительно выше, нежели их помощь простым семьям.

Проникновение капиталистических отношений в районы, населенные тайскими народами, и развитие вследствие этого товарно-денежных отношений подорвали основы института потомков родо-племенных вождей и местной знати — тхоти, куангов и фиатао.

¹⁷ Mac Đư ò ng. Quan hệ công xã trong các tộc thiểu số miền Bắc trước và sau cách mạng tháng Tám. NCLS, 1960, № 18, tr. 40.

¹⁸ Там же, стр. 40.

Если до конца XIX—начала XX в. общинное владение землей и право распоряжаться ею составляло источник могущества и богатства аристократов-феодалов, то необходимость производить товарную продукцию пришла в противоречие с низкой производительностью труда, экстенсивным ведением хозяйства.

Правящая верхушка нуждалась теперь в деньгах для азартных игр в открытых французскими колонизаторами игорных домах, покупки алкоголя, приобретения предметов роскоши и оплаты прочих «благ». Ее уже не удовлетворяли натуральные подати, труд конхьюонов стал невыгоден, тогда как частное присвоение земель и сдача их в аренду открывали путь к обогащению. Следует сказать, что процесс частнособственнического присвоения земли шел и раньше, но ограничивался в основном захватом выморочных земель и участков, изымавшихся от крестьян в виде штрафа.¹⁹ С начала XX в. общинное владение землей стало быстро сменяться частной собственностью. Земля стала предметом купли-продажи и объектом залога. Улучшение коммуникаций, прокладка дорог к торговым центрам равнинных областей, требования рынка привели к резкому увеличению производства технических культур.

Несомненно, что законодательство колонизаторов способствовало развитию частной собственности. В 1930 г. общинное землевладение было официально отменено, земля закреплялась за теми, кто ее длительное время обрабатывал или первоначально ею владел. Освоенные участки целины теперь, как правило, не переходили в общинное пользование, а объявлялись частным владением. Участки общинных земель, переданные французской администрацией лицам, изъявившим согласие служить в местных охранных отрядах, постепенно также превращались в частные.

С ослаблением института тхоти, куангов и фиатао и одновременным изменением аграрных отношений, вызванных развитием частного землевладения, заметно усилился процесс классового расслоения тайского общества, особенно в областях Вьетбака, расположенных по соседству с вьетскими районами. Классовое расслоение привело к появлению новых социальных слоев: помещиков-чиновников из числа местной обедневшей аристократии, деревенских богачей (*тхохао*), сохранявших должности старейшин, середняков, бедняков и батраков. Скупая земли у прежней обедневшей знати, тхохао с течением времени становились не только наиболее сильными в экономическом отношении, но и сосредоточивали в своих руках административную и политическую власть. Эта прослойка превращалась в так называемых новых тхоти, т. е. тхоти неаристократического происхождения, надежную опору господства французских колонизаторов. Последние создали из тхохао разветвленный аппарат управления на местах,

¹⁹ M а c Đ ứ ò n g. Các dân tộc miền núi Bắc Trung bộ. Hà-nội, 1964 tr. 109.

вменив им в обязанность контроль за сбором налогов и несением трудовых повинностей. Новые тхоти с разрешения французских властей монополизировали торговлю дефицитными товарами и продуктами, в частности солью, что давало им немалые доходы.

По документам общественного обследования, проведенного Центральным комитетом по делам национальностей в 1956—1957 гг., классовый состав тайского общества во Вьетбаке не отличался однородностью. В областях с относительно высокой концентрацией пахотных заливных земель социальное развитие тай можно было приравнять к обществу вьетов, т. е. здесь имелось совершенно четкое деление на помещиков, богатых крестьян, середняков, бедняков и батраков, но были районы, где классовое расслоение не достигло такого высокого уровня. В целом помещики, составлявшие 3% от числа всех семейств, владели от 20 до 30% земли; богатые крестьяне, включая прослойку тхохао, составлявшие от 3 до 4% семейств, имели 10% земли; середняки и бедняки (Ла-ван-Ло включает сюда и батраков), составлявшие свыше 90% семейств, — 60—70% земли.

В удаленных горных областях, где селения разбросаны и нет крупных земельных массивов, занятых под заливной рис, помещики составляли от 1 до 2% семейств и владели от 6 до 10% земель. Богачи — 1% семейств — имели примерно 4% земли, а остальные категории населения, составлявшие более 95% жителей, — от 80 до 90% земель.²⁰

Однако говорить о том, что тайское общество за первую половину XX в. претерпело существенные социальные изменения, было бы не вполне правомерным. Менялся экономический базис, шел процесс капитализации, но все же патриархально-феодальные отношения оставались преобладающими. Во многих районах, особенно в Тэйбаке и северной части Центрального Вьетнама, несмотря на официальную отмену общинного землевладения, общинные традиции продолжали сохраняться вплоть до аграрных преобразований, осуществленных народной властью в конце 50-х — начале 60-х годов. Об этом свидетельствует хотя бы то, что права собственности на землю устанавливались лишь признанием деревенского коллектива.

Во многих районах, как например в провинциях Баккуанг и Лаокай, тхоти и куанги по-прежнему осуществляли свои права на эксплуатацию природных богатств и населения посредством соединения прежних патриархально-феодальных норм с новыми помещичье-капиталистическими (сдача земли в аренду, наем сельскохозяйственных рабочих, ростовщичество, торговля, спекуляция). Так, один из куангов общины Йенфу уезда Висуйен провинции Баккуанг по имени Нгуен-тхе-Жу перед Августовской революцией 1945 г. имел в своем распоряжении 1800 бома общинных земель (150 бома = 1 северовьетнамскому мау; 1 мау =

²⁰ L ã - v ã n - L ð. Вуёс. . . , tr. 42—43.

= 3600 м²), обрабатываемых крестьянами бесплатно, 950 бома купленных (или захваченных) им земель, 1510 бома также общинных земель, но розданных крестьянам, непосредственно обслуживавшим семью куанга. Эти земли распределялись следующим образом: поля для обслуживания гостей — 150 бома; поля принятия невестки — 120 бома; поля подвешивания полога — 300 бома; поля изготовления водяной толчеи — 100 бома; поля изготовления погребальных хоругвей — 240 бома; поля утреннего риса — 300 бома; поля расстилания циновки — 300 бома. Кроме этого, семья Нгуен-тхе-Жу владела 1500 бома леса, в котором добывались листья пальмы ливистоны и другие лесные продукты, а также производились лесоразработки.²¹

В настоящей статье не представляется возможным дать комментарии к названиям полей. Главное заключается в том, что они продолжали считаться общинными и обрабатывались крестьянами, лично зависимыми от своего господина.

В провинции Лаокай, по материалам Административного комитета, с которыми автору удалось познакомиться во время поездки в Демократическую Республику Вьетнам в 1958—1959 гг., видно, что уже после революции (в 1951 г.) социальная структура тай и соседних с ними этнических групп оставалась почти без изменений, такой, какой она была десятки лет назад (за исключением, может быть, того, что добавилась категория работников по найму). Здесь по-прежнему неограниченно правили местные тхоти, а крестьяне, находившиеся на положении крепостных, были обязаны, помимо денежного налога, в зависимости от количества обрабатываемой ими земли вносить натуральные подати рисом, овсом, курами и т. п. Как и раньше, обязательными были и всевозможные подношения: при забое буйвола хозяину подносили сердце и печень; ему полагался также самый лучший кусок мяса от убитого охотниками животного и т. п. Крестьян насильственно заставляли выращивать технические культуры (например, кардамон) и сдавать их по ценам ниже рыночных, причем все торговые нити находились в руках у феодально-помещичьей торговли.

Во время войны Сопrotивления (1946—1954 гг.) тайские помещики, сотрудничавшие с войсками колонизаторов, в некоторых местностях пытались возродить институт конхьон путем выкупа у французов арестованных во время облав крестьян и превращения их в слуг. Например, таким путем приобрел 23 человека старейшина бана Ко общины Нгхием в области Мьонгла по имени Кам-ван-Хоан. Однако формы эксплуатации несколько изменились: домашние слуги стали выступать в виде трудовой команды, начинали работу и заканчивали ее по особым сигналам, было отведено время для отдыха и т. п.

²¹ N g u y ê n - t u á n - L i ê u . M á y . . . , t r . 22 .

Судьба конхьон складывалась двояким путем: незначительная часть их бежала вместе с помещиками в соседние страны, а большая часть, получив от народной власти свободу, разошлась по родным местам и вошла в группы трудовой взаимопомощи.²²

С 1950 г. после освобождения ряда горных областей Вьетбака от войск экспедиционного корпуса народные власти стали проводить конфискацию земель наиболее злостных помещиков и передавать их крестьянам. На этом отрезке пути революционных преобразований встретились очень большие трудности: тайские бедняки не могли сразу освободиться от традиционных связей со своими главами, которых считали старшими в родословной, «кормильцами», почитали как носителей добрых и злых духов. Многие из тех, кому были переданы во временное пользование земли тхоти, отказывались от них, опасаясь тяжелой кары. Несмотря на то что были обнародованы соответствующие аграрные постановления, организованы демократические административные комитеты общин, бывшие помещики и старейшины по-прежнему имели большое влияние на односельчан, продолжавших работать у них в хозяйстве, делать им подарки и оказывать уважение.

Учитывая эти обстоятельства, Партия трудящихся Вьетнама провозгласила курс «опоры на массы, завоевания высшей прослойки», т. е. повела борьбу за перевоспитание в народно-революционном, патриотическом духе бывшей господствующей прослойки, за повышение ее сознательности. Эта политика не замедлила дать свои положительные результаты: часть тхоти активно включилась в борьбу против колонизаторов и с пониманием отнеслась к социально-аграрным преобразованиям.

После освобождения общинное и должностное землевладения (*жуонг тьык*) были ликвидированы, и тем самым окончательно подорвана база феодально-помещичьей эксплуатации. Только в Тэйбаке свыше 40% крестьян, которые либо не имели земли совсем, либо обрабатывали горные незаливные участки, получили почти 55% хороших заливных земель, в том числе владения, ранее принадлежавшие марионеточным властям.²³

С окончанием войны Сопротивления наступил восстановительный период. Среди тайских и других народов при помощи вьетских кадровых работников была развернута работа по организации производственных союзов между общинами, обществ совместной пахоты, обществ по орошению, обществ по истреблению насекомых для спасения урожая, обществ охоты и т. п. Трудовая деятельность этих обществ в значительной мере способствовала переходу к новой ступени кооперации — созданию групп трудовой взаимопомощи, в которых к 1957 г. было более 70% крестьянских семей тай.

²² N g u y ã n - v ă n - K h o a. Ch ế đ ộ. . . , tr. 66.

²³ L ă - v ă n - L ô và M a i - v ă n - T r í. Gi ớ i t h i ệ u s ơ l ợ c v ề d ă n t ộ T ả i. D ă n t ộc, 1958, № 4, tr. 20—21.

В ходе социалистического строительства в горных районах Вьетнама, в процессе кооперирования хозяйства тай, народная власть опиралась прежде всего на лучшие общинные традиции взаимопомощи, взаимоподдержки и трудового коллективизма народа. Наряду с развитием новых форм хозяйственной жизни у тай происходит коренное изменение социальной структуры. Не стало прослойки тхоти, куангов и фиатао, ликвидировано господство богатеев — тхохао, старейшин и чиновников, ушел в безвозвратное прошлое институт домашних рабов и слуг — конхьон, покончено с батрачеством.

Свободное крестьянство состоит сейчас в основном из середняков и бедняков. Во главе банов находятся выборные члены административных комитетов. Конечно, это не означает, что окончательно исчезло фактическое имущественное неравенство. Сохраняются и пережитки норм прежнего социального строя, в частности обычай подношений бывшим деревенским старейшинам. В некоторых местностях сильно еще их влияние на административную и хозяйственно-общественную жизнь деревенских коллективов. Избавление от вредных пережитков, стимулирование лучших традиций общин — задача, успешное решение которой ускорит движение народов ДРВ к социализму.

Общественные отношения у батаков (Северная Суматра)

Батаки населяют внутренние и некоторые прибрежные районы Северной Суматры (Батакланд) и являются одной из крупных народностей Индонезии: по данным 1961 г., они насчитывали около 2 млн 400 тыс. человек.¹ Основная территория расселения батаков — труднодоступные обширные плоскогорья Батакское (1000 м над ур. м.) и Каро (1500 м над ур. м.), окаймленные горными цепями хребта Барисан. Проникнуть во внутренние районы Батакланда можно лишь через длинные узкие ущелья, образованные реками.²

По лингвистическим и этнографическим особенностям батаки делятся на две большие группы, состоящие из нескольких меньших групп (в прошлом племен). Наиболее многочисленные из всех — тоба (более 1 млн 200 тыс.); живут они в центре данной территории. Близки им англолы (200 тыс.) и мандайлинги (200 тыс.), населяющие южные районы вплоть до границы с областью расселения минангкабау. К северу от тоба живут пакпаки (или даири) и тимуры (соответственно свыше 100 тыс. и 250 тыс.), являющиеся в этно-лингвистическом отношении связующим звеном между тоба и второй основной группой батаков — каро (450 тыс.). Кроме того, имеется еще несколько групп, являющихся результатом смешения представителей некоторых вышеназванных групп батаков с соседним минангкабауским и малайским населением.

Язык батаков относится к суматранской группе индонезийской ветви и в целом близок малайскому. Каждое из этнических подразделений батаков имеет свой диалект. Основные различия между диалектами сводятся к фонетике, несколько меньше их в лексике.³

¹ Численность батаков приведена по данным тома Народы Юго-Восточной Азии. М., 1966, стр. 21, 512.

² Географическое описание Батакланда — «Страны батаков» см.: W. Volz. Nord-Sumatra, Bd. I (Die Batakländer). Berlin, 1909; F. Junghuhn. Die Battaländer auf Sumatra, Bd. I. Berlin, 1847.

³ Bataksch. In: Encyclopaedie van Nederlandsch-Indië, 2-de druk, d. I. s'Gravenhage—Leiden, 1917, blz. 182; P. Voorhoeve. Critical survey of studies on the languages of Sumatra. s'Gravenhage, 1955.

Около половины батаков исповедует мусульманство (мандайлинги, англолы, часть тоба и тимуров), которое стало распространяться в южных батакских землях с первой четверти XIX в. Христианство с конца XIX в. получило распространение в основном у тоба (около 60% тоба — христиане-протестанты). Значительная часть каро и пакпаков придерживается анимистических верований. Батаки, исповедующие мусульманство и христианство, также сохраняют под внешней оболочкой своих религий исконные анимистические представления, так как обе эти религии не затронули социальных основ жизни батаков.⁴

Предки батаков пришли на Суматру в составе одной из так называемых протоиндонезийских (протомалайских) волн на рубеже III—II тысячелетий до н. э. и постепенно заселили районы вокруг оз. Тоба, лежащего в центре Батакского плоскогорья. Они занимались подсечно-огневым земледелием, рыболовством, охотой, вели торговлю, в основном обменную, с прибрежными княжествами от имени старейшин своих деревень и родов. В большинстве батакских районов господствовали общинно-родовые отношения. У батаков так и не сложилось центральной политической власти. Каждая деревня, составлявшая, как правило, общину, существовала автономно. Высшей формой организации были союзы деревень. На протяжении позднего индонезийского средневековья (XV—XVIII вв.) батакские деревни на севере, северо-востоке и востоке области периодически находились под номинальным управлением малайских раджей из султанатов Ланкат, Дели, Серданг и др. Южные районы издавна находились под сильным минанкабауским влиянием. Голландцы впервые проникли к батакам в 1833 г. Вооруженное покорение батаков длилось почти 75 лет (к 1910 г. они были покорены).⁵

К началу XIX в. отношения раннефеодального типа в батакском обществе начали складываться в первую очередь у тимуров и мандайлингов. Здесь в результате внутреннего развития,

---

⁴ P. L. Tobing. The structure of the Toba-Batak belief in the high God. Amsterdam, 1956; J. Keuning. De Toba-Bataks, vroeger en nu. Indonésië, 6-de jaarg., 1952—1953, blz. 168 vv. (англ. пер.: J. Keuning, Toba Batak, formerly and now. Ithaca, 1958); J. Winkler. Die Toba-Batak auf Sumatra in gesunden und kranken Tagen. Stuttgart, 1925; L. J. Warneck. 1) Das Offer bei den Tobabatak in Sumatra. Arch. für Religionswiss., Leipzig, Bd. XVIII, 1918, SS. 333—384; 2) Die Religion der Batak, Göttingen—Leipzig, 1909.

⁵ Первый европеец — англичанин Андерсон — проник во внутренние районы области в 1823 г. (J. Anderson. Mission to the East Coast of Sumatra in 1823. Edinburgh, 1826). Основные исторические сведения см.: M. Joustra. Batakspiegel, 2-de verm. druk. Leiden, 1926, blz. 17—43, M. Said. Dari halaman-halaman terlepas dalam tjetatan tentang tokoh Singa Mangaradja XII. Medan, 1961; K. Helbig. Der Singa Mangaradja und die Sekte der Pormalim bei den Batak. Zeitschr. für Ethnol., Bd. 67, 1935, H. 1—3, SS. 88—104; J. M. van der Kroef. Messianic movements in the Celebes, Sumatra and Borneo. In: Millennial dreams in action: Essays in comparative study. Ed. by S. L. Thrupp. (Compar. Studies in Society and History, Suppl. II). The Hague, 1962, pp. 92—106, 113—121.

ускоренного влиянием соседних малайских султанатов побережья и государства минангкабау возникли многочисленные мелкие княжества, а старейшины, резко выделившись из массы общинников и превратившись в маленьких феодалов, стали наследственными правителями — раджами.⁶ Центральная же область расселения батаков оставалась в течение столетий недоступной не только для иностранцев, но и для других индонезийцев; здесь общинно-родовые отношения сохранялись в течение особенно долгого времени, вплоть до начала XX в.

В прошлом у батаков было широко распространено рабство и заложничество, особенно у тоба и мандайлингов. Рабы — это военнопленные и лица, допустившие серьезные нарушения обычного права, заложники — обычно должники.

С начала XX в. у батаков ускоренным темпом начинают развиваться товарно-денежные отношения. Ряд культур батаки начали производить только на экспорт. Проникновение иностранного капитала и бурное развитие плантаций на северо-восточном побережье Суматры, в районе Дели и Медана, усилило процессы экономического и социального развития батакских районов, у батаков появились первые представители собственной буржуазии и пролетариата.⁷

подавляющее большинство батаков в настоящее время живет по-прежнему в деревнях, занимаясь земледелием, в первую очередь рисосеянием (суходольным на полях-ладангах и заливным на поля-савах), а так же разведением кассавы, батата, кукурузы, картофеля. Заливное рисосеяние появилось у батаков лишь несколько столетий назад и, возможно, было заимствовано у минангкабау. Для обработки заливного поля используют деревянный плуг, в который впрягают быков или буйволов. На своих огородах и участках возле дома батаки выращивают овощи, сахарный тростник, фруктовые деревья. В ряде районов сажают табак и кофейное дерево, культивируют гамбир и индиго — все это для вывоза. С распространением на Суматре каучуконосов батаки также перешли в некоторых районах к их выращиванию.

У батаков скотоводство и животноводство играют значительно большую роль, чем у других народов Индонезии (за исключением мадуров с о. Мадура), чему способствует наличие пастбищ

---

⁶ H. P o r k a s D a u l a e. Sedikit tentang Marga Batak. [Djakarta, 1961], hal. 21, 29, 33 (в дальнейшем: H. P o r k a s D a u l a e. Marga Batak); C. E. C u n n i n g h a m. The postwar migration of the Toba-Bataks to East Sumatra. Yale, 1958, pp. 34—35; M. J o u s t r a. Batakspiegel, blz. 22—28.

⁷ C. E. C u n n i n g h a m. The postwar migration. . ., pp. 11—12; J. M. v a n d e r K r o e f. Indonesia in the modern world, pt. 2. Bandung, 1956, pp. 7—10; W. E. N o o r d m a n. De economische ontwikkeling der Batak-landen. Tijdschrift voor economische geographie, s'Gravenhage, d. XXVI, 1935, blz. 1—9, 30—43, 54—61; M. J o u s t r a. Batakspiegel, blz. 306—339; C. W. J a n s s e n. Die holländische Kolonialwirtschaft in den Battaländern (Abhandl. aus dem Staatswiss. Sem. zu Strassburg, H. III). Strassburg, 1886.

на беслесных травянистых нагорьях. В южных районах батаки разводят в основном быков и буйволов, а в центральных и южных — лошадей (лошадей — главным образом для продажи).⁸

В социальной организации отдельных групп батаков имеются заметные (часто очень значительные) различия, наблюдаемые также внутри этих групп. Такие же различия имеются и в их материальной и духовной культуре. Данный очерк представляет собой попытку выделить те общие черты общественного строя этого народа, которые являются типичными для всех или по крайней мере для большинства его этнических подразделений.⁹

Социальная организация батаков до наших дней сохраняет пережитки отцовского рода, хотя по уровню развития производительных сил они стоят ниже своих южных соседей — минангкабау, где сохранились пережитки материнского рода.¹⁰ В подав-

⁸ О развитии хозяйства в батакских районах после 1945 г., т. е. после провозглашения Республики Индонезии см.: K. Tobing. Sumatera Utara. Djakarta, [1953]; Republik Indonesia. Propinsi Sumatera Utara. [Djakarta, 1953]; C. E. Cunningham. The postwar migration... Этнографический очерк о батаках см.: Народы Юго-Восточной Азии, стр. 512—524.

⁹ Общественному строю батаков посвящена обширная литература. Ниже приведены работы на русском и основные работы на индонезийском и западноевропейских языках, имеющие первостепенное значение при изучении батакской социальной организации: Л. Э. Каруновская. Следы группового брака у батаков Суматры. В сб.: Вопросы истории доклассового общества, М.—Л., 1936, стр. 329—361; Г. Г. Стратанович. Новейшие данные о «трехродовом союзе» у батаков. Сов. этногр., 1959, № 6, стр. 118—122; Л. А. Мерварт. Жизнь малайской деревни. Вестн. знания, 1928, № 9, стр. 474—479; Г. Кунов. Всеобщая история хозяйства, т. I. М.—Л., 1929, стр. 404—411; H.-D. Kubitschek. Einige Bemerkungen zur Entwicklung der Socialen Organisation der Batak. Ethnogr.-archäeol. Zeitschr., Jahrg. 6, 1965, H. 1, SS. 19—29, 39—40; M. Stuchlík. Batak social and political organisation, pt. I (в дальнейшем: M. Stuchlík. Batak, pt. I). Ann. of the Náprstek mus., v. I, Praha, 1962, pp. 101—122; pt. II (в дальнейшем: M. Stuchlík. Batak, pt. II). Ann. of the Náprstek mus., v. II, 1963 (напечатано в 1966 г.), pp. 69—139; H. Porikas Daulae. Marga Batak; C. E. Cunningham. The postwar migration...; P. Tamboen. Adat-istiadat Karo. Djakarta, 1951; E. M. Loeb. Sumatra, its history and people. Wien, 1935, pp. 37—74; J. C. Vergouwen. Het rechtsleven der Toba-Bataks. s'Gravenhage, 1933 (англ. пер.: J. C. Vergouwen. The social organization and customary law of the Toba-Bataks of Northern Sumatra. s'Gravenhage, 1964); W. K. H. Ypes. Bijdrage tot de kennis van de stamverwantschap, de inheemsche rechtsgemeenschappen en het grondenrecht der Toba- en Dairibataks. s'Gravenhage, 1932; P. van Dijk. Eenige aantekeningen omtrent de verschillende stammen (margas) en de stamverdeeling bij de Bataks. Tijdschrift voor de Indische taal-, land- en volkenkunde, d. XXXVIII, 1895, afl. 3—4. Значительные, еще достаточно не изученные материалы собраны в Adatrechtbundels (в дальнейшем: ARB), d. XX, 1922, blz. 11—126; d. XXVII, 1928, blz. 45—220; d. XXXV, 1932, blz. 1—223, а также в ряде других томов этого издания.

¹⁰ Сравнительный анализ социального строя у батаков и минангкабау сделал этнограф Э. Лэб [E. M. Loeb. 1) Patrilineal and matrilineal organization in Sumatra: the Batak and the Minangkabau (в дальнейшем: E. M. Loeb. The Batak). American Anthropologist, v. XXXV, 1933, № 1; v. XXXVI, 1934, № 1; 2) Die sociale Organisation Indonesiens und Ozeaniens.

ляющем своем большинстве батаки живут в деревнях. Формы поселения у них весьма различны: у тоба и пакпаков — небольшие укрепленные деревушки, насчитывающие иногда лишь несколько домов, тогда как у мандайлингов встречаются деревни численностью до 500 домов.¹¹ Селение — *хута* (*кута*)¹² — вместе с относящимися к нему возделываемыми и пустующими землями, лесами, водоемами образует общину. С увеличением числа жителей деревни от основного поселения (*пербанан*, т. е. «место, где живет отец»), или *хута парсерахан*, т. е. «материнская хута») отделяются выселки, которые разрастаются и превращаются в хута, но сохраняют подчиненное положение по отношению к первоначальной хута (по крайней мере во всем, что касается традиционных адатных отношений).

Несколько близлежащих хута (у тоба до 40), отстоящих одна от другой не более чем на километр, образуют, согласно новому административному делению, введенному после создания Республики Индонезии, более крупное объединение — *кампунг*. Кампунг имеет свой рынок, лавку, кофейню, расположенные в старшей хута. Являясь низшей административной единицей, кампунг несет ответственность за поддержание в порядке ирригационной системы, за сохранение дорог, своевременный сбор налогов на территории всех своих хута.

В прошлом очень часто происходило объединение близлежащих деревень в более крупные единицы, носившие различные названия: *хундулан* (у тоба), *урунг* (у каро), а также *куруа*, *луат* и др. Особенно распространены были такие союзы у каро. Их образование вызывалось рядом причин: необходимостью защиты от общего врага, требованиями улучшения ирригации и пр. Голландские власти закрепили эти временные союзы законодательно, включив их под разными названиями — в зависимости от района — в административную структуру. После провозглашения

Anthropos, V. XXVIII, 1933, H. 5—6, SS. 651—656]. О социальной организации минангкабау также см.: P. E. de Josselin de Jong. Minangkabau and Negri-Sembilan. A socio-political structure in Indonesia. Leiden, 1951; Ю. В. Маретин. 1) Община минангкабау и ее разложение (первая треть XX века). Восточноазиатский этногр. сб., II, М., 1964; 2) Отмирание пережитков материнского рода в семейно-брачных отношениях минангкабау (первая половина XX века). Сов. этногр., 1960, № 3; J. U m a r. Some remarks on Minangkabau social structure. Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde, d. 120, 1964, afl. 3; S. S z y n k i e w i c s. Rospad rodziny macierzistej na Sumatrze a pozycja społeczna kobiety. Ethnografia Polska, t. IX. Wrocław, 1965.

¹¹ E. M. L o e b. The Batak, p. 20; W. K. H. Y p e s. Nota omtrent Singkel en de Pak-pak landen. Tijdschrift voor Indische taal-, land- en volkenkunde, d. XLIX, 1907, afl. 5—6, blz. 629—638; D. J. T u g b y. The social function of *mahr* in upper Mandailing, Sumatra. American Anthropologist, v. 61, 1959, № 4, p. 631; ср.: J. K e u n i n g. Toba Bataks en Mandailing Bataks. Indonesië, 7-de jaarg., 1952—1953, blz. 156—173.

¹² Термин перед скобками дан на диалекте тоба, в скобках — на диалекте каро. Другие случаи оговорены специально.

Республики Индонезии это деление было отменено, а сами термины вышли из употребления. В настоящее время малайское слово *кампунг* вытесняет не только термины, введенные голландцами, но и местные названия, став наиболее распространенным обозначением деревни вообще; в первую очередь это относится к районам батакской трансмиграции, где батаки живут вперемежку с малайцами Восточной Суматры и минангкабау.

В каждой хута проживают члены нескольких *марга* (*мерга*), причём один марга обычно численно преобладает и является господствующим. Так, Э. Лэб отмечает, что «среди каро (представители, — Ю. М.) пяти главных марга могут быть найдены в каждой деревне, хотя в каждой округе определенный марга находится в большинстве и о нем обычно говорят как о старейшем в округе, а также как о правящем марга ... Каждый марга в деревне имеет свои собственные земли, которые он предоставляет своим членам».¹³

Марга — разросшийся род, члены которого ведут происхождение от общего мужского предка и сохраняют его имя, как правило легендарное. Члены одного марга называют себя *сенина* или *донган саина*, т. е. «от одной матери» (тоба), *самарга*, т. е. «из одного марга» (англола), и др. Батаки-тоба с о. Самосир, сохранившие традиционную культуру в наиболее нетронутым виде, нередко могут насчитать до 20 поколений предков, батаки других районов — несколько меньше. Каждая батакская этническая группа (в прошлом племя) состоит из нескольких марга: у тимуров их 4, у каро 5, у тоба 19 и т. д. Различие в числе марга объясняется тем, что, разрастаясь, первоначальные марга делились, и новые подразделения также получали название марга (подобно тому как разраставшиеся минангкабауские *кампуэнги* получали название *суку*). Естественно, что у тоба, которые по численности равны всем остальным батакским группам, взятым вместе, количество марга наибольшее.¹⁴ Следы былого дуального деления более отчетливо прослеживаются у тоба, хорошо сохранивших генеалогии и легенды о двух первоначальных марга — Сумба и Лонтунг.¹⁵

¹³ E. M. Loeb. The Batak, pp. 20, 21. Подробнее о соотношении родовых и территориальных принципов в батакских деревнях см.: C. E. Cunningham. The postwar migration..., pp. 34—38; J. C. Vergouwen. Het rechtsleven..., blz. 126—161.

¹⁴ M. Joustra. Batakspiegel, blz. 197, 199, 202—206. Общее количество марга в настоящее время, по-видимому, значительно превышает 250 (C. E. Cunningham. The postwar migration..., pp. 18, 22).

¹⁵ M. Joustra. Batakspiegel, blz. 201; H.-D. Kubitschek. Einige Bemerkungen..., SS. 23—24. Голландские ученые Х. Фишер и Х. ван Ренселаар доказывают на основании анализа терминов родства существование в прошлом у батаков дуальной системы, выражавшейся в наличии четырех родов. (H.-T. Fischer en H. C. Renselaar. Over enkele Batakse verwantschapstermen. Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde, d. 115, 1959, afl. 1, blz. 40—55).

Хута, в которых живут представители только одного марга и их жены (принадлежащие, в силу закона экзогамии, к другим марга), в настоящее время встречаются редко; обычны поселения, в которых совместно проживают члены нескольких марга. В наши дни наибольшее количество хута с более однородным в генеалогическом отношении составом встречается у тоба.¹⁶

Марга делятся на подроды, число которых в каждом марга различно. Обычно их называют *хорджа* (*жерджа*) или «малые марга» в отличие от «больших марга» — бывших родов. Хорджа включает в среднем 8—12 поколений кровных родственников (минимальное зафиксированное в литературе число поколений в хорджа — 5, максимальное — 15).¹⁷ Следующее подразделение —

¹⁶ В прошлом деревни, в которых жили представители одного марга (того, который основал данную деревню), их жены из других марга, временные пришельцы и рабы (и пришлые, и рабы были также из других марга) встречались, по-видимому, часто (D. W. N. de Voer. De Tobabataksche grondrechtsbegrippen. ARB, d. XXVII, 1928, blz. 171). Поселение в таких случаях носило родовой характер; это была община, составленная из больших семей, принадлежащих к одному марга. Именно данный период в истории социальной организации батаков специально исследовал чехословацкий ученый М. Стухлик в работе «Социальная и политическая организация у батаков», где он пишет о преимущественно родовом расселении в батакских хута (M. Stuchlík. Batak, pt. II, pp. 82ff, 129, 130, 134). При этом М. Стухлик отмечает, что он «пытался описать батакское общество, каким оно существовало до того, как стало ощущаться голландское влияние» (там же, стр. 128), т. е. около середины XIX в. Следует отметить, что некоторые исследователи подвергают сомнению наличие чисто родовых поселений у батаков даже в прошлом: «Подобный образец (поселения, — Ю. М.), — пишет американский этнограф К. Каппингем, — представляет идеализацию; мы знаем, что такие хута, населенные членами одного марга, были редки, если они существовали вообще» (C. E. Cunningham. The postwar migration..., p. 34).

У нас нет оснований отрицать наличие родовых поселений у батаков в прошлом ни по теоретическим соображениям, ни по тем фактам, которые имеются в нашем распоряжении. Однако в настоящее время родовой характер таких поселений в значительной степени утрачен. По мере разрастания марга в результате войн, в процессе освоения новых земель, а также вследствие ряда других причин происходила как сегментация марга и территориальное рассредоточение этих сегментов, так и образование поселений смешанного в генеалогическом отношении типа, в которых фактор совместного проживания (а не только фактор происхождения от одного предка) стал играть все возрастающую роль (D. W. N. de Voer. De Toba-Bataksche grondrechtsbegrippen. blz. 172; J. C. Vergouwen. Het rechtsleven..., blz. 41; E. M. Loeb. The Batak, p. 21; cp.: M. Stuchlík. Batak, p. 81).

¹⁷ M. Stuchlík. Batak, pt. I, pp. 109—111; pt. II, pp. 87—91; H.-D. Kubitschek. Einige Bemerkungen..., SS. 20—23; J. C. Vergouwen. Het rechtsleven..., blz. 38—39.

Наряду с марга и хорджа как наиболее крупными генеалогическими подразделениями у тоба и дайри существовало также особое, недостаточно еще изученное объединение — *биус*, «охватывающее все главные марга, населяющие обширную территорию, так же как и небольшие части других марга, живущих в пределах этой территории» (M. Stuchlík. Batak, pt. I, p. 107; см. также: pt. II, pp. 91—92). Объединение хорджа при этом выступает не только как часть марга, но и как часть биуса. Немецкий исследователь Г.-Д. Кубичек приходит к выводу, что «соотношение между

саомпу — «от одного предка». Это группы кровных родственников, включающие от 4 до 8 поколений. Как правило, в саомпу входят потомки основателя нескольких соседних деревень.¹⁸

В прошлом члены марга были прочно связаны друг с другом общностью имущества, традициями взаимопомощи и взаимного уважения, обязанностью участвовать в торжественных церемониях; внутри марга действовал принцип «один за всех и все за одного».¹⁹ Теперь родственные узы между членами марга в значительной мере ослабли, экономические же связи между ними оказались полностью нарушенными. Однако родовые пережитки еще сильны: малые марга по-прежнему экзогамны, а у каро нередко экзогамны и большие марга. Первый вопрос, который задают батаки при встрече, касается выяснения места происхождения и родовой принадлежности: «Какого ты марга?» («Аха до маргамуна?»). В зависимости от ответа выбирается и форма обращения. Такое предварительное выяснение родовой принадлежности и степени родственной близости называется *мартугур*.²⁰ Члены одного марга, выяснившие, что между ними нет прямых родственных отношений, называют друг друга вежливым обращением «товарищ», «брат», тогда как связанные реальным родством обращаются друг к другу, употребляя конкретные термины родства. На значение марга в жизни батаков указывает поговорка: «Человек без марга, как орех без скорлупы».²¹

Подроды делятся на патриархальные большие семьи, включающие обычно 4 семейные ячейки, состоящие каждая из мужа, жены и детей. Большая семья размещается в одном доме, имеет свой земельный надел, управляется своим главой. Называется она либо *донган саджабу* (тоба), либо *румах* (каро), есть и другие термины.²² Иногда от разросшейся большой семьи отпочковываются семьи, которые селятся отдельно (обычно на незанятых землях) и дают начало новым выселкам. В настоящее время большие семьи во многих районах являются уже редкостью; господствующей формой хозяйственной и семейной жизни стала малая семья.²³ Исключение составляют лишь некоторые районы, насе-

биус и хорджа — это до некоторой степени возрождение (связей, — Ю. М.) первоначальных родов-марга в рамках племени. Эта гипотеза, — пишет он далее, — заслуживает внимания, ибо деление биус на четыре части — часто встречающееся явление» (H.-D. Kubitschek. Einige Bemerkungen..., S. 23). Иначе говоря, биус выступает как племя, а хорджа — как род.

¹⁸ M. Stuchlík. Batak, pt. I, pp. 112—115; pt. II, pp. 85—86; J. C. Vergouwen. Het rechtsleven..., blz. 36.

¹⁹ H. Porkas Daulae. Marga Batak, hal. 13—14.

²⁰ C. E. Cunningham. The postwar migration..., p. 29; E. M. Loeb. Sumatra..., p. 47; J. C. Vergouwen. Het rechtsleven..., blz. 58.

²¹ C. E. Cunningham. The postwar migration..., pp. 17, 22.

²² M. Stuchlík. Batak, pt. II, pp. 85—86; J. C. Vergouwen. Het rechtsleven..., blz. 278—279; M. Joustra. Batakspiegel, blz. 198, 211.

²³ M. Stuchlík. Batak, pt. I, pp. 115—116; C. E. Cunningham. The postwar migration..., p. 55.

ленные каро, где сохранились большие семьи, члены которых занимают один или несколько домов (дом называется *румах*, откуда и пошло само название большой семьи) с прилегающими хозяйственными постройками и двором. Вся усадьба, принадлежащая такой семье, называется *кесаин* («двор») или *терпук* («часть»). Большая семья носит имя малого марга, к которому она принадлежит. Например, у каро «*румах Кербо*» — «большая семья [подрода] Кербо», «*румах Герга*» — «большая семья [подрода] Герга» и т. д. В кароской деревне встречается до нескольких десятков таких *румах*, причем некоторые из них носят одно имя, так как произошли от одной *румах*.²⁴

Общину подобного типа, состоящую из нескольких генеалогических подразделений, — как правило, это большие семьи (они же домашние, или домовые, общины), — сохраняющих не только генеалогические и ритуальные, но и определенные экономические связи, но подчиненных большему единству, основанному на соседском принципе, мы предложили назвать соседско-большесемейной.²⁵ У батаков наиболее отчетливо черты, характерные для общины такого типа, обнаруживают себя в южных районах их расселения. На батакском материале можно проследить переход от общины, которая состоит из больших семей, принадлежащих к одному роду (т. е. от одной из поздних форм родовой общины), к общине, которая состоит из больших семей, принадлежащих к разным родам, т. е. к соседско-большесемейной по нашей типологии. Еще более отчетливо можно проследить дальнейший процесс эволюции общины — от распада соседско-большесемейной общины к сложению соседской общины и, наконец, к разложению последней — в современных условиях.

В целом генеалогические подразделения батаков находят соответствующие параллели в социальной организации минангкабау и других народов Индонезии, сохранивших пережитки общинно-родовой организации. Так, если сравнить социальную структуру батаков и минангкабау, то марга можно сопоставить с суку, малый марга (хорджа) — с частью суку, члены которой живут в сравнительной близости, саомпу — с кампуэнгом, *румах* — с сабуах паруй (или с джураи), семейную ячейку *рипе* — с самандай (при этом следует иметь в виду, что в традиционной матрилинейной структуре минангакабау самандай включает мать

---

²⁴ E. M. Loeб. The Batak, p. 19; M. J. Oustrа. Batakspiegel, blz. 198, 211. Следует особо подчеркнуть, что в батакском обществе, помимо описанных выше, до начала XX века существовали и другие объединения генеалогического, религиозного, административного и географического характера (см., например: E. E. Schröder, Bataksche volksordening. ARB, d. XX, 1922, blz. 17). Вопрос о социальных функциях этих объединений, а также об их границах требует дальнейшего углубленного изучения.

²⁵ Ю. В. Маретин. Община и ее типы в Индонезии. (Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук). М., 1964, стр. 8—9.

с детьми и мужа, а в патрильной батакской структуре семейная ячейка включает отца с детьми и жену).

Представители старейшего марга, чьи предки первыми поселились в данной местности, занимают привилегированное положение. Из этого марга, называемого у тоба *марга сипунгжа хута* («род — основатель деревни») или *марга раджа* («род раджи»), выбирались прежде старейшины деревни; его члены имели ряд преимуществ в пользовании сельскохозяйственными угодьями, были окружены знаками особого внимания со стороны односельчан. Остальные марга находились в подчиненном положении. Члены марга, занимающего привилегированное положение в одной деревне, в другой могли быть в подчинении, если селились в этой деревне позже членов чужих марга. Сейчас в политическом отношении члены всех марга имеют равные права, а в экономическом положении и в отношении взаимного этикета между марга по-прежнему сохраняются различия.²⁶

Порядок землевладения и землепользования у батаков свидетельствует о переходе от соседско-общинных порядков с сильными пережитками родовых отношений к индивидуальному землевладению, с зачатками капиталистических форм. Теоретически (по *адату* — обычному праву) вся возделанная земля считается принадлежащей марга и его подразделениям, которые и осуществляют верховные права на нее (это право владения называется *голат*).²⁷ В настоящее время фактическими владельцами обработанных земель являются уже малые семьи или большие (там, где они сохранились), но не марга и не саомпу. При этом право наследственного пользования почти повсеместно перешло в право собственности, особенно в районах заливного рисосеяния. В первую очередь это право распространяется на земли, обработанные трудом данного общинника, затем — на земли, полученные по наследству (при условии, что другие наследники не могут оспорить это право). Община — либо соседско-большесемейная, либо соседская (там, где она уже возникла) — распоряжается через своих старейшин лишь пастбищами, пустошами, целинными землями, лесами и иногда регулирует отношения между семьями в вопросах землепользования. На разработку целины имеют право все

²⁶ M. Stuchlík. Batak, pt. II, pp. 70—77, 112—124, 131—136; H. Pokas Daulae. Marga Batak, hal. 31—33; C. E. Cunningham. The postwar migration..., p. 20; J. C. Vergouwen. Het rechtsleven..., blz. 56—58, 133—141.

²⁷ О землевладении у батаков см.: M. Stuchlík. Batak, pt. II, pp. 93—117; I. Hilgers-Hesse. Das Eigentumsrecht bei den Toba-Batak in Nord-Sumatra. Zeitschr. für vergleich. Rechtswiss., Bd. LXIII, Stuttgart, 1961, SS. 185—217; J. C. Vergouwen. Het rechtsleven..., blz. 136—137; D. W. de Boeren W. J. Beck. Bataksch grondenrecht. ARB, d. XXVII, 1928, blz. 170—185; A. Enda Boemi. Het grondenrecht in de Bataklanden (Tapiannaoli, Simeloengoen en het Karoland). Leiden, 1925; E. E. Schröder. Bataksche volksordering, blz. 47—87; см. также: ARB, d. XXXV, 1932, blz. 38—48, 155—185.

члены общины, но с разрешения старейшины деревни. Пришлые и принадлежащие к марга, не представленным в данной деревне, также имеют это право, но они обязаны, помимо разрешения от старейшины, заплатить определенную сумму в общинную кассу. В некоторых случаях обязательным условием получения права на землепользование является адопция, т. е. принятие в семью (род), при этом принимаемый человек платит данной семье (роду) некоторую сумму. Право на землю за каждой большой или малой семьей сохраняется до тех пор, пока видны следы обработки земли. Воды и береговая полоса оз. Тоба, так же как и зеркало его, являются общим достоянием: каждый житель прибрежных деревень может свободно заниматься рыбной ловлей в озере.²⁸

Полное отчуждение земли прежде практически не встречалось, так как для этого нужно было разрешение всех членов большой семьи, а также всех членов малого (а когда-то и большого) марга. Заклад был возможен, но тоже с разрешения сородичей. Члены собственного рода имели приоритет. При совершении сделки обязательным было присутствие свидетелей. Если заклад длился долго (например, перейдя от отца к сыну или даже к внуку), то нередко приходилось прибегать к судебному разбирательству на основе адатных законов, ибо первоначальные права за давностью лет оказывались забытыми. Эти споры нередко являлись причиной ссор не только между семьями, но и между деревнями и даже служили поводом к вооруженным столкновениям.²⁹

В настоящее время фактическая частная собственность на землю стала быстро распространяться, хотя видимость общинно-родового землевладения нередко сохраняется. Существовавшие прежде арендные отношения усилились в 20—30-е годы и особенно после окончания второй мировой войны. Батак, не возделывающий свою землю (например, уехавший с семьей в город), сдает ее в аренду из пятой доли, трети или даже исполу.³⁰ Присутствие посторонних свидетелей при совершении сделки уже необязательно, тем более не нужно согласие или простое присутствие членов марга. Ремесленники, учителя, торговцы, владеющие землей, уже все реже обрабатывают ее сами, предпочитая сдавать в аренду. Те же ремесленники, которые возделывают поле своим трудом, занимаются ремеслом в сезон затишья между сельскохозяйственными работами. Арендные отношения постепенно рас-

²⁸ J. C. Vergouwen. *Het rechtsleven...*, blz. 374—375; E. Loeb. *Sumatra...*, pp. 42—43; C. E. Cunningham. *The postwar migration...*, pp. 18—23, 34—37.

²⁹ M. Joustra. *De Bataks*. In: *De volken van Nederlandsch-Indië*, d. I. Amsterdam, 1920, blz. 140. О характере ведения войн у батаков см.: ARB, d. XXXV, 1932, blz. 95—104, 110—120.

³⁰ E. M. Bruner. *Urbanization and ethnic identity in North Sumatra*. *American Anthropologist*, v. 63, 1961, N 3, p. 516.

пространяются и на рыбацкие артели, где за аренду пехода или лодки владетель получает $\frac{1}{3}$ улова. При лове вдвоем рыбак, являющийся хозяином снастей и лодки, получает $\frac{2}{3}$ улова, а его напарник — $\frac{1}{3}$.

Если в районах заливного расчленения земля закреплена за отдельными малыми семьями (т. е. налицо фактическая частная собственность на землю), то в районах подсебно-огневого земледелия происходит постоянное перераспределение земель: истощенные земли бросаются, старейшины выделяют членам общины новые участки для обработки в зависимости от размеров каждой семьи. В прошлом постоянные поиски новых, неистощенных участков очень часто вели к пограничным недоразумениям и даже к кровопролитным войнам между деревнями.³¹

Обработку поля ведут члены семьи и ближайшие родственники. Все шире распространяются разного рода объединения взаимопомощи, представляющие собой уже не только родственные, но и чисто территориальные группы.

Среди батаков встречается все больше безземельных крестьян. Уже в конце 1930-х годов во многих районах участки обрабатываемой земли, приходящиеся на душу населения, сильно сократились в результате усилившегося классового расслоения и роста населения. В северо-восточных и восточных районах страны батаков причиной сокращения было предоставление тогда еще не занятых крестьянами земель иностранным плантаторам (с санкции голландских официальных властей). Так, например, район Ангола стал основным районом чайных плантаций Восточной Суматры; здесь же появились плантации каучуконосов, сизаля, масляной пальмы. После победы индонезийской революции в 1945 г. часть плантационных земель в батакских районах была занята крестьянами. Однако это не решило земельной проблемы: аграрное перенаселение продолжает ощущаться в большинстве батакских районов.³² В настоящее время средний участок орошаемой земли на семью равен 0.25—0.3 га. Немногие семьи владеют участком в 1 га и более. Учитывая, что средняя семья в 6 человек потребляет в год 720 л риса, а урожай с 1 га составляет 1500—2000 л, семье, имеющей 0.25 га, не хватает 200—300 л риса в год, т. е. $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ необходимого количества риса.³³ Все это означает, что земледелие в его нынешнем виде перестало служить достаточным источником существования.

Земельный голод и упадок традиционного земледелия ведут к сильному росту отходничества (*марджаджо*), к росту значения

³¹ Эти частые столкновения и настоящие войны между деревнями ставляли батаков закапывать свои ценности в землю. Поэтому сейчас при проведении сельскохозяйственных работ нередки случаи находок кладов, состоящих из золотых и серебряных монет, украшений и пр.

³² Н. P o r k a s D a u l a e. Marga Batak, hal, 8—9.

³³ С. E. C u n n i n g h a m. The postwar migration. . . , p. 77.

разного рода дополнительных источников существования, к переселениям целых деревень. Отходничество распространено преимущественно среди мужчин, а в районах с особо тяжелыми экономическими условиями (например, Самосир) — и среди женщин. Вследствие нехватки земли только из районов тоба переселилось с 1950 по 1956 г. на Восточную Суматру более 250 тыс. человек. Переселенцы захватывали земли, принадлежавшие ранее иностранным плантаторам, осваивали новые. В тот же период около 90 тыс. тоба в поисках лучших условий существования переселилось в долину р. Алас, на север, причем насиженные места оставляли жители целых деревень.³⁴ В результате в некоторых районах, там, где ранее ощущалось перенаселение, обнаружилась нехватка людей. Так, в хута Сибаринбаринг на южном берегу оз. Тоба в 1920 г. проживало 22 семьи, занимавшие 11 домов; к 1940 г. здесь осталось около 12 семей; а к 1956 г. — только 3, занимавшие 4 дома. Остальные дома либо уже развалились, либо стояли заколоченными, и их ждала та же участь.³⁵ В 1956 г. индонезийское правительство, стремясь упорядочить стихийные трансмиграции, запретило свободное переселение.³⁶

Освоенные переселенцами новые земли становятся их полной собственностью и свободно продаются, при этом цена на землю постоянно растет. Так, в 1952 г. 1 га орошаемой земли во вновь освоенных районах на востоке стоил 2000, а в 1955 г. — 5000 рупий.³⁷

В районах трансмиграции происходит интенсивное смешение батакских, малайских, минангкабауских, яванских и других элементов.

Батакские деревни управляются выборными советами народных представителей. Низшей административной единицей является, как уже указывалось, кампунг, состоящий из нескольких десятков хута. Во главе кампунга стоит *кепала кампунг* — «глава кампунга», избираемый жителями всех хута. Он получает небольшое жалованье от правительства; остальная же часть его дохода складывается из традиционных подношений от односельчан за совершение различных сделок, по случаю праздников и т. д. Несколько кампунгов объединены в более крупную административную единицу — *негери*, возглавляемую назначенным правительством главой — *кепала негери*, или *кетуа деван*. Несколько негери составляют округ — *кечаматан*, входящий в район — *кебупатен*. Кебупатен является частью *кересиденана*, входящего в состав провинции. Чрезвычайно примечательно, что в управлении участвуют теперь молодые люди, которые имеют образование

³⁴ Там же, стр. VII, 79, 89.

³⁵ Там же, стр. 78.

³⁶ Ю. Г. Александров. Политика Республики Индонезии в сельском хозяйстве. М., 1964, стр. 44—46, 53.

³⁷ C. E. C u n n i n g h a m. The postwar migration... , p. 107.

(в большинстве случаев, правда, начальное или среднее), а главное, имеют опыт жизни и работы в городе и других местах.³⁸

До введения единой для всей Индонезии системы сельского управления (эта реформа была осуществлена республиканским правительством) каждая батакская хута имела своего старейшину — *раджу*, а каждый союз деревень — совет старейшин, во главе которого стоял главный старейшина — *раджа панусунан*. Должности старейшин принадлежали членам старейших в данном районе марга. В разных районах старейшины имели разные названия: *раджа хута* — «раджа деревни», *сибайяк* — «богатый», *туан* — «господин» и пр. У главного старейшины были помощники, причем первый помощник — обязательно представитель марга его жены. Раджа ведал внешними делами общины (связь с высшими властями, с соседними общинами), первый помощник — внутренними (распределение земель, решение семейных дел и пр.). Кроме того, специальный раджа — *ражда адат* — ведал делами, связанными с соблюдением адата. В период колониального господства старейшины были обычно основной опорой голландцев.³⁹

Марга в целом не имел единого управления, но в каждом марга была большая семья, считавшаяся старейшей; кроме того, члены марга признавали одну из деревень в качестве своей прародины. Именно в данной большой семье, жившей в старейшей хута, передавался по наследству титул *раджа марга* или *раджа ихутан* — «раджа, за которым должно идти». Этот старейшина в прошлом имел большую власть и был окружен почетом со стороны всех членов марга. Передача титула новому радже проходила в чрезвычайно торжественной обстановке в присутствии всех сородичей, и мужчин и женщин, но право выбирать имели только мужчины. В случае, если наследник почему-либо не подходил к занятию должности (а наследником должен был быть самый старший и уважаемый из мужчин), раджу выбирали из числа других ближайших родственников.⁴⁰

Каждая большая семья имела своего главу, распоряжения которого все члены ее должны были беспрекословно выполнять. Главы больших семей входили в состав деревенского совета. В руках деревенских старейшин, помимо управления, находилось также право суда. И управление, и судопроизводство осуществлялись в строгом соответствии с адатом. Решение принималось после общего обсуждения при обязательном единогласии. До установ-

³⁸ E. M. Bruner. The Toba-Batak village. In: Local, ethnic, and national loyalties in village Indonesia: a symposium. Ed. by G. W. Skinner. Yale, 1959, pp. 54—55; C. E. Cunningham. The postwar migration..., pp. 56—61, 127—130.

³⁹ M. Stuchlík. Batak, pt. II, pp. 72—75, 82—85; H. Porkas Daule. Marga Batak, hal. 27—29; E. M. Bruner. The Toba-Batak..., p. 60.

⁴⁰ J. C. Vergouwen. Het rechtsleven..., blz. 150 vv.; ARB, d. XXXV, 1932, blz. 84—89.

ления голландского господства доходы старейшин складывались из следующих статей: сбор с торгующих на базаре, с играющих в азартные игры, налог на убой скота, плата за судебное разбирательство, за совершение брачной церемонии, деньги, уплачиваемые пришлыми за право пользоваться незанятой общинной землей или за право сбора лесных продуктов, часть охотничьей добычи, наконец, у некоторых групп (например, у пакпаков) — доля урожая риса или других культур. С развитием европейского плантационного хозяйства старейшины стали получать часть концессионного налога с плантаций (в районах, расположенных у так называемого плантационного пояса восточного побережья Суматры).⁴¹

Выше уже говорилось о распространенности рабства у батаков вплоть до конца XIX—начала XX в., когда оно было запрещено голландскими властями. Рабами владел, как правило, весь марга раджа, т. е. представители правящего марга данной деревни. Но внутри него главными держателями рабов были старейшины этого марга. Рабы-военнопленные и злостные нарушители адата в прошлом были объектом каннибальских церемоний.⁴² Должник считался заложником, пока не отработывал радже весь долг, который раджа внес в уплату за него. Рабыня могла стать свободной, если ее брал в жены свободный общинник (после уплаты выкупа семье, чьей собственностью она была). Дети раба и свободной женщины считались свободными,⁴³ но дети свободного и рабыни оставались рабами, т. е. статус свободного или раба наследовался по материнской линии (в отличие от строгой патрилинейности, которой батаки придерживались во всех остальных случаях).

Привилегированное положение старейшин (в особенности главного старейшины и его помощников) давало им возможность эксплуатировать труд общинников в своих интересах. Старейшины имели преимущество в торговле (вплоть до монополии), пользовались бесплатным трудом односельчан при обработке своих рисовых полей и на других работах. Батакские старейшины (раджи) и члены старейших марга (их называют *анак ни раджа* — «дети раджи») имели гораздо больше земли, чем их односельчане, и представляли собой более зажиточную прослойку, из которой начинало формироваться сословие будущих феодалов.

---

⁴¹ ARB, d. XX, 1922, blz. 116—121; d. XXXV, 1932, blz. 186—209; M. Stuchlík. Batak, pt. II, pp. 117—122; M. J ou s t r a. Batakspiegel, blz. 260.

⁴² И. Бреннер. Три месяца среди людоедов Суматры. (Сокр. пер. с нем.). 3-е изд. М., 1924; F. J a g o r. Menschenfresserei bei den Batakern. Verhandl. der Berl. Ges. für Anthropol., Ethnol. und Urgeschichte, Jahr. XXVII, 1895, SS. 324—326.

⁴³ M. Stuchlík. Batak, pt. II, pp. 71—72, 77—81; E. M. L o e b. Sumatra. . ., pp. 40—42.

Особенно отчетливым сословное деление было у тимуров, у мандайлингов и у каро.⁴⁴

Голландцы проводили у батаков, как и во всей Индонезии, политику поддержки адатных старейшин, видя в них свою опору. Должность главного старейшины была сделана наследственной с обязательной передачей ее от отца к старшему сыну. Превращение старейшин в голландских чиновников низшего ранга привело к упадку их авторитета у населения. Недовольство старейшинами вызвал и тот факт, что голландцы разрешали доступ в правительственные школы второй ступени (в Медане и Джакарте) только детям из господствующего марга. Наиболее ярко это недовольство проявилось в период революции: многие из старейшин были убиты.⁴⁵

Таким образом, к началу XX в. батаки имели отчетливое сословное деление: феодализирующаяся общинно-родовая верхушка; привилегированные общинники из числа членов старейших марга; старейшины более низкого ранга и их родственники; свободные рядовые общинники, находившиеся в социальном и экономическом подчинении у вышеназванных привилегированных групп; наконец, бывшие рабы или их потомки. В большинстве случаев бывшие рабы не имели земли и были арендаторами у своих прежних хозяев.

Быстрое развитие товарно-денежных отношений с начала XX в., чему способствовало в особенности производство экспортных культур, вызвало рост социального расслоения. Из среды батаков выдвинулись представители собственной буржуазии, формировавшейся в значительной мере из числа старейшин, торговцев и производителей экспортных культур.⁴⁶ Беднейшая же часть деревенского населения стала заниматься отходничеством, ища средства к существованию в мелкой торговле, в освоении бывших плантационных и целинных земель на восточном побережье, в работе на чайных и табачных плантациях в окрестностях главных восточносуматранских городов Медан и Дели. Среди батаков,

---

⁴⁴ H. P o r k a s D a u l a e. Marga Batak, hal. 25, 29; J. M. van der K r o e f. Indonesia..., pp. 7—10; E. M. L o e b. Sumatra..., pp. 38—39; M. J o u s t r a. Batakspiegel, blz. 213—228. Глубокий анализ процесса социальной стратификации батаков сделал М. Стухлик (M. Stuchlik. Batak, pt. II, pp. 72—77, 90, 112—136). В своем исследовании он следующим образом формулирует основное противоречие между старыми традициями и новыми тенденциями в социальных отношениях батаков: «В батакском обществе существует ... антагонизм: социальные отношения, основанные на племенном сознании, в обществе, разделенном на социальные слои» (там же, стр. 93).

⁴⁵ E. M. B r u n e r. The Toba-Batak..., pp. 59—60; G. M a c T u r n a n K a h i n. Nationalism and revolution in Indonesia. New York, 1955, pp. 179—181.

⁴⁶ A. H. Z a n e n. Voorwarden voor maatschappelijke ontwikkeling in het Centrale Batakland. Leiden, 1934.

не нашедших себе применения в городе, формировался люмпен-пролетариат.

Конституция 1945 г., провозгласившая равноправие всех граждан Республики Индонезии, уравнивала в правах и всех батаков. Она лишила старейшин их былых привилегий; были лишены привилегий и члены правящих марга. Но если сословные различия, хотя и сохранившиеся в какой-то мере, потеряли свое значение, то имущественные различия ликвидированы не были и в ряде случаев даже углубились в силу ускорения распада общины у батаков.⁴⁷

Пережитки отцовского рода до настоящего времени дают себя знать и в семейно-брачных отношениях батаков. Еще несколько десятилетий назад у батаков строго соблюдалась родовая экзогамия. Брак внутри своего марга был запрещен; кроме того, батак не мог жениться на женщине из марга, куда выдают его сестер. Предпочтительным считался брак на дочери брата матери, но не на дочери сестры отца. Относительно последнего запрета существовала даже поговорка: «Невозможно, чтобы река текла к своему истоку». Экзогамия больших марга в настоящее время отмирает. Однако в тех случаях, когда экзогамия марга уже строго не соблюдается, брак на дочери сестры отца все же запрещается, разрешены лишь браки на троюродных кузинах. Два брата не могут жениться на двух сестрах.⁴⁸

В брачных отношениях батаков отчетливо обнаруживаются следы союза трех родов. Весь комплекс отношений, характерных для трехродового союза, называется у батаков *далихан на толу*.⁴⁹ Далихан на толу — это треножник (или просто три камня). На него над огнем ставят горшок с пищей. Три опоры этого треножника символизируют три основы, на которых зиждились брачные и некоторые другие социальные отношения, а именно: *донган саина* (или *сабутуха, каханги*), т. е. отношение «моего» марга; *марга бору* — род «дочь», в который выдают женщин «моего» марга (в южных районах марга бору называется *бай-обайо*); *марга хулахула* (или *намора, наморамора* — «богатый»), откуда берет жен «мой» марга. Последний марга считается по положению выше того, который берет жен. Эти отношения строго соблюдаются во всех адатных церемониях (например, по случаю свадьбы, похорон и т. д.), в повседневной общественной жизни и в управлении. Так, члены марга хулахула могут обра-

⁴⁷ H. Porkas Daulae. Marga Batak, hal. 30. Этот вывод позволяет также сделать материал, собранный К. Каннингемом и Э. Брунером и опубликованный в цитируемых нами работах.

⁴⁸ H.-D. Kubitschek. Einige Bemerkungen..., S. 21; E. M. Loeb. Sumatra..., p. 49; см. также разделы о брачном праве («Huwelijksrecht»): ARB, d. XXVII, 1928, blz. 196—204; d. XXXV, 1932, blz. 2—39.

⁴⁹ Г. Г. Стратанович. Новейшие данные..., стр. 118—122; H.-D. Kubitschek. Einige Bemerkungen..., SS. 24—25, 39; C. E. Cunningham. The postwar migration..., pp. 17—24.

тяться за помощью в «мой» марга, и последний обязан оказать эту помощь деньгами, трудом и т. д. Строгий этикет предписывает, например, чтобы представитель марга, который берет жен, уступал место представителю марга, который дает жен. Если «мой» марга является хулахула по отношению к тому марга, который берет у него жен, то по отношению к марга, дающему жен «моему» марга, последний является бору.

Брак формально выглядит как покупка жены. До недавнего времени плата за жену — *джуджур* — сильно различалась в зависимости от социального положения женщины. Так, за девушку из господствующего марга платили еще в 20-е годы XX в. около 250 гульденов, а за девушку из обычного марга — почти в 3 раза меньше: от 80 до 100 гульденов. Иногда цена доходила до 1000 гульденов и более. Плата за кросс-кузину несколько снижалась.⁵⁰ В уплате за жену принимает участие вся большая семья жениха, поэтому она заинтересована в том, чтобы после смерти жены уплаченная сумма не пропала: отсюда проистекает широко распространенный обычай сорората. Этот обычай встречается также в случае бездетности жены, но при условии, что за нее выплачена вся сумма.⁵¹ Плата за жену является материальной компенсацией отцу за уход дочери, а марга невесты — за свадебные расходы. Частично плата возвращается жениху в виде брачного подарка. Таким образом, имеет место не простая «покупка» женщины, а сложная форма союза между двумя большими семьями, представляющими два рода.⁵² У батаков-мусульман традиционные обычаи, связанные с выкупом за невесту, были подкреплены и несколько видоизменены влиянием ислама.⁵³

С выходом замуж женщина принимает родовое имя мужа и переходит в его семью. Однако родовое имя женщины сохраняется: так, батачка из рода (марга) Насутион известна в роде ее мужа как «бору Насутион», т. е. «дочь [рода] Насутион». Связь же женщины с семьей, в которой она родилась, и соответственно с ее марга значительно ослабевает. В дом своего рождения женщина может вернуться только после смерти мужа при условии, что в семье мужа нет мужчин, желающих взять ее в жены, и никто из членов этой семьи не возражает против ее возвращения, причем семье мужа отдают сумму, в свое время уплаченную за нее (или часть этой суммы). В прошлом за отказ вдовы от соблюдения левирата она становилась рабыней глав-

⁵⁰ M. J o u s t r a. Batakspiegel, pp. 246, 256; ср.: E. M. L o e b. The Batak, p. 35.

⁵¹ E. M. L o e b. Sumatra..., pp. 49—51.

⁵² F. D. O s s e n b r u g g e n. Het oeconomisch-magisch element in Tobasche verwantschapsverhoudingen. Mededeelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen, afdeling Letterkunde, d. 80, ser. B, 1935, № 3; M. J o u s t r a. Batakspiegel, pp. 239—259.

⁵³ D. J. T u g b y. The social function..., pp. 631—640.

ного старейшины данного марга. Мужчина, отказавшийся жениться на вдове брата по обычаю левирата, должен был тем не менее содержать ее.⁵⁴

В последнее время почти повсеместно молодая пара поселяется в отдельном доме. Отец жениха старается обеспечить молодых, выделяя сыну участок земли.⁵⁵ Нередки теперь и матрилокальные браки. Они заключаются главным образом там, где мужчина не имеет достаточных средств для сооружения собственного дома и где сохраняется большая семья, готовая принять нового члена.

Наследование имени и имущества идет по мужской линии. В том случае, если отец особенно привязан к дочерям, он может подарить или завещать им небольшую часть своей земли, но это будет лишь малая доля того, что он должен оставить своим сыновьям. В районах, где адат сохранился лучше, право наследования имущества имеет младший сын, затем идет старший, а затем — остальные.⁵⁶ При отсутствии мужских потомков наследует отец или сыновья брата умершего, а если их нет, то — глава большой семьи или весь марга покойного.

До сих пор у батаков существует многоженство (кроме батаков-христиан). Мужчина может иметь столько жен, за сколько он в состоянии внести выкуп; поэтому, как правило, многоженство встречается лишь в среде зажиточных. Браки батаков с инородцами не поощряются, в особенности браки батакских женщин с чужеземцами, ибо в таком случае женщина и ее дети утрачивают связь со своим родом, т. е. род практически их теряет. На юге и во вновь освоенных восточных районах эти запреты соблюдаются в значительно меньшей степени.⁵⁷

Основные черты брачного обряда сохранились у всех групп батаков в мало изменившемся виде.⁵⁸ Обязательно участие в обряде всех членов марга: как своего, так и связанных с ним отношениями далихан на толу. В отношениях между родственниками и свойственниками существует целый ряд запретов и правил поведения. Например, тещь и невестка обращаются друг к другу через третьих лиц, они не произносят имени друг друга. Кровным родственникам со стороны матери, относящимся к ее возрастному классу или старше ее, сыновья выказывают знаки всяческого почтения, называя их уважительными именами:

⁵⁴ M. Joustra. *Batakspiegel*, blz. 239 vv.; E. M. Loeb. *Sumatra...*, pp. 49—51.

⁵⁵ C. Cunningham. *The postwar migration...*, pp. 32—33.

⁵⁶ J. C. Vergouwen. *Het rechtsleven...*, blz. 258—269, 289—290; E. M. Loeb. *Sumatra...*, p. 46; см. также: ARB, d. XXXV, 1932, blz. 48—84.

⁵⁷ E. M. Bruner. *Urbanisation...*, pp. 513—514.

⁵⁸ E. M. Loeb. 1) *Sumatra...*, pp. 54—63; 2) *The Batak*, pp. 32—40; ср.: E. M. Bruner. 1) *Urbanisation...*, pp. 516—517; 2) *Kinship organisation among the urban Bataks of Sumatra*. In: *Transactions of the New York Academy of Sciences*, v. 22, 1959, pp. 118—125.

«источник моей жизни», «начало моих дней» и т. п. Это уважение и почтение к родственникам из марга хулахула выражают все члены марга, берущего у хулахула жен. С распадом традиционных отношений уважение, предписываемое адатом, оказывают нередко лишь тогда, когда семья матери богата; если же она бедна, то об особых знаках почтения нет и речи. Более того, в таких случаях мужчина стремится избежать брака на предназначенной ему кузине.⁵⁹

Ребенок получает родовое имя отца; обычно это имя того подрода, к которому принадлежит отец, например Лубис, Харахап, Насутион, Тобинг, Симанджунтак и т. д. Раньше очень часто дети получали окончательное имя только по достижении половой зрелости. Все те, кто носит то же родовое имя, что и человек, от которого ведется счет, являются для последнего отцом, братом, сыном, внуком, в зависимости от возраста (соответственно у женщин — матерью, сестрой и т. д.). Иначе говоря, мы имеем у батаков типичные групповые термины родства, характерные для малайской системы.⁶⁰

У батаков как в общине, так и в семье существует четкое половое разделение труда. Батакские мужчины выполняют тяжелые работы на поле (корчевание, пахота), следят за орошением и строят новые оросительные сооружения, ухаживают за скотом, занимаются ремеслами, уходят на сезонные заработки или на постоянную работу в город. По праздникам мужчины готовят мясные блюда, в то время как женщины заняты приготовлением кушаний из риса и овощей.

Положение женщины у батаков значительно более подчиненное, чем у многих других индонезийских народностей.⁶¹ Женщина выполняет все домашние работы, ухаживает за детьми, занимается ткачеством, окрашиванием тканей, работает на огороде и на поле (сажает, полет, убирает урожай), торгует на базаре. В домах, где традиционные порядки особенно сильны, женщины едят отдельно от мужчин, прислуживая последним во время трапезы. Хотя патриархальные законы в семейной жизни у батаков действительно играют большую роль, в этнографической литературе, однако, подчиненное положение женщины преувеличено. Одной из причин этого неверного подхода было представление о батакском браке как о простой покупке жены. Не занимая ведущего положения в доме, женщины тем не менее всегда

---

⁵⁹ E. M. Loeb. The Batak, pp. 30—31.

⁶⁰ Таблицу терминов родства см.: M. Stuchlík. Batak, pt. I, pp. 118—119; H. T. Fischer en H. C. van Renselaar. Over enkele . . . , blz. 53—54; E. M. Loeb. The Batak, pp. 22—24.

⁶¹ C. Cunningham. The postwar migration. . . , pp. 39—41; M. H. Nassoetion. De plaats van de vrouw in de Batakmaatschappij. Utrecht, 1943. E. M. Loeb. 1) Sumatra. . . , pp. 70—72; 2) The Batak, pp. 47—49.

обсуждали с мужчинами те вопросы, которые выносились на совет старейшин.⁶²

После революции батакские женщины получили значительно большую свободу в семейной и общественной жизни, у них появилась некоторая свобода брачного выбора. Все большее число браков совершается не по предварительному соглашению между родителями (не на основе системы *далихан на толу*), а по соглашению между самими вступающими в брак. Правда, это нередко ведет к ссорам между марга (точнее, между их подразделениями, представленными в данной местности).

#,

В последние десятилетия батакский адат претерпел коренные изменения в сфере имущественных, политических и отчасти семейных отношений. Помимо факторов экономического и политического характера, ослаблению адата способствовали новые религии — христианство и особенно ислам. Так, батаки-христиане (например, *мандайлинги*) имеют право жениться на инородках — яванках, малайках и т. д., у мусульман ослаблены или полностью отменены и некоторые другие брачные ограничения, существовавшие прежде. Вместо них ислам выдвинул единую морально-правовую основу в виде *корана* и *шариата*.⁶³

Однако традиционная обрядовая сторона в значительной мере сохранилась. Изменения здесь шли по линии упрощения и удешевления обрядов. Неучастие в традиционных обрядах или церемониях, невыполнение родственных обязанностей и т. д. — все это вызывает острое недовольство сородичей и односельчан. Нарушитель — *на со марадат*, т. е. «тот, кто не поступает по адату», — оказывается в изоляции и лишается поддержки родственников. Например, они могут не прийти на его свадьбу (или его сына) или придут, но не будут прикасаться к кушаньям; наконец, имя нарушителя может быть даже вычеркнуто

---

⁶² Вместе с тем участие женщин в решении дел, связанных с большой семьей, а иногда и с общиной в целом, равно как и некоторые другие факты, говорящие о более высоком положении женщины в батакском обществе, чем это принято считать большинством ученых, не дают, на наш взгляд, оснований утверждать, что батакское общество в сравнительно недавнем прошлом было матриархальным. Именно такое безоговорочное утверждение содержится, например, в статье Л. Э. Каруновской «Следы группового брака у батаков Суматры» (см. выводы на стр. 361). Подобным же образом интерпретирует батакский материал голландский этнограф конца XIX века Г. А. Вилкен (G. A. Wilken. *De verspreide geschriften. Semarang [e. a.], 1912, d. I, blz. 248—253, 326—327, 429—430; d. II, blz. 190—195, 349—350*), что вызвало в свое время дискуссию (J. H. Meerwaldt. *Wijzen de tegenwoordige zeden en gewoonten der Bataks nog sporen van een oorspronkelijk matriarchaat? Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde, d. XXI, 1892, blz. 197—207*).

⁶³ E. M. Bruner. *Urbanisation...*, p. 514.

из генеалогии, что означает, что он больше не существует для родственников.⁶⁴

Хотя в последние 50 лет батакский адат подвергся глубочайшим изменениям во всех сферах, тем не менее родовые связи продолжают сохраняться. На это указывает тот факт, что в ряде районов возникают фирмы (в основном мелкие торговые и производственные), созданные группой родственников из одного марга. Очень часто фирмы носят название марга, к которому принадлежат их организаторы. Возникновение таких фирм и успешное их функционирование говорит не только о важности кровнородственных связей, но и о возможности использования их в новых условиях. О силе родства говорит и тот факт, что батаки, живущие в городах, не теряют связи со своими кровными родственниками, оставшимися в деревне, с которыми они нередко связаны теснее, чем с непосредственными соседями в городе. Особенно стойко сохраняются кровнородственные связи большой патриархальной семьи. При этом в городе происходит оживление многих обычаев, забытых в деревне. Это объясняется желанием подчеркнуть и сохранить свою принадлежность к той или иной группе батаков, имеющей национальные особенности, в противовес нивелирующему влиянию городской среды. Оживление некоторых старых традиций в социальной сфере, особенно ощущаемое у батаков-христиан, происходит наряду с принятием европейских обычаев в домашнем быту, современной одежды, пищи, утвари и пр.

В целом в жизни батаков происходит бурное усвоение современной материальной культуры и производственных приемов при стремлении сохранить свои традиции и возродить старые культурные ценности.⁶⁵

В то же время начавшееся у них социальное расслоение является геобратимым процессом в современных условиях. Продолжает расширяться социально-психологический конфликт между общественными отношениями, основанными на сознании кровного родства, и углубляющимся социальным расслоением, ведущим к становлению классов.⁶⁶ При этом отдельные случаи оживления родовых институтов, которые происходят на совершенно новой основе и в условиях раннекапиталистического общества, формирующегося у батаков, не могут предотвратить процесс окончательного распада традиционных социальных отношений и их основы — родовых связей.

---

⁶⁴ Там же, стр. 510.

⁶⁵ Там же, стр. 518—520.

⁶⁶ M. Stuchlík. Batak, pt. II, pp. 93, 136.

Этнографические материалы и их роль в изучении общины древнего мира

Советские историки-востоковеды за последние 10—15 лет доказали существование общины в древнем мире и добились определенных успехов в ее изучении. Но путь к этим успехам был трудным.

Первая и главная трудность — отсутствие в письменных документах специальных сведений об общинном хозяйстве. Данные источники содержат лишь подробные сведения о храмовом и царском хозяйстве, так как в них велся строжайший учет земли, труда, урожая и т. п. В общинах же такого учета, естественно, не было. В письменных документах отражены только те стороны общинной жизни, которые связаны с уплатой налога государству, поставкой рабочей и военной силы, продажей земли. По этим материалам нелегко уловить специфику общины и даже установить ее наличие.

Вторая трудность состояла в том, что большинство зарубежных ученых решительно отрицало существование в древнем мире каких-либо форм коллективной собственности на землю. Эд. Мейер утверждал, например, что частная собственность на землю возникла одновременно с переходом людей к оседлости и земледелию. Тех же взглядов придерживались В. Швенцнер, Б. Месснер и многие другие крупные специалисты по истории древнего мира.¹

Третья трудность — существование в общине древнего мира признаков, которые не укладывались в наши традиционные представления о ней. В общине отчетливо прослеживалась сильная имущественная и социальная дифференциация, угнетение одних ее членов другими, купля-продажа земли. Все это в равной мере не свойственно ни родовой, ни сельской общине.

---

¹ Ed. Meyer. *Geschichte des Altertums*, Bd. 1—3. Berlin, 1925—1937; W. Schwenzner. *Zum altbabylonischen Wirtschaftsleben*. Berlin, 1915, SS. 37, 52—53; B. Meissner. *Babylonien und Assyrien*, I. Heidelberg, 1920, SS. 188—189.

Вот почему наличие общины в древнем Двуречье до недавнего времени отрицалось и многими советскими исследователями. Преобладало мнение, что община здесь разложилась очень рано: ко времени появления первых письменных документов масса прежних общинников уже преобразилась в наемников, мелких арендаторов и долговых рабов. Против такого мнения последовательно выступал акад. Н. М. Никольский.² Но он еще не мог дать определенного ответа на вопрос о характере общины в древнем Двуречье. Например, говоря о *биту*, Н. М. Никольский утверждал, что «речь идет, конечно, не о семейной общине»,³ хотя, как мы увидим ниже, речь идет именно о ней.

Четвертая трудность заключалась в том, что историки древнего мира не стремились для оценки конкретных явлений жизни древнего Двуречья привлекать материалы этнографии. Тем не менее факт существования в древнем Двуречье за пределами храмовых и царских хозяйств не менее половины обрабатываемых земель⁴ и значительной части населения, считавшейся свободной, позволял им уже по многим косвенным признакам говорить о том, что эти свободные люди являлись общинниками.

Сохранились, например, долговые расписки (*субанги*), согласно которым можно установить, что человек, обязующийся дать работников на время жатвы, рассчитывал на помощь членов своей общины.

«Субанги, — пишет Н. М. Никольский, — подразумевают существование частного хозяйства, нуждающегося в сезонных рабочих, но вынужденного считаться с общиной как с основным источником рабочей силы».⁵ Однако этнографический материал показывает возможность наличия субанги и без частного хозяйства, во взаимоотношениях между двумя домовыми общинами, разными по своему имущественному положению.

Историки обнаружили документы, где зафиксированы сделки по купле-продаже земли. Из них видно, например, что во время заключения сделки по продаже общинной земли, находящейся в наследственном владении домовой общины (до 14 взрослых лиц), в качестве свидетелей присутствовали члены других домовых общин. Анализ материалов с привлечением этнографических аналогий показывает тесную связь нескольких домовых общин, составлявших общинное объединение. Существовали и такие сделки, в которых данное общинное объединение выступало как единое целое, коллективный собственник продаваемой земли.⁶

² Н. М. Никольский. Община в древнем Двуречье. Вестн. древн. ист., 1938, № 4 (5), стр. 72—98.

³ Там же, стр. 76.

⁴ И. М. Дьяконов. Купля-продажа земли в древнем Шумере. Вестн. древн. ист., 1955, № 4, стр. 12.

⁵ Н. М. Никольский. Община..., стр. 90.

⁶ И. М. Дьяконов. Купля-продажа..., стр. 37.

Историки древнего мира собрали буквально по крохам сведения об отдельных сторонах общинной жизни в Шумере, Вавилоне, Ассирии, Аррапхе, Алалахе, Эламе. Данный материал позволяет говорить о некоторых чертах, свойственных всем общинам древнего Двуречья. И. М. Дьяконов предпринял попытку выявить эти общие черты.⁷ Нам представляется, что многие его выводы являются весьма убедительными, особенно те, где речь идет о структуре общины, о формах собственности на землю и о наличии родовой организации.

Первый вывод. Община (*уру* в Шумере, *алу* в Аррапхе и Алалахе, и т. д.) по своей структуре представляет собой весьма сложное объединение («общинное объединение», по И. М. Дьяконову), состоящее в свою очередь из нескольких общин: в Шумере — из *е*, в Ассирии — из *биту*, в Аррапхе — из *димту*.

Второй вывод. В древневосточной общине есть две формы собственности на землю: собственность *уру*, *алу* (И. М. Дьяконов называет эту форму «верховой собственностью на землю»); собственность *е*, *биту*, *димту*. В Ассирии земля, принадлежащая *алу*, обводилась «большой межей». Она была поделена на участки, каждый, возможно, был связан с одной из *биту* и обведен «малой межей». Подобного рода внутриобщинное межевание имелось, по-видимому, и в других странах Древнего Востока.

Взаимоотношения между двумя формами общинной собственности на землю были в различных странах Древнего Востока весьма схожи. *Уру* и *алу* распоряжаются землей, имеют право взять у какой-либо *е*, *биту*, *димту* любой участок для общих целей (постройка храма, колодца, дороги и т. п.), предоставив взамен участок в другом месте, более или менее равноценный прежнему. Таким образом, участки *е*, *биту* и *димту* могут в разные годы находиться в разных местах, но доли *димту* в земле *уру* и *алу* остаются более или менее постоянными.

Благодаря анализу древних документов, касающихся земельной собственности (купчие и закладные), советским историкам-востоковедам удалось установить, что *е*, *биту*, и *димту*, а также отдельные лица, входящие в их состав, могли закладывать свою землю и даже продавать ее. Продажа и заклад земли были возможны лишь с разрешения *уру*, *алу*, и при заключении сделки обычно участвовали в качестве свидетелей главы или другие представители всех *е*, *биту*, *димту*.

Любопытно, что при сделках указываются размеры продаваемых или закладываемых участков, но обычно не даются их точные границы. Дело в том, что тот или иной участок продолжал оставаться собственностью *уру* или *алу* и в любое время мог понадобиться для общих целей. Поэтому сделка заключалась на долю

---

⁷ И. М. Дьяконов. Община на Древнем Востоке в трудах советских исследователей. Вестн. древн. ист., 1963. № 1.

продавца (или закладчика) в земле уру либо алу, а не на тот или иной конкретный участок. В ассирийских документах указывалось, что желающий купить участок земли должен был его «выбрать и взять», а община могла «не удовлетворить» выбор и предоставить ему другой участок.

Третий вывод. Одна из малых общин занимает в большой общине господствующее положение. Так, судя по аккадским документам, «владыки всей земли» — это представители одной малой общины. Они заключают сделки о продаже земли, они («едоки серебра») получают плату за землю, отдавая лишь небольшую ее часть своим родственникам.

Четвертый вывод. В древневосточной общине заметно сильное влияние родовых связей. И. М. Дьяконов различает роды высшего и низшего порядка. Подобно тому как большая община (уру, алу) состоит из нескольких малых общин (е, биту, димту), так и большой род (род высшего порядка) состоит из нескольких малых родов (родов низшего порядка). И большой и малый род патрилинейны.

В целом община древнего Двуречья представляет собой весьма сложное явление: в ней самым причудливым образом переплетаются элементы общинной и частной собственности на землю, родовые связи, с одной стороны, и соседские, с другой, а сама она состоит из частей, которые тоже являются общинами.

В последние годы историки древнего мира стали постепенно привлекать аналогии из этнографии. Дело в том, что этнографы со своей стороны также перенесли акцент на изучение общины. В этой связи и было высказано мнение, что люди в доклассовых обществах жили не родами, а общинами. Одна часть членов общины (локальной группы, стойбища, деревни, краалья и т. д.) принадлежала к одному роду, другая же — к другим родам. Такое положение естественно, если учесть, что род экзогамен, а поэтому муж и жена не могут принадлежать к одному роду.

Тезис о несовпадении общины с родом находит себе полнейшее подтверждение в фактах реальной жизни. На земном шаре нет ни одного племени, в котором община состояла бы только из лиц, принадлежащих к одному роду. Не было этого и у прокезов, хотя Морган и делал такие выводы.

Племя сенека, по Моргану,⁸ состояло будто бы из 8 родов: Волк, Медведь, Черепаха, Бобр, Олень, Кулик, Цапля, Сокол. Такие же роды, если не все, то частично, были у соседних прокезских племен. В то же время он отмечал, что члены одного и того же рода, например рода Волк, могли принадлежать к разным племенам. Как согласовать это с тезисом о том, что племя состоит из родов? В совет племени входили вожди родов. Но эти роды при полном их равноправии были представлены

⁸ Л. Г. Морган. Древнее общество. Л., 1934, стр. 42, 61.

в совете племени почему-то неодинаковым количеством вождей. Почему? Члены рода Волк, в рамках племени сенека, были разбросаны по разным деревням. Как же могли выполнять свои функции вождь и совет рода в таких условиях? Наконец, еще один вопрос. Среди 10 признаков ирокезского рода, указанных Морганом, мы не находим экономических, хозяйственных функций, таких как совместный труд на огородах, общая собственность на землю и т. д. Говорится лишь о том, что имущество умерших, очень незначительное (речь, видимо, идет о предметах личной собственности), остается внутри рода.

Положение проявилось недавно. На VII Международном конгрессе антропологов и этнографов в Москве в 1964 г. американский этнограф В. Фентон в своем докладе сообщил, что ирокезские племена состояли не из родов, а из деревень, из общин.⁹

В ирокезской деревне, как правило, находилось несколько длинных домов. В каждом таком доме женское население каждой домово́й общины — *овачиры* — принадлежало к одному роду. Мужья, пришедшие в дом к своим женам, принадлежали, согласно закону экзогамии, к другим родам. Получалось так, что женщины в домохозяйстве были связаны принадлежностью к одному роду, а их мужья друг с другом были слабо связаны, и поэтому голос женщин в домохозяйстве имел решающее значение.

Родовой состав домохозяйства, как нетрудно видеть, являлся довольно сложным. Ни о каком совпадении овачиры с родом или с частью рода не могло быть и речи.

Несколько овачир, объединенных в одной деревне, составляли в целом то, что И. М. Дьяконов называет общинным объединением. Родовой состав деревни тоже весьма сложен. Дело в том, что в одной овачире жили женщины из рода Волк, в другой — из рода Медведь, в третьей — из рода Черепаха и т. д. Семейно-родовая община тем более не совпадала с родом.

Что касается собственности на землю, то на этот счет данные по ирокезам скудны. Но, по аналогии с другими конкретными материалами, можно предполагать, что часть земель принадлежала деревне в целом, а часть находилась в обособленной собственности овачир.

Каждая овачира имела своего вождя. Им был мужчина, член того рода, который в ней преобладал. Родовая принадлежность учитывалась со всей строгостью, всячески подчеркивалась. Этот вождь представлял данную овачиру в совете деревни. Кроме того, вождь одной из овачир избирался в качестве вождя всей деревни — *сахема*. Он управлял делами деревни и представлял деревню в совете племени. В совете племени были представлены вожди всех деревень. Но не обязательно всех родов. Могло по-

---

⁹ W. W. Fenton. The Iroquois confederacy in the twentieth century. *Ethnology*, v. IV, 1965, № 3.

лучиться так, что ни один из вождей овачир, принадлежащих к роду Сокол, не был избран в сахемы ни в одной из деревень. Или так, что род Волк был представлен в совете племени пятью вождями, род Медведь — тремя, а род Олень — одним.

В науке отказ от отождествления общины с родом фактически уже произошел. Община выделена как особый коллектив, заслуживающий специального изучения и не укладывающийся в схемы, исключают все иные отношения, кроме родовых. В советской этнографии на конкретном материале было показано, что основной социальной ячейкой у племен Австралии, Океании, Индонезии, Индии являлась община, не совпадающая с родом. И когда выяснилось, что то же самое характерно для ирокезов, то в этом уже не было ничего неожиданного.

Коль скоро историки древнего мира и этнографы стали более интенсивно и углубленно изучать общину, возникла потребность в более тесных контактах между ними.

В какой-то мере такие контакты имелись и раньше. Еще Маркс и Энгельс отмечали, что за древним греком явственно виден ирокез.¹⁰ Иными словами, до рабовладельческого общества уже существовало общество доклассовое, родовое. Историк древнего мира по письменным документам доходит до самых истоков классового общества и государства, а этнограф по своим источникам, как бы беря от историка эстафету, идет глубже, вплоть до мезолита и раннеродового строя.

Этнографические источники дают нам много сведений об общине, а также о ранних формах социальной организации, позволяющих реконструировать процессы сложения государств древнего мира. Так, на примере этнической группы нгвато (Африка) можно проследить переход от союза племен, когда верховный вождь избирался племенными вождями, к государству, когда верховный вождь выделил районы, не совпадающие с территориями племен, уничтожил должность племенных вождей, назначил губернаторов районов (иногда из бывших племенных вождей, а иногда из членов своей семьи) и присвоил себе право смещать и назначать новых. Здесь в XIX в. произошло превращение верховного вождя союза племен в главу раннеклассового государства, в царя.¹¹ Нечто подобное, вероятно, происходило и в древности. Есть и другие сходные черты в развитии африканских государств в XVIII—XIX вв. и государств древнего мира, хотя процессы отделены друг от друга тысячелетиями. Например, первым создателем постоянного войска был аккадский царь Саргон (2360 г. до н. э.), а одним из последних — зулусский вождь Чака (XVIII в. н. э.).

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 101.

¹¹ J. Shaper. The political organization of the Ngwato of Bechuanaland Protectorate. In: African political Systems. London, 1941, p. 61.

Хронологический разрыв между данными этнографии и данными древней истории за последние 100 лет увеличился с 3 тыс. до 5 тыс. лет, так как сейчас стало известно о новых древнейших цивилизациях. Но стадильно этот разрыв уменьшился, ибо Шумер — более низкий уровень развития, чем Древняя Греция, и житель Шумера ближе стоит к тем же прокезам, чем древний грек. С другой стороны, в XIX в. почти не было сведений о племенах Африки, Южной Америки, Индонезии, Сибири, Средней Азии, Океании, а сейчас эти племена довольно хорошо изучены. Поэтому за жителем Шумера или за древним египтянином мы можем разглядеть не только прокеза и представителей некоторых других племен Северной Америки, но и обширнейший этнографический мир. Сравнительный материал, даваемый этнографией, увеличился в несколько сот раз. Если в XIX в. этнографы страдали от недостатка данных, то мы страдаем от того, что трудно их полностью учесть. Проблема учета этнографической информации становится весьма острой.

В науке уже предпринимаются попытки, имеющие целью облегчить учет этнографической информации. Американский этнограф Дж. Мердок готовит и постепенно издает «Этнографический атлас», в котором с помощью условных знаков отмечает основные этноэлементы (хозяйство, поселение, форму семьи, форму рода и т. д.). К настоящему времени им даны сведения для 1000 племен и народов, причем каждый из них охарактеризован тремя-четырьмя десятками этноэлементов.¹² Всего в атласе приведено от 20 тыс. до 25 тыс. этноэлементов. Эта информация предназначена для изучения и обобщения с помощью электронно-счетных машин.

Сейчас весьма легко, имея готовую схему, подобрать более или менее значительное количество данных, на нее «работающих», отбрасывая как не заслуживающий внимания весь остальной фактический материал. Для этого за рубежом подчас не затрудняют себя не только поездками в поле, но даже чтением книг этнографов, а опираются только и исключительно на «Этнографический атлас» Мердока. Однако атлас нельзя считать первоисточником. В нем факты не сами говорят, а лишь отвечают на вопросы, которые им заданы. В зависимости от характера вопросов факты повернуты определенными сторонами и по-особому сгруппированы. А характер вопросов таков, что локальные формы этноэлементов, их частные свойства оказались на первом плане, а общие стадильные их черты разобцены или вообще не учтены.

Сильно возросшее количество этнографических фактов, естественно, повышает ценность этнографии в деле изучения ранних этапов общественного развития. В настоящее время этнографи-

¹² См.: Ethnology, vv. I—V, 1962—1966.

ческая база первобытной и древней истории велика по объему, высока по точности и качеству сведений.¹³ Совершенно недвусмысленно и неопровержимо факты этнографии и древней истории подтверждают марксистско-ленинский вывод о длительном существовании доклассового общества, где господствовали принципы коллективизма в труде и собственности, в распределении и потреблении, господствовали принципы социального равенства в отношениях между людьми. Эти данные показывают, что частная собственность, моногамная семья, социальные классы, государство не извечны и не коренятся, как уверяет буржуазная наука, в самой природе людей.

Перед советской этнографией, стремящейся к полному овладению с марксистских позиций фактическим материалом по первоисточникам, стоит задача создания «Корпуса общинно-родовых архаических норм», где были бы полностью и всесторонне учтены доклассовые и раннеклассовые общества (а не были бы поставлены рядом, как у Мердока, данные об эскимосах и американцах-янки) и локальные формы этноэлементов выступали бы как конкретные проявления основных стадий социально-экономического развития в первобытную и древнюю эпохи.

Работа об общине по материалам тех обществ, которые по уровню развития близки к древневосточным, если ее когда-либо напишут, будет иметь, вероятно, несколько иной характер, чем работа И. М. Дьяконова об общине на Древнем Востоке. Общины, известные этнографии, неоднородны, и главная задача состоит не в том, чтобы вынести за скобки их общие черты (хотя это тоже необходимо), а в том, чтобы выявить на всем имеющемся этнографическом материале максимальную амплитуду колебаний в таких чертах, как структура общины, организация труда, формы собственности и т. д. Вариабельность каждого из общинных институтов имеет свои пределы. Выяснить их очень важно. Вполне логично допустить, что соответствующие черты древневосточных общин не выйдут за те границы, какие будут установлены в этнографии, так как этнографический материал весьма обширен. Вместе с тем выводы этнографов несомненно определяют ту область, в рамках которой исследования историков древнего мира окажутся наиболее успешными.

О характере обществ в древнем Двуречье существуют различные мнения, и многие авторы называют эти общества по-

---

¹³ Академик Н. И. Конрад пишет: «Что можем мы сейчас, в начале второй половины XX в., сказать о нашем знании истории культуры и науки? Только то, что оно очень велико, бесконечно больше того, что люди знали, например, во второй половине XIX в.» (Н. И. Конрад. Размышления об истории культурного и научного развития человечества. Народы Азии и Африки, 1962, № 5, стр. 111).

разному: раннерабовладельческими, раннефеодальными, полупфеодальными, патриархально-феодальными, феодально-теократическими и т. д. Одни утверждают, что в древнем Двуречье представлена особая социально-экономическая формация (общинно-деспотическая, общинно-государственная, кабальная и т. д.), другие, — что здесь речь может идти лишь о переходном периоде от доклассового общества к развитому классовому обществу (в одних случаях к рабовладельческому, в других — к феодальному). Наличия разных мнений в советской науке о древности свидетельствует о создании нормальных условий для ее развития, о поисках не в каком-либо одном, а во многих направлениях, о том, что в недалеком будущем на основе конкретных исследований появятся обоснованные ответы на многие интересующие нас вопросы.

И хотя еще нет однозначного ответа, уже сейчас можно говорить о бурном процессе имущественной и социальной дифференциации, шедшем в обществах древнего Двуречья. При этом на ранних этапах мы еще не наблюдаем резкой грани между городом и деревней. Сам город выступает по существу как одна из разновидностей общинной организации. Он носит то же самое название, что и община, и его структура повторяет структуру общины.

Это означает, что классовое общество, и в первую очередь класс угнетателей, берет свое начало в самих общинах, а не где-то вне их. В общинах выделяется общинно-родовая знать, и в них же господствующий класс переживает утробный период своего развития. Класс угнетателей еще не сформировался и не выделился полностью, так как он еще находится внутри общин. Но он уже формируется, обособляется, выделяется в виде больших семей, занимающих в общинах господствующее положение в силу их первородства, знатности, богатства. Затем эти большие семьи уходят из общин, концентрируются в городах, оставляя в общинах подчиненных им должностных лиц для сбора налогов, наблюдения за несением трудовых повинностей и т. п. Возникает резкая противоположность между городом и деревней. В деревнях остаются свободные общинники, но они отныне являются зависимыми по отношению к городу, к государству.

Процесс имущественной и социальной дифференциации в общинах продолжается: одни общинники берут у других деньги, продукты под заклад земли, другие закладывают самих себя и своих детей. В результате внутри общин появляются новые претенденты на прибавочный продукт, и последний начинает там оседать. Но знать, живущая в городе, в этом не заинтересована и принимает меры к тому, чтобы искусственно затормозить процесс дальнейшего социального расслоения внутри общин. Так по крайней мере происходило в древнем Двуречье, где была введена практика регулярных переделов земли с одновременной

ликвидацией долгов одних общинников другим и освобождением заложников. Эта практика существовала, например, в Алалахе. «„Освобождение“, — отмечает Н. Б. Янковская, беря это слово в кавычки, так как речь идет не об освобождении от податей, а лишь о том, кому их вносить, — в какой-то степени уравнивало имущественное положение общинников».¹⁴

В конечном итоге по мере усиления противоположности между городом и деревней складывается сельская община в том ее виде, в каком она известна нам по германской марке и славянской общине и которая, как нам представляется, была свойственна античному миру.

Таким образом, община древнего Двуречья занимает промежуточное положение между родовой общиной, с одной стороны, и сельской — с другой (если брать последнюю не в отрыве от города, а в связи с ним). Это видно по целому ряду признаков. В родовой общине налицо одна форма собственности на землю — общинная; в древневосточной наряду с нею возникает домовая собственность на землю, сочетающая в себе элементы общинной и частной собственности; в сельской общине домовая собственность превращается в частную и выходит за пределы общины. В родовой общине нет имущественной и социальной дифференциации; в древневосточной общине разворачивается бурный процесс классовобразования; сельская община представляет собой один из двух полюсов (угнетатели — на одном полюсе, угнетаемые — на другом), образовавшихся в результате этого процесса. Родовая община состоит только из полноправных членов; древневосточная — частично из полноправных, частично из зависимых; сельская, до ее разложения, — из зависимых (не считая должностных лиц). Родовая община сама потребляет свой прибавочный продукт; в древневосточной общине это становится привилегией домового общины, занимающей господствующее положение; в сельской прибавочный продукт потребляется лицами, стоящими вне общины (знать — рабовладельческая и феодальная, — государство, церковь). Родовая община управляется изнутри, всеми членами общины; в древневосточной делами вершит одна из домовых общин, которая все еще связана частично с землей и общиной, но уже нередко члены ее живут в городе и состоят на службе у государства и церкви; сельская община управляется извне: частным владельцем земли, государством, церковью. Вероятно, по силе и значению рода и родственных связей древневосточная община также занимает промежуточное положение между родовой общиной, с одной стороны, и сельской — с другой.

---

¹⁴ Н. Б. Янковская. Землевладение большесемейных домовых общин в клинописных источниках. *Вопр. древн. ист.*, 1959, № 1, стр. 41.

Первым шагом к дальнейшему изучению древневосточной общины является, по нашему мнению, упорядочение терминологии, в настоящее время весьма запутанной и многозначной.

По-видимому, все сейчас сходятся на том, что е, биту, димту являются домовыми общинами (домовые не в том смысле, что люди живут в одном доме — это возможно, но не обязательно, — а в том, что они живут «одним домом»). Такой вывод вытекает из анализа самих терминов, из величины и состава малых общин, из их функций. Забегая вперед, отметим, что такой вывод подтверждается и данными этнографии.

Но что представляют из себя уру, алу? Термин «общинное объединение» слишком нейтрален: ведь и родовая община, и сельская — тоже «общинные объединения». Многие полагают, что уру и алу — это сельская, или соседская, община. Но в таком случае термин «сельская община» теряет ту четкость и точность, какую он имеет в трудах основоположников марксизма.

Община типа уру, алу, если дать ей название, наиболее полно отражающее ее сущность, является большесемейно-соседско-родовой. Но этот термин слишком громоздкий. Ниже мы будем называть такие общины семейно-родовыми¹⁵ (данное сокращение термина возможно, ибо под семейной общиной подразумевается именно большая, а не малая семья; а соседские связи еще не играют большой роли и обычно выступают в виде связей родственных, хотя и межродовых).

Данные древних документов о родовой структуре весьма скудны. Здесь для замены терминов «род высшего порядка», «род низшего порядка» более удобными и точными нам вновь придется прибегнуть к помощи этнографии. Под родом высшего порядка мы будем понимать просто род, а под родом низшего порядка — патрилинию или матрилинию.

Следует отметить, что домовая община и патрилиния — это разные коллективы людей, хотя частично они совпадают. В домовую общину входят мужчины, присходящие от одного предка, их матери и жены, пришедшие сюда из других домовых общин и происходящие от других предков. Напротив, сестры и дочери мужчин, принадлежащие к той же патрилинии, что и сами мужчины, после замужества уходят жить в другие домовые общины, к своим мужьям.¹⁶

¹⁵ Ю. В. Маретин называет подобного рода общины, переходные от родовых к сельским, соседско-большесемейными общинами (Ю. В. Маретин. *Община и ее типы в Индонезии*. М., 1964). Нам этот термин представляется слишком широким по своему значению: в собственно сельских общинах большие семьи тоже встречаются нередко. Кроме этого, важно подчеркнуть, что в общинах переходного типа немалую роль играет родовая организация.

¹⁶ У йоруба (Африка) большесемейная община — *аболе* — имеет родовое ядро — *идиле* (букв. «корень дома»), состоящее из лиц, ведущих происхождение по мужской линии от общего предка. Н. Б. Качакова характе-

Из-за экзогамии и патрилокального брака семейно-родовая община не совпадает с родом. Но здесь действуют и другие причины, и они создают картину еще более сложную: семейно-родовая община может включать в себя домовые общины, связанные с разными родами; с другой стороны, патрилинии, входящие в один и тот же род, могут быть представлены (речь идет не только о женщинах, но и о мужчинах) в разных семейно-родовых общинах.

Накопец, несколько слов — о методе сравнения общин древнего Двуречья с общинами, изученными этнографами. Мы привлекаем для сравнения общины лишь племен и народов, стоящих примерно на том же уровне развития, что и народы древнего Двуречья, т. е. берем стадильно синхронный материал.

Таковы в Ассаме горные народы, одни из них (гаро, нага, мкиры, горные куки) в XVIII—XX вв. переживали начальные фазы процесса классовобразования, еще не вышедшего за рамки общин, другие (кхаси, некоторые чины) создали свои княжества, и, наконец, третьи (качари, кочххи, чхутяи, типпера) в XIII—XVI вв. жили в условиях раннеклассовых государств.

Таковы в Южном Китае, Индокитае, Индонезии многочисленные народы, из которых в настоящем сборнике рассмотрены дулун и ну (статья Ю. И. Журавлева), лису (статья А. М. Решетова), народность и (статья Р. Ф. Итса и А. Г. Яковлева), тайские народы Вьетнама (статья А. И. Мухлинова), батаки Северной Суматры (статья Ю. В. Маретина).

В Америке на Юкатане таково государство майя (V—VI в. н. э.); в Мексике — государство астеков (XIV в. н. э.); в Перу — государство инков (XV в. н. э.). Об этих народах и их цивилизациях, завоеванных и разрушенных испанцами в XVI в., можно найти довольно подробные сведения, сообщаемые исламскими монахами (Диего де Ланда), солдатами (Берналь Диас) и даже гражданами этих государств (инка по матери Гарсилъесо де ла Вега).

В Океании в отличие от шумерских городов-государств мы находим острова-государства, архипелаги-государства. Они не совсем похожи на города древнего Двуречья. Надо, однако, помнить, что в истории ни один эксперимент не повторяется в точности, он всегда специфичен. Океанийский материал ценен тем,

---

ризует идиле как родовую общину (Н. Б. Качакова. Города-государства йоруба в XIX в. Народы Азии и Африки, 1965, № 6, стр. 76), допуская тем самым двойную неточность. Во-первых, идиле это не община в целом, а лишь ее ядро (в общину входят, кроме членов идиле, их жены, а также рабы). Во-вторых, это не родовая, а домовая, или семейная, община. Несколько таких общин составляют семейно-родовую общину (*илу*, если это город, и *аба*, если это деревня). У матрилинейных гаро (Ассам) домовая община носит название *махари*, а ее ядро, матрилиния, называется *мачонг* (см. в настоящем сборнике статью С. А. Маретиной).

что численность островов-государств (Тонга, Таити) была примерно равна численности древнейших шумерских городов-государств (40—50 тыс. чел.). Океанийский материал чрезвычайно важен и для изучения самых ранних этапов государственности (гавайцы, тонганцы, таитяне, фиджийцы).

Как по количеству раннеклассовых государств, так и по степени их изученности пальма первенства принадлежит несомненно Африке.

Помимо долины Нила, в Африке можно наметить еще 5 областей, где, хотя и с запозданием на 3500—4000 лет (по сравнению с древним Египтом), формировались государства: между-речье Сенегала и Нигера, своего рода африканская Месопотамия; оз. Чад; Межозерье; плато Катанга; Южная и Северная Родезия. Одни из государств возникли в I тысячелетии н. э., например Гана, Канем, города-государства хауса; другие — в начале II тысячелетия, например государства моси, йоруба; третьи — в XIV—XVI вв. н. э., например Конго, Лунда, Буганда, Анколе, Карагве, Имерин. Ряд государств возник в XVII в., например Бушоно (Бакуба), Руанда, Урунди, Торо, Кизиба. Государство ашанти сложилось в XVIII в., а махдистское — в XIX в.

Надо, конечно, различать раннеклассовые государства, существовавшие тысячи лет назад, и раннеклассовые государства, существовавшие четыреста, триста, двести и сто лет назад. Время сложения и продолжительность существования могли сказаться и на самой форме этих государств.

Для раскрытия закономерностей процесса перехода к раннеклассовому обществу и государству особенно важен тот переломный в истории человечества момент, когда появилось самое первое (или самые первые) государство. Ведь после этого человечество, если брать его в целом и судить об уровне развития по самому передовому народу, уже вступило в эпоху классовых обществ. Последующие процессы классовообразования могут зависеть от того, что где-то уже существует подобное общество, влияющее на своих близких и дальних соседей. В государствах Африки, например, образовавшихся в VIII—XV вв., мы можем предполагать наличие черт, сложившихся под влиянием арабов. А ведь данные этнографии относятся к еще более позднему времени, к XVIII—XX вв. Создание африканских государств в XVIII—XIX вв. вряд ли обошлось без влияния европейцев. В Океании переход от племенного строя к раннеклассовому государству совпал по времени с европейской колонизацией, и в результате эти два процесса тесно переплелись.

Важно проследить классовообразование в первоначальном виде, когда существовал только общинно-родовой строй, и в нем самом, изнутри, без всяких внешних влияний возникали силы, приведшие к появлению раннеклассового общества. Вот почему наши взгляды обращаются к государствам Древнего Востока, где этот

процесс протекал так, что роль внешних факторов была минимальной. Поэтому мы и берем материал Двуречья в качестве исходного пункта всех наших суждений. Это для нас, говоря языком точных наук, система отсчета. Данные этнографии могут нам помочь со своей стороны разобраться в самом первичном процессе.

Этнографический материал позволяет также изучать дошумерские этапы истории. У матабеле в Африке (XIX в.), у маори Новой Зеландии (XIX в.), у чингов в Бирме (XX в.) нет еще своих государств, у них еще только формируются наследственные сословно-кастовые деления. Число племен, которые в XIX в. «экспериментировали» с сословно-кастовым строем, слишком велико, чтобы можно было здесь их перечислить.

Кроме того, привлекая стадиально синхронный этнографический материал, мы учитываем наличие региональных и прочих различий. Совершенно ясно, что процессы, протекавшие в древнем Двуречье, не были воспроизведены в точности ни в Америке, ни в Океании, ни в Индонезии, ни в Африке. История человечества в данном случае напоминает поток, в который нельзя войти дважды. Но это все же единый поток, текущий в одном направлении. Поэтому есть общие черты, и даже частные моменты могут быть сходными.

Не должно смущать нас и то обстоятельство, что у таитян, скажем, налицо племенной строй, а в древнем Двуречье — ранние государства. Мы ведь проводим аналогии в узких рамках, между общинами. При переходе от племенного строя к государству, как мы видим на ряде африканских примеров, община не претерпевает существенных изменений. Вновь возникшее раннеклассовое государство сохраняет семейно-родовую общину в том виде, в каком она была до этого. Возьмем, например, зулусов. У них в конце XVIII в. племенной строй уступил место раннеклассовому государству. В конце XIX в. туземное государство уступило место английским властям. Между тем, как пишет Макс Глакман, мелкие социальные группы до сих пор остались теми же, сохранились даже племена, враждующие друг с другом.¹⁷

Отметим прежде всего, что особенность Древнего Востока, состоящая в сочетании классовых отношений с общинными и царской власти с самоуправлением свободных граждан, в полной мере свойственна и тем раннеклассовым государствам, которые изучены этнографами. Мы найдем это сочетание у инков, майя и астеков в Америке, у тонганцев, таитян и гавайцев в Океании. Что касается Тропической Африки, то здесь в сочетании классовых и общинных отношений главную роль в большинстве случаев играли последние. Они определяли собою социальную структуру до колонизации; продолжали сохранять большое значение в усло-

¹⁷ Max Gluckman. The Kingdom of the Zulu of South Africa. In: African political systems. London, 1941, p. 54.

виях колониального режима; более того, они имеют существенное значение и сейчас в странах, вставших на путь самостоятельного развития.

Весьма широко представлена этнографическим материалом еще одна черта обществ древнего Двуречья, свидетельствующая, что ремесло в них не окончательно порвало связи с общиной. Данные по Индии говорят о ремесленниках, считавшихся «слугами общины». Они обязаны были удовлетворять потребности общинников, за это получали часть общинного урожая или небольшой участок земли (если они пришлые). Многие из них брали участки в аренду от общинников (за часть урожая). Наконец, надо отметить, что многими ремеслами занимались сами общинники. В общине этнической группы каннара зафиксирован следующий состав: земледельцы — 70%, пастухи и скотоводы — 10%, ремесленники — 10%, жрецы, цирюльники, стиральщики, уборщики, сторожа и т. д. — 10%. В Полинезии ремесленники обслуживали в основном семейно-родовую знать, при этом они находились на содержании того вождя, на которого в данное время работали. Выполнив его заказ (т. е. построив дом, лодку и т. д.), они переходили на содержание к другому вождю и работали на него. У астеков ремесленники, оставаясь членами общины, либо сами обрабатывали собственную землю, либо нанимали кого-либо из членов своей общины.

Семейно-родовая община, насколько можно об этом судить по данным этнографии, везде и всюду состоит из домовых общин. Причем они имеют разные названия. Приведем несколько примеров.

Район или народ	Семейно-родовая община	Домовая община
Бемба	<i>умуши</i>	<i>улупва</i>
Фиджи	<i>явузы</i>	<i>вувала</i>
Гавайи	<i>ахупуа</i>	<i>оана</i>
Маори	<i>хапу</i>	<i>ванау</i>
Кечуа	<i>айлью</i>	<i>канча</i>

Во всех статьях, помещенных в настоящем сборнике, отмечается, что в деревне (семейно-родовой общине) живет несколько больших семей (домовых общин): у дулун 4—9, у лису 3—4, у гаро 4—6, у нага 2—8 и т. д.

Можно привести примеры и по народам, социально более развитым. У минанкабау община в целом — *нагари*, домовая община — *паруи* (глава ее — *мамак*). Во Вьетнаме община в целом — *са* (глава ее — *бо-тинь*), домовая община — *зяп* (глава — *чыонг-зяп*).

Различаются две формы общинной собственности на землю: собственность общины в целом и собственность семейно-домовых общин (соответственно *фатангамуа* и *кагаси* на Эллисовых островах). Две формы общинной собственности отмечены у ду-

лун и у лису.¹⁸ На Фиджи участки домовых общин были огорожены. У астеков владения *кальпулли* (т. е. домовых общин) также были строго разграничены.

Что касается рода, то он всюду состоит из частей («малых родов»). Данные этнографии свидетельствуют, что это могут быть не только патрилинии (как на Древнем Востоке), но матрилинии и амбилинии. У фульбе род носит название, в переводе означающее «хижина», патрилиния — «дверь». У лхота нага род — *чхибо*; патрилиния — *мхитсо* («хвост»). У ангами нага род — *тхино*, патрилиния — *пугса*. У кхаси род — *кур*, матрилиния — *кпox*. На Соломоновых островах термин для рода в переводе означает «широкая река», для патрилинии — «приток». У тробрианцев род — *кумила*, название матрилинии не сообщается, но факт ее существования отмечен термином *субклан*. На Самоа амбилиния — *аига*, а род в целом — *аига потопото* и т. д. У пародности и род в целом — *цоси*, часть рода — *бусу*.

Данные этнографии показывают, что в семейно-родовой общине процент лиц, родственных по крови, не только не меньше, чем в родовой, но даже больше, так как в семейно-родовой общине в постоянном ядре представлены части не одного, а нескольких разных родов. Это означает возможность браков внутри общины. В частности, матрилокальный брак, где он имеется, — это всегда брак внутри общины. Тем самым число чужаков (лиц, пришедших из других семейно-родовых общин) значительно сокращается, хотя никогда не равно нулю. Нередко вступают в брак люди, живущие в соседних домохозяйствах, и тогда каждый из них продолжает жить со своими родителями.

По данным этнографии можно составить довольно полное представление о совместном труде и взаимной помощи, имеющим место в семейно-родовой общине, и о том новом содержании, которое эти обычаи получают в условиях роста социальной и имущественной дифференциации. В настоящем сборнике ценные материалы об этих обычаях приведены в статьях С. А. Маретинной (дом холостяков, *йенгатен*), А. М. Решетова (*билока*, *вашуа*, *вацзу*, *ваба*), Ю. И. Журавлева (*гунгэн*, *мянба*), А. И. Мухлинова (*гьомьон*). Сходные обычаи отмечены в Таиланде (*ауренг*, *коренг*) и т. д.

В семейно-родовой общине господствует такой порядок наследования имущества и должностей, который вновь свидетельствует о ее промежуточном положении между родовой общиной, с одной стороны, и сельской, с другой. В родовой общине наследует род (точнее, родовое ядро); члены его распределяют между собой имущество, выдвигают из своей среды вождя. В сельской общине наследует малая семья, выборность отсутствует. В семейно-родо-

---

¹⁸ См. статьи Ю. И. Журавлева и А. М. Решетова в настоящем сборнике.

вой общине наследует домовая община (точнее, патрилиния, матрилиния или амбилиния). В рамках домовой общины сохраняется выборность. При этом должность вождя семейно-родовой общины закреплена традицией за одной из домовых общин, наследуется только ею, а в рамках этой домовой общины каждый раз происходят выборы. В ранних государствах право на престол также принадлежит лишь одной из больших семей, в пределах которой действует принцип выборности. При этом в одних случаях господствует матрилинейное наследование, в других — патрилинейное, в третьих — учитываются обе линии (амбилинейность). Для семейно-родовой знати общая собственность на землю и соответствующий порядок наследования являются средством принуждения общинников к труду на полях. Один из меланезийских вождей, купив на свои средства участок земли, все же передал его в собственность общины, потому что мало иметь землю, надо ее обрабатывать, а общинники лучше работают на общей земле, чем на чужой. Один из полинезийских вождей заявил, что частная собственность на землю — большое неудобство, так как лишает его помощников в тех делах, с которыми ему самому не справиться. В Тропической Африке капиталист-предприниматель берет себе незанятые земли на правах члена общины и не только не стремится, но всячески избегает оформлять свои владения как частную собственность (хотя такие возможности у него имеются). Правда, он ухитряется передать эти владения по наследству не общине, а своим детям, либо выселив «лишних» наследников в другие общины (Северная Родезия), либо выплатив им «компенсацию» (Камерун), либо при жизни оформив передачу сыну в виде «дара» (Мали).

В целом же отцовское право (наследование в рамках малой семьи) семейно-родовой общине несвойственно. «Наследование престола, — пишет Сюрэ-Каналь о ранних государствах Западной и Центральной Африки, — по прямой линии было исключением... В большой семье преобладало наследование либо по боковой, материнской, линии, либо по отцовской линии с представлением возможности выбора между конкурирующими ветвями».¹⁹ Благодаря этому члены царской большой семьи (разраставшейся до огромных размеров) могли выбирать царя, контролировать его деятельность, подвергать его строгой и мелочной регламентации. В государстве Баол правитель (*тэнь*) выбирался знатью, которая, когда ей это покажется необходимым, лишала его престола. В государстве Анколе правитель (*мугабе*), в сущности, был подчинен главному министру (*нганзи*), стоящему во главе царской матрилинии и являющемуся старшим из братьев матери мугабе. В государствах Салум, Лунда, Бушонго, Руанда, Бурунди власть правителей (*бур*, *муата-ямво*, *ними*,

¹⁹ Ж. Сюрэ-Каналь. Африка западная и центральная. М., 1961, стр. 122.

мвами) была ограничена советом вождей, правителей провинций, должностных лиц. Царям Ганы, Мали, Борну, Бенина запрещалось показываться перед подданными, царь мог беседовать с кем-либо только из-за ширмы. В случае неурожая или поражения на войне царя умерщвляли. Правил не столько царь, сколько царская большая семья, царский род.

Каким образом одна из больших семей узурпировала право на престол, вопрос сложный. Судя по преданиям, дагомейский царский род достиг господства благодаря тому, что задавал роскошные пиры, щедро угощал вождей других родов, и те из чувства благодарности признали его сюзеренитет. Во всяком случае в ранних государствах престол закреплялся за одной из больших семей. В Африке было распространено чередование в престолонаследовании. Например, у фульбе две семьи по очереди поставляли каждые два года *альмами* (верховный вождь). Кроме этих двух семей, у них имелись и другие знатные семьи: семья великих выборщиков, семья, поставлявшая начальников провинций и приходов, и т. д.

В Африке до сих пор сохраняется порядок наследования, характерный для семейно-родовой общины. «У многих народов Тропической Африки сохранилась такая форма наследования, при которой имущество переходит не от отца к сыну, а к братьям, племянникам матери или отца, в зависимости от того, какая форма наследования, матрилинейная или патрилинейная, господствует».²⁰

Как видно из приведенных высказываний Ж. Сюрэ-Каналья и В. В. Крылова, особых различий между племенами, практикующими патрилинейность или матрилинейность, в порядке наследования имущества и должностей в Африке не наблюдается. То же мы видим и в Ассаме. «Важно отметить, — пишет С. А. Маретина, — что способ передачи земли по наследству — по материнской линии или по отцовской — никак не влияет на общий путь развития земельных отношений, от общинной собственности на землю к частному владению».²¹ Ученые постепенно приходят к выводу, что дело не в филиации, а в субъекте наследования. Переход от наследования в рамках большой семьи к наследованию в рамках малой семьи, конечно, всего ярче и эффективнее там, где большая семья была матрилинейной, а на смену ей приходила малая семья с отцовским правом. Но этот переход не менее труден и там, где раньше были патрилинейность или амбилинейность. Главное в том, что большая семья уступает место малой семье, а классификационная система родства с ее обособлением

²⁰ В. В. Крылов. Основные тенденции развития аграрных отношений в Тропической Африке. Народы Азии и Африки, 1965, № 4, стр. 14—15.

²¹ С. А. Болдырева (Маретина). Черты материнско-родовой организации у гаро и кхаси (Ассам). Тр. Инст. этногр., т. LXV, 1961, стр. 185.

старшей и младшей линий (в Шумере — старшие и младшие братья) — описательной системе родства.

Во главе семейно-родовой общины стоит обычно одна из домовых общин. Аккадским «едокам серебра» довольно точно соответствуют африканские «владыки земли», гуджаратские «владельцы доли земли» — представители высших каст, захвативших в свои руки основные земельные массивы и аппарат общинного управления, угнетающие членов низших каст. У гаро господствующая домовая община выступает под характерным названием: «дом с длинной генеалогией».²² В Африке глава господствующей домовой общины — вождь всей семейно-родовой общины, и сама община называется часто по его имени. Положение общинников зависит от того, в каком родственном отношении к вождю они находятся. Домовые общины вождей, как об этом свидетельствуют примеры по бемба (Африка), сингалезам (Цейлон) и многим другим народам, — самые большие по числу членов, участкам земли. Что касается остальных домовых общин, то они обычно невелики.

Семейно-родовые общины, состоящие из домовых, принадлежащих к разным родам, можно найти в Америке, Африке, Индонезии, Океании. Тот род, с которым связана господствующая домовая община, также становится господствующим, аристократическим. У нуэров (Африка) вся деревня носит название аристократического рода, хотя семей, связанных с этим родом, в данной общине может быть меньшинство. У коньяков (Ассам) род вождя (*анг*) настолько обособился от всех остальных родов, что даже исключил браки с ними, и тем самым приобрел один из признаков касты — эндогамию. У лусеев (группа чин) все вожди поставляются только одним родом — *Сайло*. У батаков привилегированный род называется «род — основатель деревни».²³ Появляются гипогамные браки. Плата за невесту превращается в плату за союз с семьей невесты, причем эту плату надо вносить всю жизнь. Выделяются роды высшие и низшие. Родовые деления начинают постепенно принимать сословно-кастовый характер. В государстве бемба, например, род Крокодил считался высшим, король всегда был из данного рода. У жителей Маршалских островов вождь района всегда избирался из рода Идырик. У куки-чинов отмечена иерархия родов.

Встает вопрос, не является ли семейно-родовая община одной из разновидностей сельской общины? Стоит ли ее особо выделять? Ведь сельская община тоже подчас имеет в своем составе несколько больших семей?

Мы думаем, что семейно-родовая община занимает все же особое положение. В ней сохраняется родовая организация, родо-

²² См. статью С. А. Маретиной в настоящем сборнике.

²³ См. статьи С. А. Маретиной и Ю. В. Маретина в настоящем сборнике.

вая экзогамия, тогда как в сельской общине этого уже нет. Большая семья в семейно-родовой общине имеет в своей основе родовое ядро, что в больших семьях, свойственных сельской общине, как правило, не наблюдается. Наконец, в семейно-родовой общине большая семья (особенно господствующая) играет основную роль, чего нет в сельской общине.

Могут на это сказать: в семейно-родовой общине есть люди разных родов, между ними нет родовых связей, следовательно, они объединены связями соседскими. Но в действительности дело обстоит иначе. Родовых связей между некоторыми членами общин может и не быть, ибо они принадлежат к разным родам. Это верно. Но общинники, не нарушая обычая родовой экзогамии, вступают друг с другом в брак. Факты этнографии говорят о том, что около половины браков заключаются внутри семейно-родовой общины. Таким образом, если между некоторыми членами общины нет родовых связей, то между ними появляются семейно-брачные связи. Все члены семейно-родовой общины связаны друг с другом если не кровным родством, то свойством, т. е. родством по браку. Совокупность родовых и семейных связей — еще одно из обстоятельств, оправдывающих предложенный нами термин — семейно-родовая община.

Много дает этнография для изучения сословно-кастовых делений. «В странах Тропической Африки, — пишет В. В. Крылов, — классовые отношения нередко оформлялись как отношения кастовые».²⁴ То же мы видим и в других местах. Например, на Фиджи различались «божественно рожденные», «высокорожденные», «хорошо, но невысоко рожденные», «пехорошо рожденные», «не полностью рожденные», «нерожденные» (рабы, незаконнорожденные, исключенные из рода и т. д.). Таитяне сравнивали свое общество с лодкой: *арии* (верховный вождь) — парус; *арии* (вожди) — мачта; *раагира* (крупные и мелкие землевладельцы) — снасти, поддерживающие мачту; *манахуне* (рядовые общинники) — балансир, придающий лодке устойчивость. На Соломоновых островах, где расслоение только еще начинается, имеются три сословия: семейно-родовая знать (*муми* и *маухе*), рядовые общинники (*оконопо*) и зависимые (*турагурама* и *монго*). Но чаще мы находим четыре основных сословия: вожди; жрецы; рядовые общинники; зависимые и рабы. Например, у бемба: *мфуму* — это вожди и члены их семей; *бакабало* — жрецы; *умунаби* — рядовые общинники; *башайя* — рабы. Аналогичны им четыре варны индусов: *кшатрии* — воины; *брахманы* — жрецы; *вайшья* — общинники; *шудры* — зависимые. Очень сходны с ними четыре сословия в древнем вьетнамском государстве Аулак: *лактыонг* и *лакхау* — два высших слоя; *лакзан* — свободные общинники; *поле* — рабы. У народности и высшее сословие — *носу*,

²⁴ В. В. Крылов. Основные тенденции..., стр. 4.

низшие — *цуйно, ацзя, сяси*.²⁵ Такое же примерно деление и в Иберии: сословие, поставляющее царей; жрецы; воины и земледельцы; царские рабы (т. е. рядовые общинники и зависимые). На островах Тонга было четыре сословия: *эги, матабуле, муа* и *туа*, причем они строго отделялись один от другого. Только эги, матабуле и муа могли рассчитывать на жизнь их душ в загробном мире; что же касается душ туа, то они умирали вместе с их телами. Люди разных слоев одни и те же понятия выражали разными словами.

	Эги	Матабуле и муа	Туа
бежать	<i>тофуси</i>	<i>леле</i>	<i>пуна</i>
спать	<i>тофа</i>	<i>тока</i>	<i>мохе</i>
голова	<i>лаиги</i>	<i>фифонта</i>	<i>улу</i>
мертвый	<i>хала</i>	<i>некиа</i>	<i>мате</i>
больной	<i>палухи</i>	<i>тенгетанге</i>	<i>фокоубуа</i>

Ремесленники, как правило, выделялись особо. У *фульбе*, например, кожевники, красильщики, деревообделочники, кузнецы и т. д. — замкнутые эндогамные группы, касты, каждая из них занимает в обществе раз навсегда определенное место; профессия передается по наследству. На Тонга сословия и касты сочетались следующим образом: земледельцы и цирюльники — только туа; строители лодок, мастера в резьбе по китовому усу — матабуле и муа. По мере того как город все больше отделяется от деревни и противоречия между ними усиливаются, в сословно-кастовом строе появляются «горожане», противостоящие сельским жителям. Так, можно указать на сословно-кастовые деления, существующие до сих пор в Адене и Йемене: высший слой (*сеиды* — «потомки пророка»); горожане; племена; отверженные касты. Нечто подобное мы находим и в Финикии. Там знать была сосредоточена в городе, а селения носили название «страна города».

Здесь можно еще раз отметить переходный характер эпохи, одними из представителей которой являются общества древнего Двуречья. До этого главным был род и племя, и чужаков, если не убивали, принимали в род. В античном обществе главные — рабовладельцы и рабы, чужаков там поработали.

В древнем же Двуречье род и племя уже не играют той роли, как в родовой общине. Рабство, однако, еще не получило того значения, как в античности. Поэтому людей других племен и народностей не включают в общество ни в качестве полноправных общинников, ни в качестве совершенно бесправных (рабов). Они входят в общество на правах низших сословий и каст. Этнические различия при наличии сословно-кастового строя могут преобразовываться в сословно-кастовые. Мы видим в этом одну из причин возникновения в Индии (стране с пестрым этническим со-

²⁵ См. статью Р. Ф. Итса и А. Г. Яковлева в настоящем сборнике.

ставом, который в древности, надо полагать, был еще более пестрым) такого множества каст. Дело в том, что здесь с давних времен идет процесс ассимиляции индоарийцами дравидоязычных и мундоязычных племен и включения их в единое общество в виде низших каст. Например, племя байга превратилось в касту колдунов, племя агариа — в касту кузнецов и т. д.

Данные этнографии позволяют, по нашему мнению, заново поставить вопрос, были ли в древнем Двуречье регулярные переделы земли внутри семейно-родовых общин. Родовая община не знает переделов земли. Незанятых земель много, и равные права членов общины состоят в том, что каждый из них имеет право заимки. Не знает переделов, как правило, и семейно-родовая община.

Отсутствие в сделках о купле-продаже земли указаний на точные границы участков не свидетельствует еще, по нашему мнению, о регулярных переделах земли в древневосточной общине. Возможно, здесь в семейно-родовой общине было долевое землевладение. Эта форма собственности на землю довольно хорошо изучена этнографами. Можно считать установленным, что долевое землевладение не препятствует имущественной дифференциации, что оно связано с переходом от общинной собственности к частной. «Разделение земли на идеальные доли дает возможность одновременно выразить и коллективную собственность на землю всей родственной группы, и частную собственность отдельных семей; каждая из них неполная и ограничивает одну другую».²⁶

Мы можем сейчас говорить о том, что на русском Севере крестьяне перешли от долевого землевладения к землевладению с регулярными переделами земли, характерному для сельской общины, под воздействием феодализма, который «стремится не допустить социальной дифференциации среди крестьян».²⁷ С другой стороны, следует отметить, что на Балканах с их долевым землевладением переделы земли были почти неизвестны. В тех редких случаях, когда земля переделывалась, передел осуществлялся только по месту, но не по душам: размеры новых участков оставались те же, т. е. соответствовали долям семей в общинной земле.

Есть основания полагать, что в Византии (VII—XII вв.) существовало долевое землевладение. Было, видимо, оно и в Ассирии (XVI—XI вв. до н. э.). «Община считается верховным собственником земли, — пишет И. М. Дьяконов, — а отдельные лица или семьи — лишь владельцами, при этом владельцами не кон-

---

²⁶ Л. В. Маркова. Долевое землевладение в Родопском крае Болгарии. Сов. этногр., 1963, № 5, стр. 81.

²⁷ И. В. Советов. Проблема долевого землевладения в Европе. М., 1964, стр. 9.

кретных участков, а определенного размера доли в общине».²⁸

Переделы земли в прошлом мы находим у яванцев, сундов и мадурцев на Яве и Мадуре, где издавна существовали государства и была возможность и потребность тормозить процесс расслоения внутри общин. Но мы не встречаем переделов земли у батаков, даяков, минангкабау. Не наблюдаем их и в Западной Тропической Африке. Там нет, правда, и долевого землевладения. Надо, однако, отметить, что доленое землевладение отмечено только там, где есть продажа общинной земли. В Западной Тропической Африке продажа земли появилась лишь недавно (и во многих из стран до сих пор считается незаконной). Мы не видим переделов земли в Океании, не было их и у астеков. В общинах майя каждый год шла расчистка лесов, знать получала огромные участки, каждый женатый рядовой общинник получал определенных размеров участок. Но переделов земли не было.

У инков существовали ежегодные переделы земли. Но это именно то исключение, которое подтверждает правило: племя инков, покорив племена кечуа и аймара, стало господствующей кастой; сами инки не работали, их кормили общины кечуа и аймара; земля в этих общинах переделывалась, и тем искусственно тормозился в них процесс расслоения.

Таким образом, есть основания полагать, что переделы земли появились лишь в сельской общине. Так думал, как известно, и Ф. Энгельс. Дальнейшее развитие ведет к окончательному разделу пахотной земли и лугов.²⁹

Что касается взаимоотношений между общиной и государством, то и здесь этнография может сказать свое веское слово. Можно детально проследить, как особые общинные поля, обрабатываемые совместно, урожай с которых хранится в общинных амбарах и идет на нужды общинников (например, у индейцев пуэбло), превращаются в земли, урожай с которых (он все еще хранится в общих амбарах) идет на покрытие расходов по управлению, по войску, на содержание верховного вождя, его семьи и свиты, на содержание храма и т. д. Для обработки этих земель вождь назначал общинников (астеки). На атекских картах земля общины делится на три части: храмовую, государственную и собственно общинную, и каждая из частей помечается особым цветом. Постепенно наряду с наличием в общине участков, откуда урожай поступает в государственные хранилища, появляются трудовые повинности в пользу государства (государство Конго). Возникает учет трудоспособного населения с целью упорядочения сбора налогов и податей (в государстве Буганда — с помощью раковин каури).

---

²⁸ И. М. Дьяконов. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949, стр. 75.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 63.

Материалы этнографии могут дать ценные сведения о рабстве. Видимо, рабство еще не играло в раннеклассовых государствах, в том числе и в древнем Двуречье, такой роли, чтобы их можно было назвать рабовладельческими. Рабов мало, сосредоточены они в руках семейно-родовой знати, и данное обстоятельство является одним из факторов, выделяющих эту знать, делающих ее знатью. Таким образом, само рабство выступает наряду с прочими причинами как фактор создающий не столько рабовладельческое, сколько сословно-кастовое общество. Основной формой эксплуатации является эксплуатация общинников (низших сословий и каст). Рабы — это чужаки, захваченные в плен. В государстве Буганда раб назывался *буду* (Буду — страна к югу от Буганды), в Индии — *даса* (даса — человек неарийского племени), в государстве Аксум — *барса* (барса — название соседнего племени). Видимо, правы те исследователи, которые считают, что в Индии не развилось рабство, потому что существовал кастовый строй.

В вышесказанном имеется, вероятно, немало спорных сопоставлений и выводов. Но мы хотим обратить внимание на возможности, раскрывающиеся перед наукой в результате сочетания фактов истории Древнего Востока и этнографии. Мы хорошо видим, что в нашей статье сделаны лишь первые робкие шаги в данном направлении. Но сам метод — сопоставление фактов истории Древнего Востока или другой страны древнего мира с фактами этнографии — нам представляется плодотворным и перспективным. Мы выражаем надежду, что другие ученые скажут об этом лучше.

Глоссарий¹

(Словарь местных социальных терминов)

Принятые сокращения языков и языковых групп

асс. — ассамский.	м. — микир.
б. — батакский.	мел. — меланезийские.
вьет. — вьетнамский.	мент. — ментхей.
г. — гаро.	мнкб. — минагкабау.
гав. — гавайский.	н. — группа нага.
д. — дулун.	п. — полинезийские.
ин. — индонезийские.	т. — тлинкитский.
к. — кхаси.	тайск. — тайский.
к. б. — каро-батакский.	т. б. — тоба-батакский.
кит. — китайский.	тр. — тробрианский.
кх. — кхам.	ч. к. — чиру куки.
л. — лакхер.	ю. б. — южнобатакские диалекты.
луш. — лушея.	

Аба — семейно-родовая община у народа йоруба.

Абей (л.) — вождь общины.

Агболе — большесемейная община у народа йоруба.

Аига — амбилиния у самоанцев.

Аига потопото (п.) — род.

Аилью — семейно-родовая община у кечуа.

Акинг (г.) — часть общинного джхума (см.), принадлежащая нокме (см.) или отдельным разбогатевшим общинникам.

Альмами — верховный вождь у народа фульбе.

Алу — семейно-родовая община в Аррапхе и Алалахе.

Анак ни раджа (б.) — члены старейшего в данном поселении марга (см.); букв. «дети раджи».

Анг (н.) — наследственный вождь у коньяк нага; род вождя.

Ауренг (тайск.) — обычай взаимопомощи.

Ахупуа (гав.) — семейно-родовая община.

Аця (и) — сословная группа людей, находившихся в рабской или крепостнической зависимости.

Бави (луш.) — зависимые общинники, отрабатывающие вождю полученную от него помощь в виде ссуды, земли и т. д.

Байлайху (д.) — система коллективной обработки земли.

Байобайо (ю. б.) — см. Бору.

Бакабало — жрец у народа бемба.

Бан (вьет.) — селение в горных районах.

¹ Составлен Е. В. Ревуненковой.

- Баоцзя (кит.) — система круговой поруки.
- Билока (лису) — форма трудовой взаимопомощи.
- Биту — малая, или домовая, община в древней Ассирии.
- Биус (б.) — смешанное территориально-родовое объединение.
- Бо-тинь (вьет.) — глава общины.
- Бору (б.) — один из терминов, характеризующих трехродовой союз; марга (см.), куда выдают замуж; букв. «дочь».
- Бу (и) — название отдельных семей, принадлежащих к одному цоси (см.), но представляющих независимую экономическую единицу.
- Бусу (и) — семейно-родовая община, включающая родственников по отцовской линии; термин для обозначения поселения, деревни.
- Ваба (лису) — см. Вацзю.
- Ванау (п.) — домовая община у маорийцев.
- Вафу (лису) — форма найма работников с натуральной оплатой.
- Ваца (и) — сословная и кастовая зависимость; лица низшего сословия, зависимые от высших сословий.
- Вацзю (лису) — форма взаимопомощи с равноценным обменом рабочей силы.
- Вашуа (лису) — форма родственной или соседской взаимопомощи.
- Вувала (мел.) — домовая община.
- Гай ту гуй луй (кит.) — политика, направленная на ликвидацию местных правителей — тусы (см.). Существовала во время правления династий Мин и Цин, а также при гоминьдановцах.
- Гана-нокма (г.) — вид потлача (см.).
- Ганьвак (вьет.) — земли, предназначенные для крестьян-общинников.
- Гоанбура — члены учрежденных английской администрацией деревенских советов у нага.
- Голат (б.) — верховное право владения землей.
- Гунгэн (кит.) — форма землепользования нескольких семей на совместно обрабатываемый участок земли; форма коллективного труда; надсел земли члена данного объединения.
- Далихан на толу (б.) — название трехродового союза; букв. «треножник».
- Димту — малая, или домовая, община в Аррапхе.
- Джуджур (ин., б.) — плата за жену.
- Джураи (мнkb.) — часть большой семьи.
- Джхум (асс.) — подсеечно-огневое земледелие.
- Донган саджабу (т. б.) — большая семья.
- Донган саина (б.) — один из терминов, характеризующих трехродовой союз; члены одного марга; букв. «от одной матери».
- Дэгу (и) — глава, старшина цоси (см.), решающий внутренние и внешние вопросы.
- Е — малая, или домовая, община в древнем Шумере.
- Идиле — родовое ядро в большесемейной общине у народа йоруба; букв. «корень дома».
- Илу — семейно-родовая община у народа йоруба.
- Йенгатен (н.) — производственные объединения у лхота нага.
- Жуонг тьык (вьет.) — общинное и должностное землевладение.
- Зяп (вьет.) — домовая община.
- Каэтаси (п.) — собственность на землю семейно-домовой общины на Эллисовых островах.
- Кальпулли — домовая община у астеков.

- Кампунг (ин., б.) — объединение нескольких хута (см.); низшая административная единица; поселение, деревня.
- Кампуэнг (мнkb.) — группа кровных родственников по материнской линии; матрилиния.
- Канча — домовая община у кечуа.
- Кельху (н.) — фратрия у ангами нага.
- Кемово (н.) — наследственный верховный жрец у ангами нага.
- Кепала кампунг (ин., б.) — глава кампунга, избираемый жителями всех хута (см.).
- Кепала негери (ин., б.) — глава негери (см.), назначаемый правительством.
- Керджа (б.) — см. Хорджа.
- Кесаин (к. б.) — усадьба большой семьи; букв. «двор».
- Кетуа деван (б.) — см. Кепала негери.
- Кидонг (н.) — род у ангами нага.
- Кимук (вьет.) — первый старейшина общины.
- Кихао (вьет.) — старейшина.
- Конхьон (вьет.) — долговой и домашний раб.
- Коренг (тайск.) — обычай взаимопомощи.
- Кпox (кх.) — мелкие генеалогические подразделения, объединяющиеся в кур (см.).
- Куанг бан (вьет.) — глава общины.
- Куанг кхиен (вьет.) — управляющие общиной или поселком, входящим в общину.
- Куанг мыонг (вьет.) — правитель области, принадлежащий к родовой ветви, которая первой обосновалась в данной области.
- Куанг тхиенг лау (вьет.) — распорядитель культовых церемоний в общине.
- Куанг тхоа луай (вьет.) — ответственный за порядок в общине.
- Куанг хо (вьет.) — куанги, связанные родственными узами с куанг мыонгами (см.); управители части области.
- Кумила (тр.) — род.
- Куонг (вьет.) — отработка за пользование общинной землей.
- Кур (кх.) — матрилинейная экзогамная группа.
- Куриа (ю. б.) — объединение близлежащих деревень.
- Кута (к. б.) — см. Хута.
- Куэй (л.) — группа высшей наследственной аристократии.
- Кха (лису) — деревня.
- Кхангшина (ч. к.) — постоянные организации юношей в рисомар (см.).
- Кхуллакпа (меит.) — старейшина общины у мейтхеев; один из восьми должностных лиц общины у пурум куки; религиозный глава общины у копьяк нага.
- Лакзан (вьет.) — свободный общинник.
- Лактыонг (вьет.) — представитель военной власти в государстве Аулак.
- Лакхау (вьет.) — представитель гражданской власти в государстве Аулак.
- Ласкар (г.) — глава округа, назначаемый правительством из числа местных старейшин.
- Личьонг (вьет.) — деревенский староста.
- Луат (б.) — объединение близлежащих деревень.
- Макуанг (вьет.) — моельня, вместилище духов предков куангов.
- Мамак (мнkb.) — глава большой семьи, или домовая общины.
- Манахуне (п.) — рядовой общинник у тайтян.
- Марга (т. б.) — разросшийся род, члены которого ведут свое происхождение от общего мужского предка.
- Марга раджа (б.) — правящий раджа; букв. «род раджи»; см. также: Марга сипунгка хута.
- Марга сипунгка хута (б.) — старейший марга, чьи предки первыми поселились в данной местности; букв. «род — основатель деревни».
- Марджаджо (б.) — система отходничества.

Мартутур (б.) — расспрос для выяснения степени родства.
Матабуле (п.) — сословно-кастовая группа на островах Тонга.
Махари (г.) — родовая группа; в прошлом род.
Мачас (л.) — совет старейшин при вожде, члены которого обычно принадлежат к благородному сословию.
Мачонг (г.) — матрилиния.
Мачхи (л.) — рядовой общинник.
Мерга (к. б.) — см. Марга.
Момьонг (вьет.) — служитель культовых церемоний в общине и отдельных банах (см.).
Монго (мел.) — см. Туратурама.
Мото (вьет.) — глава мотхена (см.), совершавший моления и жертвоприношения духам предков.
Мотхен (вьет.) — институт служителей религиозных культов.
Мотхонам (вьет.) — представители и выходцы из аристократических семей.
Мотянг (тайск.) — служитель культа в общине.
Муа (п.) — сословно-кастовая группа на островах Тонга.
Мугабе — правитель в Анколе.
Муми (мел.) — семейно-родовая знать.
Мфуму — вождь и члены его семьи у народа бемба.
Мхитсо (н.) — мелкое подразделение рода у хлота нага; патрилиния.
Мьонг (вьет.) — горное селение.
Мэнгэ (и) — общее собрание членов цоси (см.).
Мэнчжу (и) — одна из групп сословия ацзя (см.), имевшая собственные цоси (см.).
Мяньба (ну) — родовая взаимопомощь.

Нагари (мнкб.) — соседско-большесемейная община.
Нагари (ин.) — деревня.
Нам (вьет.) — см. Ты.
Намора, наморамора (б.) — см. Хулахула.
Насомарадат (б.) — нарушитель адата.
Негери (б.) — объединение нескольких кампунгов (см.).
Ноби (и) — носу (см.), нарушившие кастовую эндогамию в недалеком прошлом; букв. «гнилые носу».
Нобо (и) — подразделение внутри высшего сословия; элита носу (см.); букв. «люди крепкой кости».
Ноди (и) — подразделение внутри высшего сословия носу (см.); букв. «люди слабой кости».
Нокма (г.) — глава деревни, представитель одной из старейших семей в деревне.
Нокром (г.) — муж дочери-наследницы; система наследования.
Носу (и) — высшая сословная группа у народности и; самоназвание народности; букв. «люди черной кости».

Овачира — домовая община у ирокезов.
Оконопо (п.) — рядовой общинник.
Охана (гав.) — домовая община.

Паруи (мнкб.) — см. Сабуах паруи.
Пербапан (б.) — основное поселение; букв. «место, где живет отец».
Пехума (н.) — вождь.
Потгач (т.) — традиционная церемония, совершаемая для получения социального престижа людьми, достигшими материального благосостояния.
Путса (н.) — патрилиния у ангами нага.
Пхансанг (л.) — аристократическое сословие общины.

- Раджа (ин., б., с санскрита) — старейшина хуты (см.).
 Раджа адат (ин., б.) — старейшина, наблюдавший за соблюдением адата.
 Раджа ихутан (б.) — см. Раджа марга.
 Раджа марга (б.) — наследственный титул старейшины марга (см.), сохраняемый в старейшей большой семье данной соседско-большесемейной общины.
 Раджа панусухан (б.) — глава совета старейшин.
 Рипе (т. б.) — малая семья.
 Рисомар (м.) — дом холостяков.
 Румах (к. б., ин.) — большая семья, занимающая один дом; дом.
- Са (вьет.) — община.
 Сабуах паруй (мнkb.) — большая семья, или домовая община.
 Сайех (н.) — одно из генеалогических подразделений у ангами пага.
 Самандай (мнkb.) — семейная ячейка, включающая мать с детьми.
 Самарга (б.) — члены одного марга.
 Саомпу (т. б.) — группа кровных родственников, включающая от 4 до 12 поколений по мужской линии.
 Сахем — вождь деревни у прокезов.
 Сенина (т. б.) — члены одного марга.
 Сибайак (б.) — одно из названий старейшины; букв. «богатый».
 Суку (вьет.) — земли первых старейшин.
 Суку (мнkb.) — разросшийся первоначальный род, члены которого ведут происхождение по женской линии.
 Сяси (и) — низшее сословие населения Ляншаня, рабы.
 Сы (вьет.) — земли вторых старейшин.
- Тан (вьет.) — низшее должностное лицо в административном аппарате общины.
 Татара (н.) — класс вождей, участвующих в управлении общиной и по существу составляющих деревенский совет у ао пага.
 Туа (п.) — сословно-кастовая группа на островах Тонга.
 Туан (б., ин.) — одно из названий старейшины у батаков; букв. «господин».
 Туратурама (мел.) — зависимый.
 Тусы (кит.) — система управления национальными районами в Китайской империи.
- Тхино (н.) — род у ангами пага.
 Тхо (вьет.) — туземец.
 Тхоти (вьет.) — система управления народами Северного Вьетнама через богатых племенных вождей.
 Тхохао (вьет.) — деревенские богачи, сохранявшие должности старейшин.
 Тьенг (вьет.) — земли третьих старейшин.
 Ты (вьет.) — титул мелкого тхоти (см.), обладающего властью в общине.
 Тэнгаоба (д.) — старейшина общины.
 Тя (вьет.) — земли четвертых старейшин.
 Тяу (вьет.) — должностные лица общины, выходцы из зажиточных семей.
 Тяу (вьет.) — административная единица, горная область.
 Тяу кхиен (вьет.) — см. Тяу хо.
 Тяу мыонг (вьет.) — высшее должностное лицо в административном аппарате общины.
 Тяу санг (вьет.) — должностное лицо в управлении общиной.
 Тяу тьонг (вьет.) — см. Тяу хо.
 Тяу хо (вьет.) — низшее должностное лицо в управлении общиной.

- Улупва — домовая община у бемба.
 Умупаби — рядовой общинник у бемба.
 Умуши — семейно-родовая община у бемба.
 Уру — семейно-родовая община в древнем Шумере.
 Урунг (к. б.) — союз деревень.

Фалапг (л.) — землевладелец, выделившийся из среды родственников и приближенных вождя.

Фатангамуа (п.) — общинная собственность на Эллисовых островах.

Фиатао (вьет.) — институт местных феодализирующихся старейшин, управляющих северо-западными областями Вьетнама.

Фоли (вьет.) — помощник деревенского старосты.

Хапу (п.) — семейно-родовая община у маори.

Хе (лису) — семья.

Хорджа (т. б.) — подрод; патрилияния.

Хулахула (б.) — один из терминов, характеризующих трехродовой союз; марга, из которого берут жен.

Хундулан (т. б.) — союз деревень.

Хута (т. б.) — соседско-большесемейная община; деревня, поселение.

Хута парсерахан (б.) — материнская хута; основное поселение.

Цзубуда (и) — система принудительного ростовщичества.

Цзика мэнгэ (и) — объединенное собрание членов нескольких цоси (см.).

Цзирцзите (и) — собрание всех старшин цоси (см.) и глав бусу (см.), на котором решались наиболее важные дела.

Цоси (и) — родовая организация, состоящая из родственников по отцовской линии; в прошлом обозначение для рода; также: территориальное подразделение.

Цоцзя (и) — см. Цоси.

Цюйно (и) — многочисленная, относительно свободная сословная группа белых и Ляншаня; сословие свободных земледельцев и землевладельцев.

Чхибо (н.) — род у лхота нага.

Чжахуа (и) — руководитель цоси (см.) во время военных столкновений, избираемый из числа лиц, отличившихся в войнах.

Чыонг зяп (вьет.) — глава домового общины.

Шо (кит.) — низшая группа в сословии ацзя (см.), не имевшая своей родовой организации и происходящая из пленных китайцев; букв. «лишний китаец».

Эги (п.) — сословно-кастовая группа на островах Тонга.

Эша (ну) — старейшина генеалогического рода, избираемый пожизненно всеми родственными семьями.

Явуза (мел.) — семейно-родовая община.

Содержание

	Стр.
Предисловие	3
<i>С. А. МАРЕТИНА</i> . Община у горных народов Ассама	7
<i>А. М. РЕШЕТОВ</i> . Община у лису в первой половине XX в.	49
<i>Р. Ф. ИТС, А. Г. ЯКОВЛЕВ</i> . К вопросу о социально-экономическом строе ляншаньской группы народности и	64
<i>Ю. И. ЖУРАВЛЕВ</i> . Социально-экономические отношения у дулун и ну (середина XX в.)	107
<i>А. И. МУХЛИНОВ</i> . Социальная организация тайских народов Вьетнама	128
<i>Ю. В. МАРЕТИН</i> . Общественные отношения у батаков (Северная Суматра)	146
<i>Н. А. БУТИНОВ</i> . Этнографические материалы и их роль в изучении общины древнего мира	168
Глоссарий	192

**Община и социальная организация
у народов Восточной
и Юго-Восточной Азии**

*Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

Редактор издательства **В. Т. Бочевер**

Художник **С. Н. Тарасов**

Технический редактор **И. М. Татарина**

Корректоры **М. А. Горилас, Н. И. Журавлева и Г. И. Яковлева**

Сдано в набор 19/XI 1966 г. Подписано к печати 20/II 1967 г.
РИСО АН СССР № 156—107В. Формат бумаги $60 \times 90^{1/16}$.
Бум. л. $6\frac{1}{4}$. Печ. л. $12\frac{1}{2} = 12\frac{1}{2}$ усл. печ. л. Уч.-изд.
л. 13,52. Изд. № 3195. Тип. зак. № 1347. М-24619. Ти-
раж 1500. Бумага типографская № 2. Цена 91 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34,
9 линия, д. 12